

MAY JULY AUG MA

РИЧАРД СМИТТЕН *Ричард Смиттен*

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ВЕЛИЧАЙШЕГО
БИРЖЕВОГО
СПЕКУЛЯНТА

СЕРИЯ «ВЕЛИКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ»

Ричард Смиттен

Жизнь и смерть величайшего биржевого спекулянта.

Серия

«Великие профессионалы» М: Омега-Л, - 384 с.

ISBN 5-98119-687-4

В этой книге автор рассказал свою историю жизни человека-легенды Уолл-Стрита, героя известного бестселлера "Воспоминания биржевого спекулянта" - Джесси Ливермора. Взгляните с близкого расстояния на жизнь, рассуждения и финансовые подвиги этого легендарного трейдера сквозь призму разговоров с семьей, профессиональных успехов и разработанных им революционных методов заключения сделок. Подробно описывая историю личной жизни Ливермора, автор изображает нигде ранее не раскрывавшуюся частную сторону этого человека-загадки.

Одновременно автор обучает вас принципам заключения сделок, методам выбора времени и стратегиям управления денежными средствами, которые, если Ливермор оставался им верен, помогли ему в течение жизни заработать несколько мультимиллионных состояний.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся вопросами инвестиций и функционированием финансовых рынков, а также жизнеописаниями великих профессионалов.

ISBN 5-98119-687-4

© Originally published by John Wiley&Sons, Ltd, Copyright, All rights reserved. Права получены по соглашению с John Wiley&Sons, ltd

при содействии Агентства А. Коржаневского

© И.Закарян

Jesse LIVERMORE

**WORLDS
GREATEST
STOCK
TRADER**

Richard Smitten

John Wiley & Sons, Inc
New York • Chichester • Brisbane • Toronto • Singapore

"Уолл-Стритт никогда не меняется, меняются деньги, меняются участники, меняются акции, но Уолл-стритт никогда не меняется, потому что не меняется природа человека".

Джесси Ливермор

Навсегда вошедший в историю художественной инвестиционной классики как главный герой бестселлера *"Воспоминания биржевого спекулянта"*, Джесси Ливермор

многими считается лучшим трейдером в истории. Теперь впервые реальная история жизни одного из наиболее занимательных и успешных фигур Уолл-Стрита возрождается в образе *Джесси Ливермора* в книге *"Жизнь и смерть*

величайшего биржевого спекулянта". Взгляните с близкого

расстояния на жизнь, рассуждения и финансовые подвиги этого легендарного трейдера сквозь призму разговоров с семьей, профессиональных успехов и разработанных им революционных методов заключения сделок. Подробно описывая историю личной жизни Ливермора, автор данной книги, Ричард Смиттен живо изображает нигде ранее не раскрывавшуюся частную сторону этого человека-загадки. Одновременно автор обучает вас принципам заключения сделок, методам выбора времени и стратегиям управления денежными средствами, которые, если Ливермор оставался им верен, помогли ему в течение жизни заработать несколько состояний.

Ливермор сбежал из дома в 1891 году, в возрасте четырнадцати лет, с пятью долларами в кармане. Он начал карьеру на фондовом рынке в качестве мальчика-ассистента, пишущего значения на доске, в Бостонском офисе Пейна Веббера. Год спустя он был уже полноправным трейдером. К двадцати годам он накопил столько денег, что был изгнан из всех брокерских контор Нью-Йорка и Бостона. Со своими радикальными методами заключения сделок и безграничным терпением, Ливермор загнал рынок хлопка в угол и нанес решающий удар во время краха фондового рынка в 1907 году, получив более 3 миллионов долларов за день. Дж.П.Морган

лично просил его прекратить играть на понижение рынка. С такими друзьями, как финансист Бернард Барух, Уолтер Крайслер, Чарли Чаплин и Альфред Слоан из "Дженерал Моторс", Ливермор общался с гигантами и многому у них научился. Он сыграл на понижение в 1929 году, и депрессия настигла его со 100 миллионами долларов наличными. Ливермор в конце концов обнаружил, что социальный статус и деньги не могут помочь в борьбе с депрессией, не могут восстановить распадающийся брак, сделать прохладные отношения с сыновьями более теплыми.

Единственная подробная биография Джесси Ливермора поможет вам очутиться в центре его удивительного мира и наблюдать за его развитием. Узнайте человека, миф, легенду, проследив за развитием его отношений с разными женами и историей построения различных стратегий заключения сделок, его прогрессом от поместий на Лонг-Айленде до курортов Палм-Бич, яхт и личных железнодорожных вагонов. Первыми узнайте полную историю как личной, так и профессиональной жизни наиболее успешного трейдера всех времен в рассказе о заключении сделок, триумфе и трагедии.

РИЧАРД СМИТТЕН, автор и трейдер, живущий в Сан-Лаудердейле, Флорида. Он имеет степень бакалавра гуманитарных наук по английскому языку Университета Западного Онтарио. Как исполняющий обязанности вице-президента "Эм Ти Эс Интернэшнл" он следил за кадровым составом на нефтяных вышках в Северном море, конструированием реактивного истребителя "Дассо Мираж" и безопасностью, на тот момент только что открытых, нефтяных месторождений в Нигерии. Он также работал на "Вик Кемикал", где стал директором по маркетингу Канадского подразделения. Смиттен является автором нескольких книг, включая такие как *"Крестная мать"*, *"Преступление, караемое смертной казнью"* и *"Законное платежное средство"*, и соавтором Робина Моора

по книге *"Внутри кокаинового картеля"*.

Эта книга посвящается моему отцу, Луи Смиттену.

Без

*него этой книги не было бы. Он именно тот человек,
которому
удалось совершить невозможное: он успешно сочетал
светский успех с успехом духовного развития.*

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ 11

БЛАГОДАРНОСТИ 15

ГЛАВА 1

ВЕЛИКИЙ СПЕКУЛЯНТ УОЛЛ-СТРИТ 17

ГЛАВА 2

ПРЕДЫСТОРИЯ 37

ГЛАВА 3

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В САН-ФРАНСИСКО АУКАЕТСЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ 61

ГЛАВА 4

КРАХ 1907 ГОДА 89

ГЛАВА 5

ХЛОПКОВЫЙ КОРОЛЬ 115

ГЛАВА 6

СНОВА В ИГРЕ 139

ГЛАВА 7

СОВЕРШЕНСТВУЯ СВОЮ ТЕОРИЮ РЫНКА 161

ГЛАВА 8

БИРЖЕВЫЕ ПУЛЫ И СКАНДАЛЫ 187

ГЛАВА 9

БОСТОНСКИЙ БИЛЛИ 213

***ГЛАВА 10**

КРАХ 1929 ГОДА 231

ГЛАВА 11

ЗНАТЬ, КОГДА ПРИДЕРЖАТЬ И КОГДА ЗАВЕРНУТЬ 245

ГЛАВА 12

ПРАВИЛА УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ ЛИВЕРМОРА 265

ГЛАВА 13

УДАЧА ОТВОРАЧИВАЕТСЯ ОТ ЛИВЕРМОРА 289

ГЛАВА 14

ВЫСТРЕЛЫ В ДЖЕССИ ЛИВЕРМОРА-МЛАДШЕГО 311

***ГЛАВА 15**

ЛИЦОМ К ЛИЦУ СО СМЕРТЬЮ 325

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАКОНЫ И СЕКРЕТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БИРЖЕВЫХ СДЕЛОК
ЛИВЕРМОРА 351

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1923 году семь человек, стоящих на вершине пирамиды финансового успеха, собрались в гостинице "Эджвотер" в Чикаго. Вместе они контролировали больше денег, чем Казначейство Соединенных Штатов и в течение долгих лет средства массовой информации приводили их в качестве примеров успеха.

Кто были эти люди? Чарльз Шваб, президент самой большой в мире компании-производителя стали, Артур Каттен, самый большой спекулянт на рынке пшеницы того времени, Ричард Уитни, президент Нью-йоркской фондовой биржи, Альберт Фолл, член Кабинета министров, Джесси Ливермор, величайший спекулянт на Уолл-Стрит, Леон Фразер, президент Международного Расчетного Банка и Айвэн Крюггер, глава самой большой монополии в мире.

Что с ними произошло? Шваб и Каттен умерли, разорившись, Уитни провел долгие годы в тюрьме Синг-Синг; Фолл также провел много лет в тюрьме, но был освобожден и умер дома; а остальные: Ливермор, Фразер и Крюггер совершили самоубийство.

Дональд МакКаллоу

"Пробуждение от американской мечты"

Этапы продажи без покрытия определяются как продажа актива, который вам не принадлежит, в предчувствии падения цены. Актив одалживается у вашего брокера для поставки клиенту. Затем актив приобретается на вольном рынке и возвращается брокеру, завершая операцию. Другими словами, актив сначала продается, а затем покупается, по возможности, по более низкой цене. Эта обратная форма операции "купи - продай".

Луи Смитген, спекулянт

Предисловие

Предисловие

*Нет ничего более сложного в получении,
опасного в управлении и неопределенного в успехе,
чем инициатива в представлении нового порядка
вещей.*

Николо Макиавели

*КОГДА МНЕ БЫЛО 13, МОЙ ОТЕЦ РАССКАЗАЛ МНЕ
О ВЕЛИЧАЙШЕМ БИРЖЕВОМ* трейдере, Джесси Ливерморе.
Я сидел и слушал, а отец рассказывал мне о том, как Ливермор
установил новые стандарты для заключения сделок с акциями.
Зачарованный этим рассказом, я начал читать о Ливерморе,
когда мне исполнилось 14.

Я не знал, что 40 лет спустя мы с Ливермором волей
судеб встретимся - или о том, что я посвящу больше года своей
жизни исследованию его жизни. Я не знал, что в конце концов я
узнаю его так хорошо, как вряд ли кто-либо его знал.

Ливермор был человеком крайне скрытным, загадочным
и молчаливым. Он старался контролировать свои эмоции и
таким образом превозмог непрочность человеческих страстей,
от которой страдаем мы все. Кроме того, он хотел выиграть
игру, решить задачу, улучшить фондовый рынок.

Многие читатели знакомы с Джесси Ливермором под
именем Лэрри Ливингстона, персонажа книги-бестселлера
"Воспоминания биржевого спекулянта" финансового

журналиста Эдвина Ле Февра. Впервые опубликованная в 1923
году, эта книга является художественной биографией
Ливермора. Несомненно, *"Воспоминания"* являются одной из

лучших, когда-либо написанных, о мире финансов книг.
Поколения трейдеров, инвесторов и исследователей рынка

Предисловие

обращались к ней для того, чтобы получить понимание стратегий великого трейдера, психологии толпы и выбора времени на рынке.

После прочтения *"Воспоминаний"* и собственной книги

Ливермора *"Как заключать сделки с акциями"*, я понял, что

история Ливермора этим не ограничивается. Опубликованное почти ничего не говорило о настоящем Джесси Ливерморе. И я отправился в двухгодичное путешествие, перенесшее меня в мир Ливермора - как профессиональный, так и личный. Я смог получить интервью у Пола Ливермора, сына Джесси, который первый раз давал официальное интервью о своем отце. Я также говорил с Патрицией Ливермор, женой Джесси Ливермора-младшего и близкой подругой Дороти Ливермор, второй жены Ливермора и матери его двоих детей.

Подобно знаменитому финансисту Дж.П.Моргану, Ливермор на протяжении всей своей жизни страдал от сильных приступов депрессии. В то время, когда он жил, от этого состояния не было средств и, в конце концов, в 1940 году, он покончил жизнь самоубийством.

Ливермор был тихим и скрытным человеком, но, тем не менее, прожил очень богатую и захватывающую жизнь, вращаясь в высших кругах общества. Его лично обвиняли в великом крахе 1929 года, он получал многочисленные угрозы жизни и его постоянно пытались похитить. Он женился на красавице-статистке и стал отцом двух детей, в одного из которых будет в конце концов стрелять его собственная мать.

Эта книга представляет собой полную биографию Джесси Ливермора, человека и трейдера. Она фиксирует его жизнь в мелких подробностях, а также приоткрывает много новых аспектов его выдающихся методов заключения сделок, которые были революционными в то время и остаются революционными и по сей день.

В этой книге заключены четыре простых идеи.

Во-первых, человеческая природа никогда не меняется. Следовательно, никогда не меняется и фондовый рынок. Только

лица, деньги, участники, войны, бедствия и технологии сменяют

Предисловие

друг друга. Рынок сам по себе никогда не меняется. Да и как он может меняться? Ведь человеческая природа никогда не меняется, а именно она управляет рынком - не разум, не экономика и, безусловно, не логика. Именно наши человеческие эмоции управляют рынком, а также большинством других вещей на этой планете.

Во-вторых, достижение материальных целей, карьерные амбиции и счастье в жизни - это не одно и то же. Между успехом и счастьем нет однозначной прямой зависимости. Между богатствами мира и эмоциональной полноценностью не существует автоматического равновесия.

В-третьих, именно *воля*, а не интеллект позволяет

каждому из нас достигать своих целей. Одного таланта недостаточно. Везения недостаточно. Только воля к выполнению тяжелой работы и невероятная настойчивость ведут к обретению невозможного. Не существует коротких и легких путей. Особенно, как вы поймете, на фондовом рынке.

И, наконец, великие открытия человечества совершались конкретными людьми, а не группами. Все великие идеи, огромные состояния, гигантские шаги вперед в технологии, политике и медицине шли от индивидов, а не от групп.

Есть много способов играть на рынке, сотни теорий, техник, систем и стратегий. Эта книга раскрывает подход Ливермора. Впервые в истории в одном томе раскрываются его секреты по поводу того, как успешно спекулировать и зарабатывать деньги. Большая часть проведенных исследований жизни Ливермора были основаны на интервью, данных его семьей, личных бумагах, газетных заметках и собственных работах Ливермора. Немного поэтики было привнесено при воссоздании диалогов, чтобы нарисовать более живой портрет Джесси Ливермора, человека его времени. В определенных частях книги я воспроизвел разговоры так, как они были переданы мне членами семьи.

И я думаю, вы согласитесь, после прочтения этой книги, что история не знала другого биржевого спекулянта, подобного Джесси Ливермору.

Благодарности

Особая благодарность Полу Ливермору за его любезное согласие вернуться назад во времени, вспомнить мельчайшие подробности прошлого, иногда неприятно болезненные, а также красавице-жене Пола, Энн, которая любезно уделила нам свое время.

Спасибо Патриции Ливермор, которой тоже пришлось заново прожить годы, когда она была замужем за Джесси Ливермором-младшим и вновь пережить большое горе, трагедию и печаль.

Особое спасибо моему отцу за то, что он рассказал мне о Ливерморе, когда я был молодым человеком, и за его блестящую техническую поддержку и редактирование этой книги. Также я должен поблагодарить мою необыкновенную дочь, Келли Смиттен, за ее постоянную поддержку и помощь в редактировании этой книги.

Я также должен поблагодарить Эда Добсона из издательства "Трейдерз Пресс" за огромную поддержку во время первого издания этой книги. Эд и многие другие люди разделяют со мной бесконечное восхищение жизнью и временами Ливермора.

Спасибо Дэби Мюррэй из Исторического общества графства Палм-Бич за то, что она провела меня в драгоценные архивы общества и позволила мне взглянуть на жизнь в Палм-Бич в конце прошлого века.

И, наконец, спасибо Джесси Ливермору за попытку сделать невозможное - укротить фондовый рынок и выиграть у него.

ГЛАВА 1

Великий спекулянт Уолл-Стрит

Наступит хаос.

Шекспир, "Отелло"

Рано утром 29 октября лабиринты Уолл-Стрит заполнили тысячи возбужденных зевак, пришедших для того, чтобы лично присутствовать при ожидаемой бойне. Конные полицейские и сыщики в форме пытались отогнать толпу от входа в Нью-йоркскую фондовую биржу, но все попытки оставались тщетными, каждый раз, когда им удавалось расчистить проход, толпа немедленно смыкала ряды снова.

Внутри, в операционном зале, по мере того как стрелки часов приближались к 10.00 и открытию торгов, в воздухе нарастали напряжение и страх. Менее недели назад, в Черный Четверг, фондовый рынок пережил самое разрушительное снижение в своей истории, и стремительное снижение котировок в следующий понедельник только способствовало росту паники.

В офисах брокеров по всей стране толпились нервничающие инвесторы, покашливая и переминаясь с ноги на ногу, они стоячи, уставившись в гипнотическом оцепенении на молчащий биржевой телеграфный аппарат - механического гонца, который вскоре с холодным безразличием вынесет вердикт о том, что экономика выживет, или, что более вероятно, о полной ее катастрофе.

Уильям Клингэмэн,
'1929 год: Год Великого Краха".

Великий спекулянт Уолл-Стрит

В ТО САМОЕ УТРО, РОВНО В 7.20, А НЕ В 7.19 ИЛИ В 7.21, Джесси Ливермор стоял у массивного входа в свой особняк из 29 комнат в Кингз Пойнт, Лонг Айленд, ожидая увидеть орнамент в виде летящего женского шарфа на своем черном Роллс-Ройсе. Шофер хорошо знал урок, он должен въехать на дорожку в семь-двадцать. Джесси Ливермор был пунктуальным человеком.

Легкий серый туман прилетел с пролива Зунд. Он подчеркнул прохладу воздуха, смену времен года и привнес в атмосферу зловещее предчувствие. Как обычно, машина въехала на длинную закругленную дорожку возле дома точно в 7.20 и остановилась возле Ливермора. Он молча кивнул водителю, сам открыл дверь и проскользнул на заднее сидение со сложенными подмышкой газетами. Он положил их на кожаные сидения, как он это делал каждое утро: *"Нью-Йорк Таймс", "Лондон Таймс", "Уолл-Стрит Джорнал"*. Он снова просмотрел заголовки: практически все

они были одинаковы - "Фондовые рынки по всему миру падают".

По мере того, как машина ехала по дороге, Ливермор включил лампу для чтения и задвинул занавески на боковых стеклах. Он хотел изучить газеты в темноте и в тишине. Для него в газетах не было сюрпризов. На самом деле он ждал подобных заголовков почти год. Он тщательно спланировал этот день и был спокоен.

Глава

1. Когда машина въехала на Манхэттен, водитель не

опустил стекло, разделяющее кабину водителя и салон. Вместо этого он воспользовался микрофоном: "Господин Ливермор, мы въехали на Манхэттен, вы просили вам сказать".

Ливермор открыл плотные черные занавески и позволил солнечному свету вытеснить темноту из салона лимузина. Он подумал о том, чтобы велеть водителю поехать на Уолл-Стрит, чтобы увидеть, почувствовать атмосферу в лабиринтах этой улицы.

Но это могло каким-либо образом повлиять на его дальнейшие действия, его эмоции, его объективность. Было ли это нижней точкой? Или просто паузой перед крутым снижением? Вернется ли уверенность на рынок и остановит ли она его свободное падение? Следует ли закрывать свои короткие позиции? Его состояние зависело от ответов на эти вопросы, и он давным-давно понял, что на фондовом рынке значение имеет только то, что люди действительно делают, а не то, что они говорят, что собираются сделать.

Некоторым людям, возможно, хотелось увидеть людской хаос, почувствовать отчаянный финансовый ад, который наступил, когда демон страха восстал и победил бога жадности, который казался таким сильным и непобедимым - но не Ливермору; он хотел, чтобы эти человеческие реакции его не затрагивали. Скоро он сможет увидеть все довольно ясно. Он выслушает тихий тикающий вердикт биржевого телеграфа в своем офисном кабинете, когда рынок откроется для торгов.

Он снова задвинул черные занавески на окнах и вновь принялся в темноте изучать газеты. Не поднимая глаз, он сказал: "Гарри, мы поедem прямо в офис".

Перед тем, как была введена система автоматического переключения светофоров, офицер полиции Нью-Йорка сидел в будке и управлял светофором. Когда приближался лимузин Ливермора, этот офицер обеспечивал ему зеленый свет светофора, чтобы ничто не задержало Ливермора на его пути из Кингз Пойнт до его офиса на Манхэттене.

Раз в неделю Гарри, водитель, еще раз проезжал по маршрулу, останавливаясь у каждой светофорной будки. Там он

Великий спекулянт Уолл-Стрит

передавал чаевые полицейскому за его внимание к финансисту, обеспечивающее зеленый свет на его пути. Ливермор был человеком, требовавшим точности.

Ливермор вышел из машины по адресу: Пятая Авеню, дом 730, Хекшер Билдинг. Он вошел в частный скоростной лифт, который остановился на восемнадцатом этаже, в пентхаусе. Ливермор требовал немедленного попадания в офис. Он предпочитал ни с кем не разговаривать, если это было возможно.

На двери кабинета Ливермора не было таблички с его именем. Он открывал ее своим ключом и входил в маленькую приемную, где в рабочее время находился Гарри Эдгар Даш. Мимо Даша было сложно пройти: он был двухметровым гигантом весом в 125 кг, и пресса считала его не только неприветливым, но и безобразным.

В этот час, однако, кабинет офиса был пуст. Ливермор всегда приходил первым. Он открывал вторую дверь особым ключом, хранимым в сейфе. Только он и Даш знали комбинацию цифр. Даш даже следил за уборщиками, когда они убирались в офисе Ливермора. Многие считали его офис самым роскошным в Нью-Йорке, с резными арками ручной работы, сделанными на заказ книжными полками, стенами, отделанными прекрасными панелями красного дерева и резного дуба. Ливермор увидел эти панели в библиотеке старого английского особняка. Он заплатил за эти панели, и они были демонтированы и доставлены в Нью-Йорк, где были установлены в его офисе.

Офис состоял из приемной; операционного зала с зеленой доской, занимающей всю стену, а также проходом для членов администрации; зала для совещаний; и, наконец, огромного частного кабинета Ливермора. Доску было видно из всех комнат.

Ливермор обычно нанимал штат из семи человек, шесть членов администрации плюс Даш. Первой обязанностью его работников было нанесение биржевых котировок на зеленую доску, которая занимала офис по всей длине. Даш следил за работой офиса и делал все остальное, о чем его просили. Члены администрации давали подписку о неразглашении и получали

Глава 1.

хорошую заработную плату. Молчание во время работы рынка было правилом в офисе. Ливермор не хотел отвлекаться, пока рынок открыт. Котировки нужно было записывать немедленно и аккуратно; речь шла о миллионах.

В каждой комнате было несколько биржевых телеграфов. Вьющаяся телеграфная лента была подобна крови, циркулирующей по венам офиса. Это была сама жизнь. Биржевой телеграф всегда был под рукой. Биржевые телеграфные аппараты были во всех основных комнатах всех его домов: в Лейк Плэсид, на Лонг Айленд и в квартире на Манхэттене, в номере гостиницы "Брейкерз" в Палм-Бич, даже на его 300-футовой яхте.

Ливермор прочитал многочисленные статьи из *"Нью-Йорк Таймс"*, которые он вырезал из предыдущих выпусков

газеты. Все газеты обвиняли его в инициировании снижения — вертикального свободного падения, которое, как сейчас казалось, никогда не закончится. Но он верил, что бизнес - в его случае, фондовый рынок - был подобен войне. На войне, если делаешь ошибку - умираешь, а на фондовом рынке, если делаешь ошибку - можешь очень быстро разориться. Можно даже одномоментно умереть для финансового рынка.

Ливермор был серьезным человеком и в тот день он запланировал сделать серьезные дела. Он был, как всегда, безупречно одет, в специально сшитом для него в Лондоне костюме от Савилия Роу. Его рубашки были сшиты по последней моде, из тончайшего египетского хлопка, с монограммой на манжетах. Костюм безупречно сидел на его стройной фигуре, шелковый галстук в тонкую полоску оттенял костюм. Его светлые волосы были зачесаны назад, с пробором слева. Он пользовался пенсне, которое сидело у него на носу. Он носил жилет с золотой цепочкой, которая крепилась к карману. На одном конце цепочки висел тонкий золотой карандаш, на другом - маленький золотой перьевой ножик. Когда он говорил, то часто играл с ручкой или ножиком, вертел в руках то одно, то другое.

Он был самым знаменитым спекулянтом на Уолл-Стрит, трейдером, который мог одновременно продавать короткие и

Великий спекулянт Уолл-Стрит

покупать длинные позиции. Он не придавал этому особого значения, так как знал, что акции опускаются так же часто, как и поднимаются - но когда они снижаются, то делают это в два раза быстрее, чем когда повышаются, и именно это происходило в тот день.

В настоящее время у него была линия более чем в миллион акций, стоимостью более 100 миллионов долларов. Она была открыта несколько месяцев назад, медленно, секретно и молча, с использованием более 100 биржевых брокеров, так что никто не мог догадаться, что именно он делает. Он продавал ценные бумаги, не имея их в наличии - он продавал актив, который затем покупал по более низкой цене. Он жил так, как полагалось согласно его репутации - как Великий Спекулянт Уолл-Стрит.

Сегодня он, подобно волку-одиночке, крался по арктической тундре в поисках добычи - и оглядывался по сторонам, опасаясь других хищников, способных его убить. Он знал довольно многих игроков на Уолл-Стрит, которые могли бы сделать это - прервать его финансовую жизнь одним смертельным ударом.

Он взял одну из статей *"Нью-Йорк Таймс"*, которую

сохранил с 20 октября и прочитал заголовок: "Котировки акций снижаются в связи с волной продаж". Он предпринял над собой усилие, чтобы не злорадствовать. Не было ни одного человека, который лучше Ливермора знал бы, как быстро может измениться ситуация на фондовом рынке. Он продолжил чтение:

За два часа, в течение которых торги на Нью-йоркской фондовой бирже были ограничены, активные бумаги пережили одно из самых сильных падений цен в истории. Последние котировки выявили чистые потери от 5 до 20 пунктов, совокупное снижение стоимости на вольном рынке оценивается в 1 000 000 000 (один миллиард) долларов и выше.

Общий оборот составил 3 488 100 акций, который стал вторым по величине объемом для субботы со времени основания Фондовой биржи. В течение первого получаса

Глава 1.

торги шли на уровне более 8 500 000 акций за полный пятичасовой день. Сообщество фондового рынка еще в течение часа и двадцати трех минут после финального гонга не знало о том, как закрылся рынок, так сильно опаздывал перегруженный телеграф.

УДАР ПО ОСНОВНЫМ АКЦИЯМ

Одна из историй. получивших широкое распространение повсеместно, где работали вчера биржевые телеграфы, гласила, что Джесси Л.Ливермор, ранее один из самых больших спекулянтов страны; теперь является главой спекулятивной группы, которая сбивала цены на рынке в течение нескольких недель, и что невероятную слабость, развившуюся в основных дорогах акциях, следует приписать, как минимум частично, к результатам его деятельности.

Артур У. Каттен из Чикаго, признанный лидер спекулянтов, играющих на повышение, вчера наблюдал за телеграфом из своей гостиницы в Атлантик Сити и сказал близким друзьям, что ничто не сможет изменить его мнение о рынке - хорошие акции, в конечном итоге, будут продаваться дороже.

Сообщения о борьбе между Ливермором и Каттеном за превосходство на фондовом рынке, которые широко распространились на Уолл-Стрит в течение последних трех-четырёх дней, были поставлены под сомнение. Предполагается, что у Ливермора очень много коротких позиций по акциям ведущих компаний, а у Каттена необыкновенно много длинных позиций в этой же группе акций. Возвращение Ливермора к положению, некогда им удерживаемому, в качестве ведущего рыночного оператора, играющего на понижение, после нескольких лет работы в тени, явилось одним из наиболее интересных развития событий на рынке.

Продажа ценных бумаг без покрытия, которая, как было сообщено, была основным фактором

Великий спекулянт Уолл-Стрит

сегодняшнего снижения, послужила дальнейшей ликвидации ценных бумаг, и наложение этих факторов выразилось в деморализации рынка по некоторым позициям. Было ясно, что рынок не получал организованной поддержки. Бумагам, которые обычно обладают сильной поддержкой, было позволено колебаться по своему усмотрению.

В ситуации, когда акции росли на протяжении последних нескольких месяцев после каждого снижения, положение было готово для вступления в игру Ливермора. На Уолл-Стрит ходили слухи, что у него короткие позиции по большому ряду акций, таких как "Юнайтед Стэйтс Стал", "Монтгомери Уорд", "Симмонз Ко", "Дженерал Электрик", "Эмерикэн энд Форин Пауэр" и еще полдюжине других голубых фишек рынка. Затем он начал применение своей тактики снижения цен, под воздействием которой рынок сначала дрогнул, а затем рухнул.

Каттен, Фишеры, Дюран и другие члены группы, известной на Уолл-Стрит как "Большая Десятка", были крупными держателями именно этих бумаг. Они стали свидетелями того, как их планы и биржевые объединения разрушались в ходе естественного экономического развития ситуации и в результате хитроумных продаж без покрытия.

Одним из слухов, порожденных и распространившихся в финансовых кругах вчера, был слух о том, что Ливермор обладал поддержкой спекулятивной компании Уолтера Крайслера, который, как говорили, был крайне раздражен тем, что группа Чикаго-Детройта сбивала цены "Крайслер-Моторс" на рынке, способствуя снижению цены акций компании ниже 55 по сравнению с пиком в 135 в том же году.

Известным спекулятивным лидером, кажется, является Ливермор, который завладел огромным состоянием путем искусных продаж без покрытия, и

Глава 1.

который, по крайней мере, временно, считается совершенно "правым" на рынке. Каттен, который начинал работать на рынке зерна, накопил примерно 100 миллионов долларов или больше на фондовом рынке за последние три года, характеризовавшиеся "бычьим" трендом. Каттен является лидером группировки, играющей на повышение, и, по крайней мере, временно, считается на рынке "неправым".

Господин Каттен находился в Нью-Йорке и наблюдал за рынком из офиса главы фондовой биржи. Мнение, высказанное им для своих друзей, состояло в том, что большая часть продаж является истеричной, и что он уверен в том, что следует удерживать высокие цены на хорошие акции. Он не изменил своего изначально высказанного мнения относительно долгосрочной перспективы. Но он также не сделал ни одного заявления о ситуации на рынке для официальной публикации. Естественно, им нечего было сказать о своих позициях на рынке в тот момент, или о том, что они делали в последние несколько дней.

В статье "*Таймс*" содержалось больше информации:

Если информация с Уолл-Стрит правдива, то Джесси Л.Ливермор, который в течение нескольких лет находился в тени в том, что касается операций на рынке, осуществил сногшибательное возвращение. Возвращение господина Ливермора в качестве одного из первостепенных игроков на рынке является еще одним чудом Уолл-Стрит. Мальчиком он записывал на доске рыночные котировки в брокерских домах Бостона, где он развил в себе умение следить за цифрами, и за которое, несмотря на ограниченный капитал, его выгнали из всех брокерских контор, в Бостоне и Нью-Йорке. После этого к

¹ Брокерская контора (англ. Bucket shop) - фирма, в отличие от брокерского дома (англ. broker house, broker firm), проводящая незаконные операции с

Великий спекулянт Уолл-Стрит

нему прилипло прозвище, которым пользуются до сих пор "Мальчик-Игрок".

После переезда в Нью-Йорк и умелой игры на рынке, после длинного ряда удач и поражений, он попал в длительную полосу везения и нажил многомиллионное состояние. Говорят, что на теперешнем "бычьем" рынке он решил, что акции котируются слишком высоко, и ошибся. Продолжающийся рост таких акций как акции "Дженерал Моторс", "Стил", "Дженерал Электрик" и других компаний, по слухам, отнял у него большую часть его состояния. У него были короткие позиции по всем этим акциям, и ему приходилось закрывать их снова и снова. В финансовых кругах говорят, что ему пришлось прибегнуть к своим обширным безотзывным рентам, из которых несколько положены ему самому и его семье, и которые были приобретены во время предшествовавшего благоденствия.

Артура Каттена, соперника Ливермора, можно принять за деревенского лавочника. Он не придает никакого значения условностям, наружности и традициям. Застенчивый, тихий и непритязательный, он, бывало, сживал в углу комнаты для курения пуллмановского вагона и, не раскрывая, кто он, слушал, как случайные попутчики обсуждали его искусство игры на фондовом рынке. Вне бизнеса он был просто порядочным фермером из поместья близ Чикаго.

Ливермор, напротив, является изысканным, хорошо одетым горожанином. Он строен и светловолос, с достоинством носит свои темные вещи, ездит в Роллс-Ройсах, держит свиту слуг, полдюжины домов и, возможно, самый роскошный офис в Нью-Йорке, расположенный на верху Хекшер Билдинг.

По темпераменту эти двое совершенно непохожи

Глава 1.

друг на друга. Каттен - человек спокойный, говорит медленно и совсем не импульсивный. Ливермор быстрый, нервный, легко возбудимый, суеверный, готовый поспорить на последний медяк, если уверен в своей правоте. Ливермор спотыкался не раз, а десяток раз. Каттен, по крайней мере, в последние годы, олицетворял собой "бычий" рынок.

Состояние рынка в следующие месяцы скорее всего покажет что-то невероятное, в связи с прямым противостоянием большого количества различных экономических факторов, каждый из которых достаточно силен. Сейчас довольно очевидно, что когда акции растут, господин Каттен будет им помогать. Также справедливо и то, что когда они снижаются, господин Ливермор будет снижать цены на рынке. Однако между ними нет личного противостояния.

"Ха, всегда "ничего личного"! - пробормотал Ливермор, закончив читать статью и положив ее на стол. Они с Каттеном в течение долгих лет частенько оказывались по разные стороны баррикад, с тех пор, когда они были молодыми людьми, покупающими и продающими товары в зерновом отделе Чикагской биржи.

Телефон зазвонил, и Ливермор подал знак своему помощнику Дашу, который только что приехал, что он ответит на звонок.

"Здравствуйте".

"Это Джесси Ливермор?"

"Слушаю вас".

"Ты сволочь, Ливермор. Это твоих рук дело и ты заплатишь за это. Из-за тебя я разорился. Нет, я даже больше, чем разорился. Я должен своему брокеру тысячи долларов маржевых, но у меня есть оружие. Я еду к тебе, чтобы вышибить тебе мозги. В следующий раз, когда ты откроешь дверь, там буду я, и следующим, что ты увидишь, будут ворота ада, потому что там тебе и место.

Великий спекулянт Уолл-Стрит

Ливермор бросил трубку. Это все из-за этих статей, напечатанных во всех газетах по всем Соединенным Штатам, обвиняющих его в крахе. Но он не виноват. Он не был таким могущественным: никто не был настолько могущественным, даже люди из великого "Дома Моргана". Но это не помешает людям считать, что именно он запустил механизм краха и что он управлял им, постоянно продавая, продавая, продавая. Он позвонил в *"Таймс"* и дал им интервью, объяснив, что он не

виноват, но это не помогло. Что бы там ни было, казалось, что люди хотят обвинить его, возможно, потому, чтобы у них было, кому позвонить и кому угрожать. Он перечитал заголовок интервью, которое он дал, и которое появилось в выпуске *"Таймс"* за 22 октября 1929 года: "Ливермор не спекулянт". Он продолжил читать:

Джесси Л. Ливермор, у которого, как считалось на Уолл-Стрит, на настоящий момент было очень много коротких позиций, и который считался лидером группы, играющей на понижение, вчера опроверг свою связь с данной группой.

Заявление господина Ливермора, составленное в его офисе на Пятой Авеню, 730, гласило:

"В связи с появлением многочисленных сообщений, усердно распространяемых в последнее время через газеты и различные брокерские конторы, о том, что была сформирована большая группа спекулянтов, играющих на понижение, во главе со мной, которая финансируется различными известными биржевиками; мне хотелось бы заявить, что в этих слухах нет ни доли истины, в том, что касается меня, и мне не известно о подобных формированиях, созданных кем-либо другим".

"То небольшое, чем я занимаюсь на фондовом рынке, я делаю индивидуально, и буду продолжать действовать в том же духе".

"Очень глупо думать, что какое-либо лицо или группа лиц могут искусственно вызвать снижение на

Глава 1.

фондовом рынке в такой большой и процветающей стране, как Соединенные Штаты. То, что произошло в течение последних нескольких недель, является неизбежным результатом долгого периода непрерывных циничных манипуляций со многими ценными бумагами, что привело к тому, что их цены выросли в несколько раз по сравнению с их реальной стоимостью, основанной на реальных заработанных доходностях".

"Люди, ответственные за возникновение этих фиктивных цен, это те же самые люди, которые прямо ответственны за то, что происходит на фондовом рынке сегодня. К несчастью для большинства людей, когда возникает подобная ситуация, то реальным законным инвестициям приходится страдать вместе с ценными бумагами худшего качества.

Если кто-то не поленится и проанализирует продажные цены различных акций, например, "Юнайтед Стэйтс Стил", которые продаются по ценам в восемьдесят раз превышающим их текущую прибыль, то обнаружит, что и многие другие ценные бумаги продаются и продавались по невероятно высоким ценам.

Совет Управляющих Федерального Резерва своими предупреждениями и высокие банковские власти выражением обеспокоенности не могли препятствовать повышению рынка, поэтому здравомыслящему человеку должно быть ясно, что нелепо предполагать, что один человек может оказать какое-либо значительное воздействие на курсы ценных бумаг".

"Идиоты", - пробурчал Ливермор, закончив читать интервью. - "Они думают, что я смог поставить на колени весь рынок. Невозможно!"

Возможно, он и был частью пускового механизма, но это была ситуация, наполненная смыслом. Неистовые спекуляции всегда ставили рынок на колени. Он занимался заключением сделок уже 35 лет. с 14-летнего возраста. Он заработал и

Великий спекулянт Уолл-Стрит

потерял много миллионов долларов. В 1929 году он был на пике своей мощи, но знал, что это лишь еще один момент эйфории.

Ливермор внимательно взвешивал ситуацию. Звонки с угрозами выводили его из равновесия. Он прекрасно знал, какие глубокие психологические раны может наносить потеря финансового состояния. За свою карьеру он сам много раз через это проходил. Он сделает еще одно заявление, и немедленно - его семья могла быть в опасности. Им уже угрожали раньше.

Он спокойно ждал у биржевого телеграфа, стоявшего на его громоздком столе. Весь стол красного дерева был пуст. На нем стоял лишь бронзовый телеграфный аппарат, лежала бумага для записей, карандаш и стояла пара полок для бумаг из красного дерева в тон столу.

К этому времени в офисе были все сотрудники. Шесть человек, записывающих биржевые котировки, были одеты в пиджаки из шерсти-альпаки, чтобы не испачкаться о нанесенные мелом символы. Каждый работающий на доске ассистент носил наушники и имел микрофон. Они были напрямую связаны с Нью-йоркской фондовой биржей. За каждым был закреплен свой участок ценных бумаг или товаров, за который человек отвечал. Телеграф начал стучать, выплевывая бумажную ленту, похожую на белую змеиную кожу с пробитыми шкалами - символами большинства компаний Соединенных Штатов. Эти биржевые символы представляли большую часть благосостояния страны.

Для Ливермора слежение за значениями было подобно чтению газеты. Он знал все символы наизусть и обладал исключительным математическим складом ума, что позволяло ему запоминать все котировки, подобно тому, как игрок в бридж помнит все карты, которые находятся в игре. Чтобы проверить себя, он наблюдал за своими сотрудниками у доски, по мере того, как они двигались под руководством Даша, заполняя доску по всей длине результатами биржевых торгов. Сегодня он уделил особое внимание своему портфелю. Ливермор мог посмотреть на доску и мгновенно пересчитать в долларовом эквиваленте стоимость всего своего портфеля. В офисе стояла

Глава 1.

тишина, нарушаемая лишь звуками стучащих телеграфных аппаратов и скрипением мела по доске. Когда рынок был открыт, в помещении для торгов в офисе Ливермора всегда стояла тишина. Праздная болтовня была излишней, когда работал рынок, и все сотрудники об этом знали.

Сегодня общие прибыли Ливермора плюс стоимость его портфеля приближались к 100 миллионам долларов. Это не поменяло выражения его лица. Основной офисный телефон снова зазвонил. Он кивнул Дашу, чтобы тот не брал трубку. Он не хотел, чтобы еще один звонок с угрозами отвлек его сейчас, когда рынок открыт. Звонки мешали ему сконцентрироваться; ему нечего было сказать кому бы то ни было, и он никого не хотел слышать. Когда рынок был открыт, он уподоблялся крадущемуся волку. Он мог фокусироваться только на том, что делал. Каждое однопроцентное движение рынка вверх или вниз означало полученный или потерянный миллион долларов.

Малейшая потеря внимания могла стоить ему нескольких миллионов долларов. Именно так он любил участвовать в торгах - все фибры его души были напряжены. Существовала только телеграфная лента, и ничего кроме нее. Лента могла обо всем ему рассказать, если он будет достаточно сообразительным, чтобы прочесть ее, она могла помочь найти скрытые разгадки и воплотить их в жизнь. Он боролся с двумя эмоциями фондового рынка: страхом и жадностью. На кону была огромная ставка.

В тот вечер он поехал домой в Кингз Пойнт и не нашел там своей жены Дороти и двух своих сыновей, Пола и Джесси-младшего. Картины были сняты со стен, некоторые персидские ковры исчезли, также исчезло серебро. Он поднялся к сейфу, стоявшему на втором этаже, где Дороти хранила свои драгоценности - фантастическую коллекцию, состоявшую в основном из работ Гарри Уинстона и "Ван Клиф энд Арпельс. Все пропало.

Он пошел на кухню и обнаружил, что четверо поваров и двое дворецких работают, готовя семейный ужин.

"Где госпожа Ливермор и дети?" - спросил он.

Великий спекулянт Уолл-Стрит

"Они переехали в квартиру водителей, сэр", - ответил главный дворецкий. - "Мы все слышали о великом крахе и очень сожалеем, господин Ливермор".

Ливермор простоял пару минут, уставившись на них без всякого выражения на лице, и пошел в квартиру над гаражами. Там жили два водителя, один для Дороти, или "Мышки", как он ее называл, и один для него самого, или "Джея Эл", как он любил, чтобы его называли. Гаражи примыкали к огромному каменному особняку. Он вошел в большую комнату квартиры, перешагивая через свернутые ковры и бесценные шедевры и обходя антикварную мебель. Дороти сидела на кушетке с двумя мальчиками. Они были полностью одеты в свою лучшую одежду.

"Мышка, что происходит? Что ты делаешь?"

"Мы все знаем. Мне очень жаль, Джей Эл", - ответила она.

"О чем ты?"

"Мы слышали, что все разорились из-за краха. Об этом целый день говорили по радио. Люди выбрасываются из окон, стреляются в своих офисах, исчезают. Звонили подруги. Мне очень жаль, Джей Эл".

Он взглянул на нее. Прошло несколько долгих минут. Она была очень красива, сидя вот так со своими красивыми сыновьями, по одному с каждой стороны и со своими драгоценностями в кожаной коробке рядом.

Она была его противоположностью, экспансивной, жизнелюбивой, забавной, инстинктивной. Настоящее общественное животное, лучше всего чувствующее себя среди людской толпы. Она говорила то, что было у нее на уме. Она была великим комиком от природы. И лучше всего было то, что она никогда не шутила намеренно. На самом деле она часто смущалась, не понимая, почему люди смеются.

Он взглянул на коробку с драгоценностями. Он прибежал к ней несколько раз, в свои худшие моменты, во время своих самых серьезных поражений на рынке. Он не раз относил эту коробку к Гарри Уинстону, когда разорялся, и когда ему нужна

Глава 1.

была финансовая поддержка. Драгоценности стоимостью около 4 миллионов долларов неизменно оценивались Гарри в миллион наличными, и составляли основу для того, чтобы начать все заново. Когда он возвращался, чтобы выкупить драгоценности, после того, как вставал на ноги, он всегда заботился о том, чтобы подбросить Гарри пачку-другую денег.

"Мышка, сейчас вы с мальчиками вернетесь домой, и мы поужинаем. Прихвати с собой коробку с драгоценностями".

"О, Джей Эл, они снова тебе нужны?"

"Нет. Сегодня мой самый удачный день на рынке. Я закрыл половину своих сделок. У нас все будет хорошо. Мне не понадобятся драгоценности. А теперь пошли домой".

Он повернулся и вышел из комнаты с улыбкой на лице. Вот это день! У нее всегда получалось удивить его, заставить его улыбнуться. У них бывали проблемы во взаимоотношениях, в основном по его вине - из-за других женщин. Тем не менее, он надеялся, что у них все получится. Он знал, что если они разведутся, он будет очень по ней скучать. Когда он думал об их любви, на глаза наворачивались слезы. Тогда он встряхивал головой, чтобы избавиться от этих мыслей. Он будет наслаждаться ее обществом и обществом сыновей, пока они рядом. Кто знает, что готовит для них будущее?

Звонки с угрозами не прекращались; с течением времени поступали новые. Необходимо было поставить барьер этим угрозам. Он снова позвонил в *"Нью-Йорк Таймс"*, в газету, которая всегда была готова напечатать слова скрытного Джесси Ливермора. Заголовок выпуска от 13 ноября гласил: "Ливермор теперь играет на повышение: он утверждает, что котировки ценных бумаг слишком низки, вопреки тому, что некоторые из них являются надежными". Он продолжил чтение:

"Джесси Ливермор, который в прошлом в течение многих недель считался игроком на понижение, и который, как считалось, продал без покрытия больше бумаг на этом резко падающем рынке, чем кто-либо другой, вчера вечером заявил

"Нью-Йорк Таймс"

о своей

Великий спекулянт Уолл-Стрит

уверенности в том, что акции ведущих компании упали слишком низко. Хотя господин Ливермор не сделал заявления относительно своих собственных позиций, его заявление оставило впечатление, что он закрыл свои короткие позиции и сейчас вновь находится на стороне покупки.

"Акции ведущих компаний с хорошей историей роста дивидендов и определенным будущим сейчас представляют собой выгодную покупку", - заявил господин Ливермор. - "Многие из них упали слишком низко. Люди по всей стране поддались панике и продали свои надежные бумаги безотносительно их стоимости. По моему мнению, данная ситуация не должна получить дальнейшего развития. Нет никаких причин, по которым первоклассные ценные бумаги следует безжалостно выбрасывать на рынок так, как это делается во время торгов в последние дни".

"За последние несколько дней мы видели, как большие партии этих ценных бумаг выбрасываются продавцами на вольный рынок, хотя у многих из этих продавцов нет для этого никаких других причин, кроме того, что их охватил страх".

Но звонки не умолкали: "Ливермор, ты грязный лжец. Я знаю, какой ты хитрый. Ты говоришь, что играешь на повышение, а на самом деле сбиваешь цены еще ниже. Я до тебя доберусь. Не спать тебе больше ни ночи спокойно, жалкий убудок".

И снова: "Я до тебя доберусь. Мне терять нечего. Из-за тебя и таких как ты я потерял на рынке все. Ты думаешь, что можешь раздавить маленького человека, разрушить мою семью, разбить мне жизнь своими незаконными действиями. Ты мертвец, ты просто этого не знаешь. Моя семья достаточно пострадала, теперь очередь твоей!"

И снова: "Сегодня я потерял свой дом, господин Ливермор, что вы по этому поводу думаете? Мой дом, за который я платил 23 года креду. Сегодня они меня выселили. Я

Глава 1.

теперь бездомный, как лентяй, с женой и четырьмя детьми. И это сделал ты, и ты за это заплатишь".

Непрекращающиеся угрозы лились из телефона, из писем, даже из заказных писем.

К 21 декабря 1929 года Джесси Ливермор был сыт этим по горло. В качестве меры предосторожности, он нанял своего старого приятеля Фрэнка Гормана, бывшего полицейского округа Нассау. Горман и Ливермор были знакомы с 1909 года. Ливермор несколько раз пользовался его услугами в прошлом, когда дела шли плохо. В последний раз он нанимал Гормана для защиты от "Бостонского Билли" Монагана, печально известного вора, который ограбил особняк Ливермора, был пойман и поклялся отомстить.

Горман незамедлительно переехал в особняк в Кингз Пойнт. Он каждый день провожал мальчиков в школу и стал тенью Дороти.

Ливермор продолжал свою рутинную жизнь, каждый день ходил на работу, следил за значениями, делал новые ходы в игре. Однажды Ливермор подошел к окну и раздвинул шторы. Из окна открывался вид на шумный метрополис, каким был Нью-Йорк в начале 1930-х годов. По мере того как телеграфная лента, оставленная без внимания, скользила у него между пальцами, унося с собой бесчисленные котировки - все отрицательные, как списки павших на поле боя - он смотрел из окна.

Он удивился, как его жизнь дошла до такого. И почему он не стал счастливее. В конце концов, это были дни его величайших финансовых успехов.

ГЛАВА 2

Предыстория

*Детство рассказывает о человеке все, также как
утро рассказывает все о дне.*

Джон Милтон

Предыстория

ДЖЕССИ ЛИВЕРМОР РОДИЛСЯ 26 ИЮЛЯ 1877 ГОДА

в Шрусберри, Массачусетс. Его родителями были Лаура и Хирам Ливермор. Отец Ливермора был бедным фермером, который пытался заработать на жизнь, обрабатывая безжалостную почву Новой Англии. Хирам Ливермор потерял свою первую ферму, когда Джесси был еще совсем маленьким, и семья переехала в Пэкстон, Массачусетс, чтобы поселиться с дедушкой Джесси. В конце концов, Хирам накопил достаточно денег, чтобы купить ферму в Саут Эктон.

Ливермор быстро узнал, каково это - обрабатывать скалистую почву Новой Англии. Первой его работой был сбор больших камней, поднятых из земли плугом. Получить средства для существования из маленького клочка земли в Массачусетсе было трудной задачей, в Америке на рубеже веков это давало мало прибыли.

Мальчиком Ливермор был стройным, хрупким и часто болел. Это дало ему возможность много читать, особенно те немногие газеты и журналы, которые ему удавалось достать. Он жадно поглощал любые попавшие ему в руки книги и уходил в мир собственного воображения, двери которого они перед ним открывали.

Он был одаренным богатым воображением и умным, мог пользоваться дедукцией и делать логичные выводы. Ему не

Глава 2.

потребовалось много времени на то, чтобы сделать вывод, что детские мечты об успехе и приключениях ни к чему не приведут в условиях тяжелой фермерской жизни в Новой Англии.

Отец Ливермора был сдержанным, замкнутым человеком, который нечасто показывал свою любовь. Он управлял семьей бескомпромиссно и серьезно. Мать Ливермора была полной его противоположностью - любящей и мягкой, она уделяла много времени своему одаренному сыну.

В школе Ливермор продемонстрировал особые успехи в математике. Он мог решать уравнения в уме и просто выдавать готовые ответы, или найти альтернативный способ решения задачи, заданной классу. Однажды он предложил учителю наперегонки решить сложную математическую задачу. Он выиграл. Его быстро продвигали по математике и преподавали продвинутый курс этой дисциплины, чтобы удовлетворить его страсть к новому знанию.

Математика была его другом, она легко ему давалась. Он за год прошел трехгодичный школьный курс арифметики. Он мог держать в голове множество чисел, формируя модели. Числа всегда подчинялись его похожему на компьютер мозгу.

Когда Ливермору исполнилось 13, отец пытался убедить его, что образование не важно, бесполезно в простой фермерской жизни. Когда Ливермору было 14 лет, отец забрал его из школы и вручил ему рабочую одежду, сказав, что теперь он должен весь день работать на ферме и приумножать благосостояние семьи.

Но Ливермор был хитрее. Он сделал вид, что подчиняется желанию отца, но на самом деле вместе с матерью составил план побега. Через несколько недель - с 5 долларами, положенными ему в карман матерью, - он украдкой сбежал с фермы и сел в проходивший мимо фургон, направлявшийся в Бостон. Он знал, что то, что он делает, правильно. Ему нужно было отправиться в люди и заработать свое состояние. Хотя у него не было специального плана, он знал, что движется в правильном направлении.

Ему все еще было 14, когда он добрался до Бостона и вместе с тем, до мира взрослых, но модель его жизни уже была

Предыстория

запрограммирована, выжжена в его голове. Он понимал важность усердной работы. Он обладал молчаливой, спокойной силой и целеустремленностью, характерной для многих выходцев из Новой Англии - людей, привыкших иметь дело с твердой, неподдающейся почвой, безжалостной погодой и финансовыми вихрями.

Его представления о мужчинах основывались на образе его отца: молчаливом, трудолюбивом, упрямом, сдержанном, неэмоциональном, целеустремленном, необщительном человеке и ужасном семейном диктаторе. Его представления о женщинах базировались на образах его матери и немногих девочек, с которыми он познакомился в школе: мягких, воспитанных, умных, эмоциональных и любящих. Он также знал, что нравится женщинам, поскольку они всегда хорошо к нему относились.

Даже в 14 лет он понимал, что успех, благосостояние и слава могут прийти только к тому, кто работает головой, а не руками. Он также осознал, что только дела, а не слова имеют значение, этому он научился у своего отца.

Но именно мать дала ему скудные финансы, необходимые для того, чтобы добраться до Бостона и новой жизни. Как только сможет, он вернет ей долг с огромными процентами. Уплата долгов уже сидела в нем, и именно этим он занимался всю свою жизнь, независимо от того, сколько на это уходило времени.

Когда Ливермор приехал в Бостон в "зрелом" четырнадцатилетнем возрасте, его жизнь только начиналась, но он никогда не забудет уроков, которые он уже выучил в юности. Теперь, однако, ему требовалось сконцентрироваться на своем будущем. Он заключил мать и отца в определенный отдел своего мозга, а затем плотно закрыл этот отдел. Он не переносил, когда что-то отвлекало его на пути к успеху. Эта способность блокировать и отделять свои эмоции, пришла к нему естественным образом. Он мог действовать вне зависимости от своего эмоционального состояния. Он боролся всю свою жизнь, чтобы его деловая и личная жизнь не пересекались. И у него это почти получилось.

Глава 2.

В 14 лет он был светловолосым, голубоглазым, стройным и умным, со сверкающей идеально белозубой улыбкой. Его уверенность была непоколебимой.

Он сошел с фургона в Бостоне и очутился возле офиса Пейна Веббера, вбирая его в себя, прежде чем войти. Он наблюдал, как приходили и уходили клиенты. Биржевые телеграфные аппараты стучали и выплевывали нескончаемые белые ленты бумаги с надписями. Записывающие значения мальчишки-ассистенты двигались туда-сюда по полотну зеленой доски шириной во всю комнату, как танцоры по сцене. Они записывали биржевые цены настолько быстро, насколько оглашающий котировки человек, зачастую клиент, сидящий в галерее и наблюдающий за значениями, мог выкрикивать их.

Клиенты сидели на стульях у стены, безумными глазами глядя на доску, иногда они вставали, чтобы пойти к своим брокерам, так как если бы они делали ставки на конских бегах. Ливермор впитал в себя все эти действия: стук телеграфных аппаратов, скрипение мела по доске, громко и возбужденно разговаривающих людей. Все движения и действия волновали его. Он мысленно пальцами дотронулся до стеклянного шара телеграфного аппарата; на ощупь он был одновременно теплым и холодным. Он был похож на хрустальный шар, используемый гадалками, пожалуй, лишь с тем исключением, что если бы кто-то смог прочесть в нем судьбу, то стал бы богат как Крез, самый богатый человек в мире. Он наблюдал. Люди богатели каждую секунду, если верить тому, что говорила безличная телеграфная лента.

Ему понравился запах в офисе, пьянящий, с ароматами дерева, мела, бумаги и чернил, людского возбуждения и энергии, кофе и пищи, поглощаемой прямо за рабочим столом. С той самой минуты, когда он вошел в бостонский офис Пейна Веббера (Paine Webber), ему понравилось это возбуждение, принижающее все как электрический ток.

Он уже был далеко от фермы.

На нем был костюм, который был немного ему велик. Мать купила его на вырост, чтобы он не стал ему мал, когда он

Предыстория

возмужает. Он нашел менеджера, набрал в легкие воздуха и дотронулся до его плеча. Менеджер был мужчиной под пятьдесят. Он взглянул на Ливермора и увидел фермерского сына, деревенщину.

"Чего тебе надо, парень?" - спросил он, оглядывая его снизу вверх.

"Работу".

"А как у тебя с числами?"

"Хорошо"

"Видишь вон тех ребят у доски, записывающих числа?"

"Да"

"Ну что ж, нам не хватает одного такого. Только без показухи". Он осмотрел Ливермора. "Ты не показушник? Не подведешь меня?"

"Нет, сэр. Я вам докажу".

"Хорошо". Он улыбнулся. "Я дам тебе шанс, парень. Я сам так начинал, записывая значения на доске".

"Да, сэр", - ответил Ливермор.

"А посмотри на меня сейчас, 25 лет спустя, я здесь хозяин. Никогда не забывай, что это Америка, сынок, где каждый может делать то, на что он нацелился. Ну ладно, не могу я тут с тобой болтать целый день. Мне нужно зарабатывать деньги. Так ты хочешь ко мне на работу?"

"Да, сэр".

"Хорошо. Снимай-ка пиджак старшего братца, парень, и вставай на подмостки".

"У меня нет старшего брата".

"Мне все равно, есть или нет. Я просто тебя поддразниваю, потому что пиджак тебе велик. Иди-ка вон туда. Над тобой что, никогда не подшучивали?"

Менеджер наблюдал, как юный Ливермор сбросил свой пиджак и взобрался по лестнице на подмостки. Один из мальчиков тут же вручил ему кусок мела.

Глава 2.

"На, малыш, держи". Мальчик также вручил ему офисный пиджак из альпаки.

"Малыш? Ты назвал меня малышом? Ты сам еще совсем ребенок", - сказал Ливермор.

"Только не здесь, на подмостках. Здесь я не ребенок. Я занимаюсь этим уже четыре года". Он улыбнулся.

"Эй, парень", - закричал менеджер Ливермору.

"Да?" - ответил Ливермор, боясь, что тот уже передумал давать ему работу.

"Ты не спросил меня об оплате".

"Какова же оплата?" - отозвался Ливермор.

"Шесть баксов в неделю", - ответил менеджер. - "И, парень, больше так не делай - всегда торгуйся. Не принимай просто так то, что предлагают другие. Я мог бы дать тебе семь баксов. Так что я даю тебе подсказку. Я тебе уже говорил, я тоже был маленьким мальчиком. Ты должен получить все, что можно в этом мире. Торгуйся".

"Да, сэр".

Менеджер подмигнул ему и вернулся к своим обязанностям.

Ливермор пробыл в Бостоне меньше часа. Он получил работу и бесплатный урок по ведению переговоров, и он уже решил купить себе костюм по размеру. Ему не нравилось, когда его оскорбляют из-за одежды.

Ливермор нашел себе комнату с питанием около офиса Пейна Веббера. Каждый день он вставал с первыми лучами солнца и всегда первым приходил в офис, часто ждал, когда придет менеджер с ключом от офиса. Ему нравилось в работе все. Быть ассистентом, записывающим значения на доске, было все равно, что поступить в колледж при фондовой бирже. Он был посвящен во все, происходящее в офисе. Сначала все было ему непонятно, но каждый день открывалось что-то новое, и он знал, что если однажды он узнает код и просчитает систему торгов, он станет богатым.

Предыстория

У юного Ливермора был доступ ко всему: разговорам брокеров, клиентам со взятками и клиентам, которые играли по листку с подсказками, прикрепляемому каждое утро к доске объявлений. Каждый день в периоды спада активности, во время перерывов, во время обеда ему объясняли различные теории по заключению сделок. Весь офис был поглощен одной идеей, получением денег от операций на фондовом рынке. Все были *игроками*. Ливермор и другие мальчишки были важной частью

этого. Они ходили туда-сюда по подмосткам, записывая результаты торгов на доске.

Действия с доской станут одним из ключей к его будущему успеху. Он быстро понял, что никогда не происходит то, что говорят брокеры или клиенты, или газеты - единственное, что было важно - это то, что говорит телеграфная лента. Он также обнаружил, что значения на телеграфной ленте очень редко совпадали с предсказаниями брокеров или клиентов. Лента жила своей жизнью, и это была самая важная жизнь. Ее приговор был окончательным.

Ему нравилась сама физическая работа записывания котировок на доске, поскольку, когда дело шло о числах, он обладал фотографической памятью. Его память на числа была абсолютной - оглашение телеграфных котировок никогда не происходило для Ливермора слишком быстро. Он никогда не опаздывал при записи котировок, независимо от того, насколько быстро они оглашались. Они откладывались у него в голове как на полках стеллажа.

В конце концов, он начал видеть повторяющиеся модели в числовых значениях. Вечером, будучи один в комнате, он по памяти записывал числовые значения по нескольким позициям. Он начал вести числовой дневник и обнаружил несколько повторяющихся числовых моделей. Он заметил, что числа двигались постоянными волнами, часто мягкими повторяющимися трендами. Когда цена акции начинала расти или падать, она обычно сохраняла данную тенденцию до тех пор, пока какое-то давление извне не вынуждало ее идти в обратном направлении. Разгадка к этому действию часто лежала в числовых моделях.

Глава 2.

"Акции движутся по законам физики", - подумал он. - "Движущееся тело продолжает движение до тех пор, пока сила или препятствие не останавливают или не меняют направление этого движения". Он продолжал вести записи, отслеживающие движение акций в течение более длительных периодов, и тогда открыл следующее: внутри моделей существовали другие модели, и появлялись даже более крупные модели.

Он вел дневник тайно и ни с кем не обсуждал своих наблюдений. Он был скрытным по натуре. Даже в 14 лет он был абсолютно уверен в своих математических способностях. Кроме того, он был слишком занят, записывая числа и наблюдая за движением рынка на доске, чтобы вести праздные разговоры в течение рабочего дня.

Поскольку он работал с доской - слушал выкрикивание котировок, стирал цены, записывал новые числа по сто раз на дню, тысячи раз в неделю - он научился интересоваться только изменением цены, а не *причинами* этого изменения. У него не было времени искать причины тех или иных действий фондов. Для того чтобы цена изменилась, мог существовать миллион причин. Эти причины будут выявлены позднее, постфактум. Но к тому времени, когда эти причины будут поняты, изменение цены могло уже стать фактом истории, и будет слишком поздно получать от этого прибыль.

Его записная книжка была опрятной, точной и аккуратной. В 15 лет он начал искать повторяющиеся модели, систему, пытаясь выявить естественные математические законы, работающие на рынке.

Он также обнаружил, что большинство людей в офисе теряло деньги. Эти люди, казалось, действовали наугад. У них не было плана, не было последовательного обоснованного подхода к рынку. Они просто играли в азартную игру, также как на треке, просто играя наудачу. Сегодня они ставили на фаворитов, а завтра на темную лошадку или на жокея; или они просто покупали лист с подсказками и играли по рекомендациям "жучков" - выбирая акции наугад.

Это были пьянящие дни для Ливермора. Он наслаждался каждой минутой своей жизни на рынке. И ему еще за это

платили!

Предыстория

Через шесть месяцев ежедневного выполнения своих обязанностей, заключения ряда "бумажных" сделок в своей записной книжке и их отслеживания, ему по-прежнему не хватало основной части уравнения, и он знал об этом. Ему еще предстояло купить свою первую акцию. Он знал, что если он на самом деле не купит акцию, он никогда не узнает, как себя вести. Как азартный игрок, который никогда не держал пари, все это были лишь разговоры и рассуждения, до тех пор, пока он не клал на стол деньги. Когда трейдер заключал сделку, все менялось, и он знал об этом. Тогда и только тогда трейдер действительно вступал в раскаленные джунгли эмоций. Он знал, что всегда сможет подчинить себе свой ум, а умом он был силен. Чего он не знал, так это того, сможет ли он контролировать свои эмоции.

Он наблюдал за клиентами в офисе Пейна Веббера, и он знал, что именно его эмоции способны либо вознести его до небес, либо низвергнуть в бездну - в особенности жадность и страх, две эмоции-демоны рынка. Либо ты их контролируешь, либо они тебя.

Пришло время Ливермору купить акцию, но у него было очень мало денег. Где можно дешево купить акцию?

Позднее Ливермор женится и станет отцом двоих сыновей, Джесси - младшего и Пола. Он довольно часто и подробно рассказывал им, где он нашел дешевые акции: *брокерских конторах.*

6

6 ноября 1928 года - в затемненной палате на углу Хелл'з Китчен в западной части Манхэттена, умирал король легких денег. Сквозь тени, медленно проплывающие у него в голове, он слышал утомленный голос, снова и снова повторяющий один и тот же вопрос. "Кто это сделал, господин Ротиштайн?" - механически и безо всякого интереса спрашивал голос. "Кто в вас стрелял?" Но Ротиштайн не сказал. В ответ он медленно отвернулся лицом к стене и прошептал: "Если я выживу, я сам об этом позабочусь". Затем он закрыл глаза, и жизнь покинула его".

Уиллиам Клингэмэн,
"1929: Год Великого Краха"

Глава 2.

Арнольд Ротштайн, известный в преступных кругах как "Мозг", в делах денег был гением. Он начинал как азартный игрок, но после фантастической полосы везения, он стал королем преступного мира и жил как подобало такому положению. Его обвиняли во многих преступлениях, в том числе в том, что он разделался с "Блэк Сокс" на чемпионате по бейсболу в 1919 году. Его состояние было обширным. Его финансовые щупальца проникали во все сосуды американского порока.

В числе многочисленных владений Ротштайна (Rothstein) было большинство брокерских контор во всех основных городах Соединенных Штатов. Брокерская контора выглядела как офис брокера. В ней находилась галерея для клиентов, доска, где записывались биржевые котировки, и действующий биржевой телеграф, выплевывающий результаты ежедневных торгов фактически моментально. Но это было больше похоже на зал для приема ставок на бега, чем на офис брокера. В брокерской конторе, трейдеры могли играть на рынке, уплатив 10 процентов стоимости акции. Другими словами, трейдерам нужно было иметь только 10 процентов цены актива, который они хотели купить. Правила были просты: вложите 10 процентов и заключайте сделку, купив актив. Тут же печатался и выдавался покупателю *билет с номером покупки*. На этом билете

обозначалось время, количество приобретенных акций и уплаченная за них цена. Покупатель наблюдал за котировками, и как только актив терял 10 процентов своей стоимости, в игру вступала контора и быстро забирала деньги. Напротив, если цена акции вырастала, и трейдер выигрывал, то трейдер подходил к клерку, который делал отметку о цене по результатам последних торгов, согласно данным биржевого телеграфа на корешке билета. Затем трейдер подходил к кассовому окошку, чтобы забрать деньги. Это была игра для простофиля - контора выигрывала в 95 процентах случаев.

Наиболее важным для работы брокерской конторы было то, что деньги, потраченные на покупку акции, никогда не отсылались на биржу. Их просто *бронировала* брокерская контора; эта же контора будет заключать сделку в качестве

Предыстория

букмекера. Действия таких фирм были быстрыми и ожесточенными. Трейдеры могли купить минимально пять акций или столько, сколько могла покрыть биржа - стоимостью в тысячи долларов.

Поскольку у Ливермора не было капитала, не было закладных, он неизбежно должен был обратиться в подобную контору - мир, контролируемый криминальными структурами. Вопрос был только в том, когда и как.

В 1892 году, когда Ливермору было 15 лет, его друг Билли, еще один подросток-ассистент, подошел к нему. "Джесси, у тебя есть деньги?"

"Я обедаю".

"Я не об обеде. У тебя есть деньги?"

"В смысле?"

"У меня есть информация по котировкам "Стал". Мне нужно, чтобы кто-то вошел со мной в долю".

"Как ты собираешься поступить с деньгами, Билли?" - спросил Ливермор.

"Я пойду в брокерскую контору и сыграю на рынке в обеденный перерыв".

"Сколько тебе нужно?"

"Пять баксов. Я хочу купить пять акций "Ю.Эс.Стил". Они продаются за десять долларов".

"Минуту". Ливермор залез в карман и вытащил свой блокнот.

"Что это за блокнот?" - спросил Билли.

"Я читаю свой гороскоп на сегодня", - ответил Ливермор. Он просмотрел историю торгов "Ю.Эс.Стил" в своем блокноте. До того как акции пошли вверх, числа двигались по той же модели, что и обычно. Он был удовлетворен: у них был хороший шанс. "Хорошо".

Он вручил своему другу деньги. Два дня спустя он уже улыбался, кладя в карман выигранное - чистую прибыль в

Глава 2.

размере более 3 долларов. Ливермор был в игре. Наконец-то он стал игроком.

Ливермор начал самостоятельно ходить по таким конторам, всегда сверяясь со своим блокнотом относительно точных котировок акций, за которыми он следил в поисках моделей. Он разработал систему и придерживался ее. Он играл и на повышение, и на понижение, приобретая длинные позиции, если на это указывали числа, или, переходя на короткие позиции, если числа указывали на снижение. Для него это не имело значения.

Вскоре он стал получать больше денег в таких конторах, чем на своей работе. Он уволился и начал весь день играть на рынке в бостонских конторах, занимавшихся операциями с ценными бумагами. Ему еще не было 16 лет, а он уже обладал более 1000 долларов наличными. Он поехал домой, навестить родителей. Его мать была вне себя от радости, увидев сына дома; его отец лишь удивленно покачал головой. Как мог мальчик шестнадцати лет законно получить более 1000 долларов наличными?

Ливермор отдал половину заработанного родителям, оплатив, таким образом, своей матери. Он вернулся в Бостон с 750 долларами и продолжил то, что станет делом его жизни. Он работал один, никогда никому не говоря, что он делает, никогда не брал кого-либо в долю, никогда не занимал денег. Он переходил из одной конторы в другую, чтобы не привлекать к себе внимания. Эта стратегия волка-одиночки сослужила ему добрую службу и соответствовала его личным качествам. Он будет действовать подобным образом всю жизнь - покупая в одиночку и втайне, продавая в одиночку и тайком, никому ничего не рассказывая. Он трепетал, осознавая правильность своего решения действовать и выигрывать головой, а не руками, не связями, не силой убеждения - только головой для вычисления того, что могли вычислить лишь немногие люди: как сделать деньги на фондовом рынке. Трепет шел от побед, а не от денег, хотя деньги - это тоже хорошо. Деньги всегда приходили, если суждение было верным.

Предыстория

Уже в таком юном возрасте из-за своей юной внешности и больших ставок в брокерских конторах Ливермор получил свое прозвище "Мальчик-Игрок".

Так же как, в конечном итоге, из казино выставляют азартного игрока, который постоянно выигрывает, так, по мере накопления побед, в конце концов, и Ливермора выставили из всех подобных фирм в Бостоне. Все владельцы подобных фирм знали, кто такой Мальчик-Игрок и как он выглядит. Он пытался изменить имя и одежду, но они быстро распознавали обман. Он попробовал новую стратегию: сначала проигрывать, а затем совершить большой рывок в конце игры. Эта тактика работала некоторое время, но заканчивалось все тем, что его просили уйти и заниматься своими делами в каком-либо другом месте.

Ливермор убивал подобные конторы. Сначала они думали, что он просто ребенок, откуда ему знать? Но вскоре управляющие этих фирм в точности, не отходя от собственных касс, обнаружили, насколько много он знал. Главным начальником в большинстве случаев являлся Арнольд Ротштайн, а он пристально следил за делами. Управляющим нужно было позаботиться о своей собственной шкуре. Ливермор, которого выгнали из всех подобных контор в Бостоне, перенес свои теории, систему и принципы покупки акций в большой город Нью-Йорк, надеясь играть в конторах такого рода там. К несчастью для Ливермора, Нью-йоркская фондовая биржа и полиция успешно прикрыли все такие заведения в Нью-Йорке. Ливермору пришлось искать новые охотничьи угодья.

Он обнаружил, что те же принципы, та же система будут работать и в основных брокерских домах. Он был уверен, что его идеи выстоят.

Он ошибался.

Он приехал на Манхэттен с 2500 долларами. Его ставка в бостонских брокерских конторах иногда составляла более 10 000 долларов, но перед отъездом из Бостона в Нью-Йорк он потерпел несколько неудач. Эти неудачи беспокоили Ливермора, поэтому он проанализировал то, что произошло. Он

Глава 2.

никогда ни в чем не обвинял рынок. Было совершенно нелогично злиться на неодушевленный объект, подобно тому, как азартный игрок злится на карточную колоду. Он всегда хотел *учиться* на ошибках, и таким образом *извлекать из них* пользу.

С телеграфной лентой бесполезно спорить. Лента всегда права; ошибаются всегда игроки. Он анализировал свои неудачи в торгах, и выводы стали ему ясны.

Первым выводом был следующий: он выигрывал, когда все факторы были в его пользу, когда он был спокоен и ждал, пока все сойдется к одному. Это подвело его ко второму выводу, что никто не может и не должен заниматься торгами все время. Бывают моменты, когда трейдеру нужно находится вне рынка, при деньгах и в ожидании.

Годы спустя его друг Бернард Барух подтвердит это заключение. Барух, бывало, говорил: "Джей Эл, по-моему, пора пойти пострелять куропаток". Тогда Барух продавал все свои позиции и уезжал на знаменитую Хобкау Барони, свою плантацию в

Южной Каролине, площадью в 17 000 акров. Ее песчаные пляжи и соленые топи давали возможность самой лучшей охоты на уток во всех Соединенных Штатах - и без телефона.

В возрасте 20 лет Ливермор жил в Нью-Йорке, у него водились деньги, но не было доступа к брокерским конторам. Поэтому он вступил в игру на Нью-йоркской фондовой бирже. Он начал работать в офисах И.Эф.Хаттона. Коллегам по работе он нравился, и его репутация покорителя брокерских контор последовала за ним. На солидной Уолл-Стрит его прозвище было трансформировано из "Мальчика-Игрока" в "Мальчика-Трейдера". С такой ничтожной ставкой он вряд ли мог рассчитывать на то, чтобы стать спекулянтом среди крупных игроков.

Сначала он преуспел и заработал хорошие комиссионные для брокеров, но в конечном итоге разорился. Шесть месяцев усердной работы ушло на то, чтобы в конечном итоге обанкротиться. В конце концов, он действительно оказался в минусе. Он был должен брокеру деньги.

Чувствуя отвращение к самому себе, однажды вечером после закрытия рынка он пошел навестить И.Эф. Хаттона.

Предыстория

"Эд, мне нужна ссуда", - сказал он.

"Сколько?" - спросил Эд.

"Тысяча долларов".

"Я дам тебе кредит на твой счет в тысячу долларов".

"Нет, мне нужна ссуда".

"Почему?"

"Я пока не могу обыграть Уолл-Стрит. Я возвращаюсь в брокерские конторы. Мне нужна ставка, а затем я вернусь".

"Я что-то не понимаю", - сказал Хаттон. - "Ты можешь обыграть эти конторы, но не можешь обыграть Уолл-Стрит. Как так может быть?"

"Во-первых, когда я покупаю или продаю акцию в такой конторе, я делаю это с ленты. Когда я делаю то же самое в Вашей фирме, то пока мой заказ дойдет до биржи, он уже давно был кем-то куплен. Если я покупаю, скажем, по цене 105, а заказ выполняется на уровне 107 или 108, я теряю положительную маржу и почти проигрываю игру. В брокерской конторе, если я покупаю прямо с ленты, я немедленно получаю 105. То же самое справедливо, когда я продаю короткие позиции, особенно по активным фишкам, когда идет большое количество торгов. В брокерской фирме я размещаю заказ на продажу по, скажем, 110, а он выполняется по 108. И получается, что я нахожусь меж двух огней".

"Но мы предоставляем тебе более выгодные условия по марже, чем брокерские конторы", - сказал Хаттон.

"А вот это, Эд меня просто убило. Видите ли, с дополнительной маржой от вас, я мог остаться с акцией - а не так как в брокерской конторе, где 10-процентное движение выбивало меня из игры. Дело в том, что я хотел, чтобы акция пошла, к примеру, вверх, а она опускается. Ее дальнейшее удержание для меня негативно, поскольку я поставил на то, что она пойдет вверх. Я могу позволить себе потерять десять процентов, но не могу позволить терять двадцать пять на марже. Мне приходится слишком много зарабатывать, чтобы вернуть свои деньги".

Глава 2.

"То есть все, что ты когда-либо терял в брокерских конторах это десять процентов, потому что в противном случае они ликвидировали твой контракт?"

"Да, и оказывается, это было во благо. Все, что я когда-либо захочу потерять по любому активу это десять процентов", - сказал Ливермор. - "А теперь вы одолжите мне деньги?"

"Еще один вопрос", - улыбнулся Хаттон. Ему нравился этот молодой человек. Этот молодой человек обладал силой, с которой следовало считаться, умственной силой. - "Почему ты считаешь, что, вернувшись сюда в следующий раз, ты сможешь обыграть рынок?"

"Потому что к этому моменту у меня будет новая система заключения сделок. Я рассматриваю это как часть своего обучения".

"Сколько у тебя было, когда ты пришел сюда, Джесси?"

"Две тысячи пятьсот долларов".

"И ты уходишь с занятой тысячей", - сказал Хаттон, доставая из бумажника тысячу долларов наличными и вручая ее Ливермору. "За три тысячи пятьсот долларов ты мог бы пойти учиться в Гарвард".

"Я больше заработаю, получая образование здесь, чем я когда-либо заработал бы, учась в Гарварде", - сказал Ливермор, принимая деньги и улыбаясь.

"Почему-то я тебе верю, Джесси".

"Я верну долг", - сказал Ливермор, убирая деньги в карман.

"Я знаю, что вернешь. Просто когда вернешься, помни, что ты должен торговать здесь. Нам нравится, как ты работаешь".

"Да, сэр, можете быть в этом уверены", - сказал Ливермор.

Эд Хаттон посмотрел ему вслед. Он был уверен, что снова его увидит.

Предыстория

Возможности Ливермора торговать в брокерских конторах были ограничены. Восточное побережье было для него закрыто, и он обратил свой взгляд на центральную часть Америки. Он направился в Сент-Льюис, где, как он слышал, было две больших брокерских конторы.

Он сел на поезд, приехал в Сент-Льюис, зарегистрировался в гостинице, принял душ и направился в первую брокерскую контору. Это была большая фирма, с торговой галереей более чем на 200 человек. Он начал действовать медленно, используя вымышленное имя и играя консервативно. Он торговал в течение трех дней, пока его не вычислили. Он увеличил свою изначальную ставку в 1000 долларов до 3800 долларов.

Утром третьего дня его позвали в кабинет начальника, и тот поприветствовал его: "Здравствуйте, господин Джесси Ливермор. Присаживайтесь".

Они узнали его. Ему запретили появляться в этой брокерской конторе, и велели немедленно уйти.

Он быстро пошел в следующую брокерскую контору, расположенную всего лишь в квартале от первой. Он подошел к окошку и начал игру.

"Тысячу пятьсот акций "Би Ар Ти"".

Клерк как раз начал заполнять бланк, когда подошел управляющий и встал перед Ливермором. "Ваши деньги здесь не нужны. Здесь сидят не простофили, все простофили находятся на вашей стороне, Ливермор".

"Вы знаете мое имя?"

"И то, как ты играешь". - Он вернул деньги Ливермору.

"Послушайте..."

"Нет, это ты послушай. Ты думаешь, соседи мне не позвонили только что по поводу тебя? А теперь я еще раз прошу тебя обратиться по-хорошему. Пошел вон отсюда!"

"Пошел вон отсюда" звучит не совсем как просьба", - ответил Ливермор, забирая свои деньги.

Глава 2.

На следующий день он взял билеты на поезд до Нью-Йорка. Он отправился в офис И.Эф.Хаттона и вернул одолженную 1000 долларов.

"Хотите проценты?" - спросил Ливермор с улыбкой.

"Я получу свои проценты из твоих комиссий. У тебя не ушло на это много времени. Тебя рассекретили?"

"Да, они пригвоздили меня в течение четырех дней".

"Как дела?"

"Не очень. Я примерно на том же уровне, где и был, когда вошел сюда шесть месяцев назад".

"Так что теперь только две дороги: Гарвард или Уолл-Стрит, да?"

"Нет: Уолл-Стрит или ничего".

"Ну, и удалось тебе за четыре дня изобрести новую систему, чтобы обыграть Уолл-Стрит?" - спросил Хаттон.

"Мне не нужно обыгрывать Уолл-Стрит. Мне нужно обыграть самого себя, свои эмоции".

"Это самая умная мысль, которую я когда-либо от тебя слышал, Джесси. Удачи".

"Удачи?"

"Да, Джесси, нам всем нужно немного везения в этой жизни. А теперь давай вновь откроем твой счет".

Ливермор торговал в течение нескольких месяцев. Но когда он подвел итоги по своему счету, то обнаружил, что только достиг уровня безубыточности. Его уверенность в себе была по-прежнему высока, но он все еще не нашел последовательной системы выигрыша при игре на рынке, как у него это получилось с брокерскими конторами.

Однажды в офис И.Эф.Хаттона зашел человек по имени Билл Салливан, и он сказал Ливермору, что человек, управлявший брокерской конторой в Сент-Льюисе, совершил убийство на ипподроме и переехал на Восточное побережье.

Предыстория

Чтобы скрыться от полиции Нью-Йорка, он открыл новую брокерскую контору в Хобокене, Нью-Джерси, прямо за рекой. Салливан сказал Ливермору, что это было заведение *без ограничений*. Здесь не было ограничений по количеству акций,

которое трейдер мог продать или купить.

Ливермор ждал субботы, чтобы осмотреться прежде, чем он пойдет в брокерскую контору в Хобокене. По субботам рынок работал только до 12. Внутри конторы обстановка была очень торжественной, с доской, заполненной котировками, галереей для посетителей и огромным количеством клерков для обслуживания клиентов. Ливермор притворился тупым, и разместил несколько ранних заказов. Затем некоторое время спустя, после 11, он поставил 2000 долларов наличными и продал без покрытия акций на 20000 долларов. Фонд резко упал и за пять минут до закрытия он закрыл короткие позиции и обналичил их. Его прибыль составила 6000 долларов. Он подошел, чтобы забрать их, но у клерка не было для этого достаточно наличности. Его попросили вернуться за остальными деньгами в понедельник.

В понедельник он пришел. Его ждал тот же самый человек, которого он видел в Сейнт-Льюисе.

"Ливермор, что тебе нужно?"

"Мои деньги".

"Я тебе говорил, чтобы ты не торговал в моих заведениях, когда ты был в Сент-Льюисе. Это Нью-Джерси, но я не хочу, чтобы ты здесь торговал. Здесь нет денег для тебя, даже в это утро понедельника".

"Отдайте мне мои деньги", - повысил голос Ливермор.

Человек не сводил с него глаз в течение нескольких долгих минут.

"Слушайте, я, по крайней мере, играю по правилам, а не как вы с вашими ипподромными выходками", - продолжил Ливермор, глядя человеку прямо в глаза. - "Если хотите торговать в этой части страны, лучше заплатите мне".

За Ливермором уже собралась толпа. Он повторил: "Я хочу получить свои деньги. Я играл честно".

Глава 2.

"Вон отсюда!"

"Только не здесь, в Хобокене. А теперь отдайте мне мои деньги!"

Человек, в конце концов, кивнул, и клерк отсчитал несколько банкнот достоинством в 1000 долларов, и Ливермор получил все свои деньги, 6000 долларов.

"Ливермор, у меня есть хозяин, очень безжалостный хозяин. Так что сделай одолжение, больше сюда не приходи".

Ливермор посмотрел ему прямо в глаза, кивнул и ушел. Он положил деньги в карман и обдумал сложившееся положение по пути назад, на Манхэттен.

На следующий день он позвонил Биллу Салливану, человеку, рассказавшему ему про брокерскую контору. "Послушай, Билл, спасибо, что подсказал мне о том месте в Хобокене. Мне нужно, чтобы ты оказал мне небольшую услугу".

"Насколько небольшую?" - спросил Салливан.

"Я тебя профинансирую, и хочу, чтобы ты поехал в Хобокен и немного поиграл. Затем, когда наступит нужный момент, я дам тебе знать".

"И что мне за это причитается?"

"Двадцать процентов плюс оплата расходов и я даю тебе тысячу долларов на расходы".

"Согласен, Ливермор".

Ливермор дождался, когда Салливан обустроится и затем сделал ход. Он стал продавать без покрытия, и после выплаты 20 процентов Салливану и оплаты его расходов, получил чистую прибыль в 4100 долларов.

Теперь у Ливермора было больше 10 000 долларов, и он решил в будущем твердо придерживаться фондового рынка - хватит с него брокерских контор. Теперь его выгнали раз и навсегда, и рано или поздно Арнольд Ротштайн выйдет на сцену и нанесет ему визит. Если это случится, то ему очень повезет, если он останется в живых, не говоря уже о заработанных

Предыстория

деньгах. Кроме того, он вернул свою ставку, и даже больше, чем когда-либо. Теперь от него зависит, как он воспользуется ей на фондовом рынке.

Кроме того, он устал играть по мелочи в брокерских конторах. Ему нравилось играть по крупному, в законные игры, через лицензированных брокеров, в игры, где не было ограничений по сумме денег, которую трейдер мог заработать - или потерять, как скоро выяснится.

Это станет вечным вызовом в жизни Ливермора - обыграть рынок. Игра на рынке была похожа на алхимию - превращение свинца в золото. Рынок превращал бумагу в золото и создавал состояния, о которых не мечтают даже в самых смелых мечтах. Рынок был там, где 100 долларов превращались в 1000, 1000 становилась миллионом, а миллион - 100 миллионами. Единственным, что требовалось от трейдера, было называть ход до того, как он двинется - и, как в большой мозаике, ответ всегда был там. Единственное, что требовалось от трейдера - разгадать его.

И Ливермор оставался в полной уверенности, что он способен найти ответ на загадку.

ГЛАВА 3

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

СПЕКУЛЯНТ

Современный язык сделал термин "спекулянт" синонимом "азартного игрока". Но на самом деле это слово происходит от латинского "speculari", что значит "вынюхивать" и "наблюдать".

Я определил "спекулянта" как человека, который наблюдает за будущим и действует до того, когда это будущее наступит. Чтобы преуспеть в этом — а это бесценная способность во всех человеческих начинаниях — необходимы три вещи:

Во-первых, нужно получить факты о ситуации или проблеме.

Во-вторых, нужно сформулировать суждение относительно того, что предвещают эти факты.

В-третьих, нужно действовать вовремя, иначе будет поздно.

Я слышал многих людей, которые произносили умные речи, даже очень умные речи о чем-то, но когда доходило до дела, все они оказывались неспособны действовать исходя из своих убеждений. Если действие откладывается до тех пор, пока его необходимость не становится очевидной, то, возможно, действовать уже поздно.

Чтобы стать очевидной для всех, опасность должна овладеть нами и находиться вне нашего контроля.

"Моя история", Бернард Барух

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

ЛИВЕРМОР ОБЪЕКТИВНО ИЗУЧАЛ СВОИ ОШИБКИ.

Позднее он часто говорил своим сыновьям, что "единственным способом получения настоящего образования на рынке является вложение денег, отслеживание своих операций и изучение собственных ошибок!"

С эмоциональной точки зрения очень сложно анализировать собственные ошибки, поскольку спекулянт должен разобраться в своих собственных неудачных операциях и промахах. А это не просто промахи, это промахи, которые стоят денег. Любой, кто терял деньги, неудачно их инвестировав, знает, как тяжело проанализировать то, что произошло.

Анализ проигранных торгов мучителен, но необходим, чтобы быть уверенным, что это больше не повторится. Ливермор в самоанализе был беспощаден. Он рассказал своим сыновьям о выводе, который сделал: "Успешные торги для спекулянта - это всегда эмоциональная, а не интеллектуальная битва. Только после того, как на акцию или товар была сделана ставка, когда деньги превратились из наличности в руках в биржевые сертификаты, только тогда оживают эмоции".

Ливермор приравнивал спекулянтов, которые занимаются торговлей воображаемыми биржевыми позициями, к человеку, который метко стреляет в тире. Как такой стрелок

Глава 3.

поведет себя на дуэли, лицом к лицу с заряженным пистолетом противника? Именно тогда страх поднимает свою зловещую голову, человек переживает, нервы его на пределе, решимость сдает позиции, а здравомыслие покидает владельца.

Чтобы спекулировать, трейдеру нужно было быть игроком, а не теоретиком, не экономистом и не аналитиком. Спекулянт должен быть игроком, у которого на кону стоят деньги. Не тренером и не владельцем команды, выигравшей игру, а игроком на поле - точно так же, как сражения выигрывают не генералы, а обычные солдаты и офицеры.

Для Ливермора самой богатой золотой жилой на земле был высокий гребень Манхэттена - Нью-Йоркская фондовая биржа на углу Уолл-Стрит и Брод Стрит. Это казалось легко - не нужно никаких исследований, карт, не нужно столбить участок. Она открывалась в определенные часы и приглашала всех попытать счастья. Но очень немногие золотоискатели выходили из игры с бочонком золота.

То же самое было доступно и старателям в то же самое время. Поэтому неудачи при разработке жилы были личными неудачами, поскольку в основном все начинали на равных. Но проблемы в основном были такими же, как и при поиске золота. Были ложные подсказки, продажные партнеры, девушки из танцевального зала, вооруженные задиры и профессиональные игроки. А двумя самыми большими проблемами были люди, незаконно захватывающие участки, и прохвосты, которые хотели обжулить добытчиков и лишить их золота, путем попыток задешево купить их права на участки и продать им неверные карты.

Этими прохвостами, по мнению Ливермора, являлись на Уолл-Стрит "подсказчики". Они стояли на входе в большую золотую жилу и продавали свои товары. Эти посредники раздавали подсказки непосвященным до тех пор, пока у непосвященных не появлялась возможность самим добывать золото. Легкий путь к успеху - вот что они обещали - возможность быстро обнаружить материнскую жилу, не прикладывая никаких усилий.

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

Ливермор обратил внимание, что новички задавали простые вопросы:

Почему вы выбрали именно меня, чтобы дать бесценный совет?

Если вы владеете такой информацией, то почему вы не богаты?

Какие у вас причины для того, чтобы давать мне советы по покупке акций? Вы что, тайно продаете их мне по все более и более высоким ценам?

Если доход на капитал так просто получить, тогда почему вас интересуют только комиссионные?

На дороге к успешным спекуляциям было много ловушек, и Ливермор знал, что ему суждено в них попасть. Но его не очень беспокоила перспектива в них попасть, он боялся лишь снова наступить на те же грабли.

Ливермор, как и все, знал основные законы рынка:

Когда ты ошибся, есть единственное, чего нельзя отрицать - ты теряешь деньги.

Когда ты прав, ты зарабатываешь деньги.

Следовательно, ты прав только тогда, когда зарабатываешь деньги и ошибаешься, когда их теряешь. Этот закон нельзя оспорить и это настоящий закон спекуляции.

В течение своей карьеры Ливермор наблюдал, как многие люди злословили о рынке, как будто разговорами можно было вернуть свое состояние или унять боль от неспособности придерживаться основных законов спекуляции, если они сочувствовали другим людям. Это было одной из причин, по которой Ливермор никогда никому ничего не рассказывал о своих биржевых операциях. Если он выигрывал, что ж, значит, он правильно поступил. Если проигрывал, значит ошибся. Зачем жаловаться? Зачем объяснять?

Глава 3.

Единственным объектом анализа своих торгов было обнаружение причины, по которой он получил или потерял деньги.

Для Ливермора, жизнь на рынке шла так, как написал поэт Омар Хайям в "Рубаи":

*Не хмурь бровей из-за ударов рока,
Упавший духом гибнет раньше срока.
Ни ты, ни я не властны над судьбой.
Мудрей смириться с нею. Большие проку!*

Стоял 1899 год, два года до начала двадцатого века. Ливермору было 22 года, у него было 10 000 долларов для торговли и семь лет опыта, на который можно было опереться. Теперь он знал, что фондовый рынок отличается от брокерских контор, но он *обыграл* брокерские конторы. Поэтому не было причин сомневаться, почему у него не получилось бы обыграть и фондовый рынок.

Он вновь открыл свой счет у И.Эф.Хаттона, как он и обещал. Теперь он торговал более осторожно, но по-прежнему следовал старому принципу заключения краткосрочных сделок, следуя значениям телеграфной ленты почти ежечасно или ежедневно. У него начало получаться лучше. Он зажил лучше, у него появились друзья.

В октябре 1900 года он женился на Нэтти Джордан (Nettie Jordan), девушке из Индианаполиса, с которой он познакомился во времена торговли в брокерских конторах Среднего Запада. Они с Нэтти жили в высококлассной гостинице "Уинздор" на Пятой Авеню. Летом Ливермор арендовал коттедж в Лонг Брэнч, Нью-Джерси, на берегу океана. Он совершил свое первое путешествие с Нэтти именно в этот период, и тогда же приобрел для нее драгоценности на сумму 12 000 долларов.

А затем разразился 1901 год, сопровождавшийся бумом на рынке. Развился бычий рынок. Америка стала процветающей,

Перевод Д.Седых

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

и рынок начал закипать - старый рекорд в 250 000 акций, участвовавших в торгах за день, был побит, новый рекорд составил 3 миллиона акций в день. Миллионеры, заработавшие состояние на стали, финансах и железной дороге переехали в Нью-Йорк, чтобы быть в центре событий. Крупные игроки, готовые вложить свои деньги туда, где они кормились, тоже переехали. На рубеже веков жизнь стала захватывающей.

Уолл-Стрит изобиловала легендами, и некоторые из них были великими персонажами, которые навсегда останутся в истории Улицы: Джон Гейтс по прозвищу "Ставлю миллион", Джон Дрейк, Лойял Смит Пейдж и знаменитая Хетти Грин, возглавлявшая первую женскую контору на Уолл-Стрит.

Хетти Грин стояла особняком. Как отмечено в книге Кеннета Фишера *"100 умов, которые создали рынок"*, она была очень хитрой, и превратила свое 6-ти миллионное наследство в 100-миллионное. Она также на всем сэкономила, носила плохо пахнувшие, никогда не стиравшиеся, черные, старомодные платья с биржевыми сертификатами, зашитыми в подол. Каждый день она появлялась, как черный призрак, выплывающий из трущоб, которыми она владела, по направлению к Химическому Национальному Банку. Она плюхалась на стул, скрещивала ноги на полу, а затем скрепляла купоны и складывала их в подол своего платья, все время жевала бутерброды и крекеры, которыми она набивала карманы.

Ее инвестиционная стратегия была проста: делай много хороших прочных инвестиций, которые приносили бы около 6 процентов, и как можно дешевле. Она сказала: "Когда я вижу, что хорошая вещь дешевет, потому, что никто ее не хочет, я покупаю ее в больших количествах и припрятываю". Потом она объяснила: "Если инвестируешь 6 миллионов долларов на 51 год под 6 процентов годовых и не потратишь ни гроша из этой суммы, то по истечении срока у тебя будет 117 миллионов. Что здесь не так?"

Во время финансовой паники она много покупала - закладные на недвижимость, муниципальные облигации, облигации железной дороги. Фонды обеспечивали ей

Глава 3.

дополнительную прибыль. Она хорошо знала рынок, но также действовала инстинктивно и полагаясь на здравый смысл. Ей удалось избежать провала с "Никербокер траст" во время паники 1907 года. Как? Она зашла в банк и вышла, говоря: "Мужчины, управляющие банком, выглядят слишком зажиточными, новые костюмы, новые ботинки, новые галстуки. Мне это не нравится". Она забрала свои деньги всего за несколько дней до обрушения.

Хетти Грин была единственной женщиной, игравшей на рынке в то время. Она сказала: "Было бы лучше, если бы у женщин было больше прав в бизнесе и вообще везде, чем сейчас! Мужчины всячески пользуются женщинами в бизнесе, как они никогда не позволили бы себе вести по отношению к мужчине. Всю жизнь я воюю с мужчинами в суде".

Хетти была способна на все и обладала навыками добиваться своего. Если ей не удавалось получить то, что хотелось, ворчанием и настойчивостью, она могла расплакаться. Если и слезы не помогали, она начинала судебные иски. После этого она неизменно отказывалась оплачивать услуги адвокатов, и часто нанимала дополнительных юристов, чтобы те защитили ее от первых. Однажды она заплатила 50 долларов за лицензию на ношение оружия, чтобы иметь возможность носить с собой револьвер. Когда ее спросили, зачем, она сказала: "В основном для того, чтобы защитить себя от моих чертовых юристов!" Ее боялись все, кто ее знал.

Хетти любила только деньги. Она видела в своем сыне Неде продолжателя своего дела. Она заплатила за его обучение в колледже в обмен на обещание, что он не женится до 20 лет. Нед согласился. Нед любил свою мать. Он был одноног. Когда ему было 14 лет, Нед, катаясь на санках, повредил колено. Хетти отказалась отправить его к врачу. Она обработала поврежденную ногу домашними средствами и уложила его в кровать. Когда его отец пришел домой и узнал, что произошло, он был вне себя от ярости и немедленно отвез мальчика к врачу. Врач был вынужден отрезать мальчику ногу, потому что уже началась гангрена.

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

Это была эпоха сильных характеров.

Ливермор знал о подходе Хетти Грин к рынку, комбинации экономии и сложных процентов, и он знал, что для некоторых людей это была разумная стратегия. Но не для него. Он не верил, что годовая прибыль в 6 процентов была всем, что можно выжать из фондового рынка. И ему, безусловно, было не интересно жить так же скромно, как Хетти.

В 1901 году рынок неистовствовал. Это был первый неистовый рынок, свидетелем которого Ливермор бы в качестве трейдера на Уолл-Стрит. В результате у него в голове закрепилось правило: на рынке никогда ничто не меняется. Меняются игроки, карманы, воспоминания. Новые игроки не помнят предшествовавшие циклы, потому что они их не испытали.

Ливермор играл на стороне быков, на рынке 1901 года и осуществил одну исключительно долгую операцию с "Нортен Пасифик" со ставкой в 10 000 долларов. Он получил 50 000 долларов. Но Ливермор рассматривал ее только как большую ставку, по которой можно играть. Он ждал внезапного большого падения цен на рынке, серьезной корректировки или изменения в течение одного дня, а затем оживления.

В начале мая Ливермор сделал ход.

"Продайте тысячу акций "Стил" без покрытия по 100 долларов", - рявкнул он клерку за несколько секунд до открытия рынка. - "И продайте тысячу акций "Санта Фе" по 80 долларов".

Клерк исчез с бланком заказа в руке, чтобы отдать указание трейдеру в зале. Ливермор встал, когда открылся рынок и начал наблюдать как акции, которые он продал без покрытия, падают, падают как камень. Он почувствовал себя уверенно, его суждение было правильным. По мере того как цены падали, воцарился хаос. Но его улыбка быстро исчезла, когда он увидел объемы падения. Внезапно его обуял страх.

з«Бык» - спекулянт, играющий на повышение, противоположность «медведя» спекулянта, играющего на понижение.

Глава 3.

Объемы были огромны. Активность по открытию рынка в зале переходила все границы, с которыми трейдеры могли справиться. Это был быстрый рынок. Темп выполнения заказов запаздывал - 15 минут, 30 минут, час, два часа, и когда они выполнялись, то выполнялись по ценам, далеким от тех, что хотели клиенты.

В конце концов, Ливермор получил отчет о выполнении своих заказов, сделанных по открытию рынка. Он в недоумении смотрел на выполненные заказы. Несмотря на то, что его брокеры были не хуже любых других на Уолл-Стрит, отчет по его заказам был просто ужасным. Актив, который он хотел продать без покрытия за 100 долларов, был продан за 85 долларов. Актив, который он хотел продать без покрытия за 80 долларов, был продан за 65. Это были цены, по которым он хотел их выкупить, чтобы закрыть свои короткие позиции, когда на рынке наступит оживление, которое, как он рассчитывал, должно было наступить, но позднее сегодня же. Он мгновенно принял решение выкупить фонды назад и немедленно закрыть свои короткие позиции.

Он закричал клерку: "Купи тысячу "Стил" и тысячу "Санта Фе" на рынке".

Клерк убежал с билетом, чтобы сообщить о заказе в биржевом зале. Он наблюдал, как растут значения на телеграфной ленте. Он знал, что его короткие позиции будут закрыты сейчас с большими потерями, так как оживление нарастало. Он сделал самое худшее, что только мог сделать спекулянт: невольно он продал на низшей точке, а купил на высшей. Клерк вернулся с билетами. Ливермор медленно открыл их в ладони. Он продал свои короткие позиции на уровне 85 долларов по стали и закрыл их по 110 долларов, потери составили 25 000 долларов.. Вторые 25 000 долларов он потерял на "Санта Фе". Он был прав, рынок пошел в том направлении, которое он предсказывал, но теперь он разорился. Он торговал, руководствуясь значениями на телеграфной ленте вместо того, чтобы торговать исходя из *реальных* котировок, которые слишком быстро поступали в зал, чтобы быть точно отраженными запаздывающим телеграфным аппаратом. В

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

условиях столь быстрого рынка телеграф запаздывал на срок не менее двух часов.

Этот день научил Ливермора самому главному. Он заключал сделки в реальном времени в краткосрочном периоде также, как он делал это, торгуя в брокерских конторах. Но телеграфный аппарат не передавал значения в *реальном времени* - он застревал в *замедленном* времени, отставая в течение дня

все больше и больше. Лента выплевывала давно изменившуюся цену, а не настоящую. Наконец Ливермор понял: на Уолл-Стрит очень сложно заключать краткосрочные сделки.

Тем не менее, он был прав в своем основном суждении. Рынок повел себя именно так, как он предсказывал: единственным недостатком было исполнение. Он не уложился в срок потому, что его заказы не выполнялись так быстро, как ему хотелось бы. В результате он опоздал с покупкой и с продажей.

Ливермор снова разорился, в мгновение ока. Это событие заставило его снять розовые очки, оставило его в подавленном настроении, в депрессии и абсолютно измотанным. Вчера у него было 50 000 долларов и твердая уверенность в себе. Сегодня он был потрясен до глубины души. Единственное утешение состояло в том, что он вычислил, когда повел себя неправильно.

Он уехал из Нью-Йорка и направился в Бостон в брокерские конторы, чтобы начать все заново и восстановить свою ставку. Ему также предстояло пересмотреть свой стиль жизни. Он вел образ жизни, который для подпитки требовал денег, а теперь у него их не было.

Это, безусловно, оказало влияние на его семейную жизнь. Дела на семейном фронте между двумя молодоженами шли хорошо, пока в мае 1901 года Ливермор опять не разорился. Он попросил Нэтти заложить ее ювелирные украшения стоимостью 12 000 долларов, которые он ей купил в Европе - в качестве ставки, чтобы он смог вернуться в игру в брокерские конторы.

Она отказалась. После этого в его отношениях с Нэтти возникла трещина, ей не нравилась идея закладывания своих ювелирных украшений. В конце концов, пара рассталась. Теперь

Глава 3.

он был не только разорен, но и разошелся со своей молодой женой.

Рынок был единственным, что он знал. Тогда он набрал воздуха в легкие и решил, что ему нужно получить ставку, чтобы вернуться на Уолл-Стрит. Он отдал все свои силы достижению этой цели: *достать денег*.

Он снова вернулся в брокерские конторы - но, к сожалению, в Бостоне его все еще помнили. Никто не принимал его заказов. Он подсылал людей, чтобы те делали за него ставки и размещали его заказы, но их быстро раскрывали. Вскоре у Ливермора не осталось больше мест для торгов.

К счастью для Ливермора появился новый гибрид брокерской конторы. Эта новая брокерская контора выглядела скорее как офис уважаемой брокерской фирмы и рекламировала свою связь с реальным брокерским домом, зарегистрированным на бирже. На самом деле в редких случаях подобные брокерские конторы действительно размещали заказы клиента через биржу, но гораздо чаще они *спекулировали* заказом. То есть они удерживали заказ в конторе невыполненным и играли против своего клиента, отменяя, таким образом, операцию с помощью внутренней бухгалтерии, когда клиент хотел ликвидировать сделку, или, что более вероятно, разорялся на резких колебаниях маржи.

В этих заведениях Ливермора не узнавали, и он быстро подцепил на крючок пять из них. Они пообещали ему, что будут оставаться в пределах одной процентной точки от значений, поступавших по телеграфу. Другими словами, они обеспечивали ему фактически *мгновенное выполнение заказов*.

Таким образом, Ливермор вернулся к своему старому методу торгов с ленты, получая небольшие доходы от большого количества ежедневных торгов. Ему нужно было заработать на ставку прежде, чем он сможет вернуться на Уолл-Стрит. Он открыл маленький офис с пятью прямыми линиями, соединяющими его с этими новыми квази-брокерскими конторами. Он торговал под вымышленным именем, поскольку по-прежнему опасался быть узнанным. Он также установил еще одну линию прямо к законному брокеру в Нью-Йорке, а также

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

свой первый биржевой телеграфный аппарат, как только его прибыль оказалась достаточной для этого. Большую часть года он торговал таким образом и заработал достаточно, чтобы купить машину. Он начал обновлять свою ставку для будущих торгов на бирже. Но по мере того, как объем его торгов и количество побед увеличивались, ему становилось все труднее убедить конторы позволить ему вести торги, особенно с того момента, когда деньги начинали в основном идти в одном направлении - из их казны в Сундуки Ливермора.

По мере того, как сумма контрактов Ливермора по сделкам росла, конторы начали играть с ним в игры. Если Ливермор приобретал крупную длинную позицию с большой маржей, брокерская контора начинала продавать короткие позиции, выигрывая у него несколько пунктов, когда ему нужно было закрывать позицию. Когда им удавалось удачно сыграть в эту игру, он терял деньги.

Но обычно он выигрывал. В конце концов, когда его ставка для заключения сделок была достаточно велика, он стал играть с ними в ту же игру. Он находил акцию, которая какое-то время была очень активна, но затем интерес на нее упал и торги по ней почти совсем не шли, дремлющую акцию.

Он связывался со всеми пятью брокерскими конторами и говорил: "Купите мне сто акций "Экм" за 81 доллар, согласно последних котировок". Когда все пять брокеров подтверждали ему закупочную цену в 81 доллар, он телеграфировал своему настоящему брокеру в Нью-Йорк, И.Эф.Хаттону.

Теперь он знал, что его закупочная цена составляла 81 доллар. "Купите мне 100 акций "Экм" по цене 85 долларов", - говорил он Хаттону. Он ждал, когда эта продажа пройдет по ленте и немедленно продавал свои позиции в брокерских конторах по цене 85 долларов, получая чистый доход в 4 пункта, или 2000 долларов. Затем он в Нью-Йорке закрывал позицию на 100 акций по 85 долларов.

Ливермор обошелся так с пятью конторами несколько раз. Затем неожиданно на него обрушалась удача: акции, с которыми он работал, в результате его закупочных действий выросли на 10

Глава 3.

пунктов. Он вывел 600 акций из игры, с прибылью в 6000 долларов.

После этих торгов, однако, квази-брокерские конторы наконец-то разгадали трюк Ливермора. В одной из фирм он попал в неприятное положение, когда пришел забирать свои деньги.

"Ливермор, мы не будем тебе платить. Ты искусственно завысил цены! И ты торговал под вымышленным именем".

"Не обвиняйте меня в том, что делаете сами".

"Ты взвинтил цену покупками в Нью-Йорке. Ты стал взвинчивать цену сразу после того, как мы взяли твою позицию в работу. Ты сам способствовал росту цены".

"Вы слишком в меня верите. Ваш извращенный ум присваивает мне совершение действий, на которые способны только вы, но не я".

"Пошел вон отсюда. Я о тебе слышал - Мальчик-Игрок, да? Ну что ж, здесь это не сработает, и у тебя будут неприятности, большие неприятности. Ты со своими друзьями взвинтил цену".

"Я никогда не беру партнеров. Я торгую только в одиночку и вы это знаете! У вас нет ни единого шанса доказать свои голословные утверждения!" - сказал Ливермор.

"Для меня это доказано, этого достаточно. Ты нас надул".

"У вас большая фирма, много офисов. Я торгую один. Как я мог вас надуть?"

"Я точно не знаю, как ты это сделал, но ты это сделал".

"Вы только что сказали, что не знаете. У вас нет доказательств. Вы просто не хотите отдавать мне то, что мне причитается", - Ливермор вновь говорил на повышенных тонах.

"Ублюдок!"

"Оскорблениями меня не испугаешь. У меня в руках бланк, подтверждающий мои заказы на покупку и продажу за мой счет. Сделка завершена. Вы должны мне деньги, две тысячи долларов. Вы пытаетесь уйти от оплаты?"

Теперь Ливермор кричал, а вокруг него собралась толпа.

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

Единственным, чего не могли допустить все эти заведения, было не заплатить по завершенной сделке. Поскольку они занимались темными делами, то слухи тут же распространились бы, и клиенты ринулись бы обналичивать свои счета - а затем хаос, как в банке.

Воцарилась тишина. Управляющий, в конце концов, полез в кассу и вытащил деньги. Он отсчитал необходимую сумму на глазах у клиентов. Отсчитывая последнюю сотню, он прошептал Ливермору: "Не возвращайся сюда! Никогда больше сюда не приходи, Мальчик-Игрок!" - Ливермор положил деньги в карман и ушел.

Он сыграл с ними такую же шутку, что и они с сотнями своих клиентов, торговавших с мизерной маржой, которых автоматически вышибало из игры, когда рынок двигался против них.

В тот вечер он сел к себе в машину и с товарищем по торгам направился в Нью-Йорк. По дороге он обдумывал новые фокусы, а эти мысли неизменно приводили его к любимым воспоминаниям о том, как однажды он чуть не поступил в Йельский Университет.

Ливермор и его приятель остановились в Нью-Хейвене и поселились в гостинице. Пока они были в гостинице, они узнали о действующей в городе брокерской конторе. Соблазн был слишком велик, и на следующий день они отправились туда. Управляющий конторы бурно их приветствовал. На Ливерморе был светло-коричневый костюм. На его друге - синий блейзер и брюки цвета хаки. Поскольку Нью-Хейвен был университетским городком, управляющий принял их за студентов Йеля. А управляющий привык до нитки обдирать таких типов.

В первый день Ливермор играл консервативно, и его приятель последовал его примеру. Они остались еще на ночь и пришли в контору на следующее утро, как только открылся рынок в Нью-Йорке. Они играли весь день, и прибыли Ливермора составили около 1500 долларов. На третий день, облаченные в свою лучшую академическую одежду, они вновь вернулись туда. Ливермор

Глава 3.

открыл день тем, что продал без покрытия 500 акций. Бумага рухнула и Ливермор немедленно закрыл свои короткие позиции. Управляющий медленно выплачивал деньги - 500 долларов маржи и 500 долларов прибыли.

После этого управляющий взглянул в голубые глаза Ливермора, на его юное улыбающееся лицо, его светлые волосы. Он наблюдал за вежливыми манерами Ливермора, его спокойным поведением. Управляющий перестал быть тем же радушным человеком, жаждущим разбогатеть за счет богатых и беспечных студентов.

Ливермор вернулся с деньгами в руке и сказал: "Я хочу продать двести "Стила" без покрытия".

Управляющий взглянул на деньги в кулаке Ливермора и не отреагировал. Он просто уставился на него и, наконец, заговорил: "Ребята, вы же не студенты, да?"

"А мы и не говорили, что мы студенты. Это вы так подумали", - ответил Ливермор.

"Вы мошенники!"

"Как мы можем быть мошенниками? Если бы мы были такими, как вы говорите, тогда нам пришлось бы обманным путем добиться, чтобы рынок двигался в нашу пользу. Вы же видели, что мы просто сидели здесь, никому не звонили, не вели себя загадочно, не устраивали никаких фокусов".

"У вас есть какая-то система, чтобы выигрывать, вот что у вас есть".

"У вас тоже есть система, чтобы ваши клиенты проигрывали. Их вышибает каждый раз, когда они теряют свою маржу. Мы играем по этим правилам. Примите заказ на двести "Стил"".

"Никогда в жизни, никогда меня не торопите. Вы, два мерзавца, меня вынудили!"

"Послушайте..." - продолжил Ливермор.

"Нет, не буду я слушать! Просто проваливайте отсюда прямо сейчас, пока я не вышел из себя!"

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

"Похоже, что вы уже вышли из себя", - сказал Ливермор, наблюдая как лицо управляющего из красного становится пурпурным. "Хорошо, мы уйдем".

"И никогда не возвращайтесь!" - услышал Ливермор крик управляющего и дверь за ним захлопнулась. Управляющий не совсем ошибался в своих оценках. Ливермор мог бы учиться в колледже, например, в Йеле. Но Ливермора интересовал только один колледж - Уолл-Стрит.

Он уже дважды все потерял к настоящему моменту, но он знал, что это был единственный путь для человека научиться торговать. Нужно было потерять, потому что это учило тебя тому, чего делать нельзя, и если ты снова это сделаешь, что ж, это значит, что до тебя медленно доходит смысл и ты снова проиграешь. Его не было большую часть года, достаточно долго, чтобы обдумать ошибки, которые совершил.

Он считал, что теперь готов вернуться в Нью-Йорк, назад на Уолл-Стрит.

В течение 10 лет работы на рынке Ливермор наблюдал за методами специалистов по технике, по составлению графиков и по математической части, за всеми теориями и методами заключения сделок, разработанными выпускниками лучших инженерно-технических школ Америки. Он верил, что у всех них были достоинства, но выводы он делал из реальных торгов, из торгов, в которых лично участвовал и из постоянного анализа. В его голове начал формироваться конечный метод.

Он уже верил в некоторые основные показатели:

Всегда сначала оцени и численно вырази общие условия, определи линию наименьшего сопротивления. Какой это рынок: растущий или падающий? Или же он *раскачивающийся* -

движущийся в разных направлениях, еще не знающий, куда ему пойти?

Если общая тенденция, наблюдаемая на рынке не в Вашу пользу, Вы играете в крайне невыгодном положении. Плывите по течению, не плывите против ветра, не выходите в море в бурю.

Глава 3.

Ливермор искал различие между азартной игрой на бирже и спекуляцией. И он никогда не пользовался терминами "бычий рынок" и "медвежий рынок" потому что эти термины были склонны оказывать слишком постоянный психологический настрой.

Теперь он играл в месте, очень отличающемся от брокерских контор, и он осознавал это - так как его дважды выбрасывало с рынка. Игра была крупнее, и, следовательно, рискованнее. Прежде чем Ливермор смог решить задачу, ему пришлось ее *поставить* и честно определить для себя.

Во-первых, он теперь анализировал такой показатель, как *время* - и он будет делать это всю свою жизнь. Он сделал вывод, что в своей прежней жизни в брокерских конторах время для него было мгновенным; то есть он жил одним моментом. Он мог играть на резких колебаниях по мере их развития, реагируя на текущий момент, на секунду.

Если ему суждено выигрывать на Уолл-Стрит, ему придется изменить свою стратегию и приноровиться к долгосрочной перспективе, научиться реагировать на будущее. Ему придется сохранять спокойствие и предчувствовать неизбежный рост и снижения, а, сделав ход, спокойно ждать.

Окончательный вывод Ливермора был ясен: *чтобы предчувствовать движения рынка, нужно играть; сохранять спокойствие и реагировать только тогда, когда рынок даст знак к началу спекуляции.*

Он считал, что единственным способом проверить этот вывод было апробирование этой стратегии на Уолл-Стрит при помощи денег. Ливермор делал правильные ходы, но неправильно выбирал время. Теперь он пришел на рынок с новым подходом и методологией.

Он делал все правильно - но не так хорошо, как ожидал,

курсов.

§ Медвежий рынок - рынок, на котором наблюдается тенденция к снижению курсов; рынок с понижением фондовой конъюнктуры.

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

по двум причинам: его система торгов все еще была не совсем тем, к чему он стремился, он прислушивался к другим трейдерам вокруг себя. Вместо того чтобы держаться за прибыльную позицию, он продавал ее, получая несколько пунктов прибыли. Он усвоил следующий принцип: "невозможно разориться, получая прибыль" и принял его в качестве собственной философии. На него также влияли прежние методы торговли, еще той поры, когда он быстро заключал сделки и сворачивал их, получая свои прибыли до того, как рынок оборачивался против него. Но сначала именно обилие информации от других трейдеров влияло на его суждения; непрерывающиеся подсказки, особенно от тех, кого он считал здравомыслящими, опытными трейдерами.

Был даже один трейдер, основной игрок, которым он особенно восхищался. Этот трейдер не давал советов, а интересующимся всегда отвечал односложно: "Это бычий рынок", или "Это медвежий рынок" или "Это колеблющийся рынок, еще не решивший, куда пойти". Именно этим советом позднее стал дорожить Ливермор.

Теперь он учился тому, что прежде, чем начать игру, нужно определить общее направление рынка. Также, когда игра сделана, следует отслеживать ее до конца. Императивом стало правило не продавать до тех пор, пока для этого нет серьезных причин - и если общая тенденция рынка идет с тобой в ногу, и нет других смягчающих обстоятельств, тогда нужно доиграть до конца.

Он также изучал проигравших. Он разделил этих простофилю на три категории:

Невежественные новички, которые ничего не знают, и знают, что ничего не знают, но все равно хотят играть на рынке. Срок жизни на рынке от 3 до 30 месяцев.

Простофилю второй категории или, как Ливермор называл их, полупростофилю, которые получали информацию от простофилю еще большей степени. Они прошли первую стадию и теперь перешли во вторую. Они цитируют

Глава 3.

рыночные афоризмы и слова рыночных мудрецов. Они достаточно умны, чтобы играть на рынке в течение более длительного времени, чем основная масса простофиль.

Срок жизни на рынке до 42 месяцев.

Простофили третьей категории, ищущие выгодные сделки, покупают, когда рынок на нижней точке, и ждут оживления. У них все хорошо получается до тех пор, пока они не сталкиваются с активом, который так и не оживляется или продолжает снижаться.

Единственное правило, которое не могут усвоить простофили - а также большинство игроков на рынке - *не надо быть простофилей!*

Ливермор в этой точке своей карьеры почувствовал, что он по-прежнему был простофилей - но он относился к особой категории простофиль. Он был тем, кого он называл *осторожными простофилями.*

Осторожные
простофили

слушали других и получали свои прибыли от игры на коротких позициях. В своем стремлении избегать риска они видели, как большая часть колебаний цены происходит без них. Они ждали падений, которые так никогда и не наступали, или падения наступали слишком быстро для того, чтобы они смогли сделать ход, или же актив просто становился, по их мнению, слишком дорогим, чтобы снова его купить.

Ливермор решил, что именно во время больших колебаний делаются по-настоящему большие деньги. И если он будет вести себя правильно и сохранять спокойствие, и переждет неблагоприятную обстановку на рынке, со всеми отрицательными колебаниями и корректировками, то он одержит победу. Это, конечно, не означало, что он будет упрямо пережидать сильные падения на рынке. Его 10-процентное правило из брокерских контор оставалось с ним всю оставшуюся жизнь: если он терял больше 10 процентов изначальной закупочной цены, то он закрывал свои позиции.

Медленно, путем долгого и глубокого анализа, постоянных корректировок и опыта по покупке и продаже

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

активов, Ливермор эволюционировал, разрабатывал правила - свою основную теорию спекуляций на фондовых и товарных рынках.

Затем он нарушил все свои правила и заработал состояние.

Он называл это ужасной историей. Он любил рассказывать ее своим сыновьям и близким друзьям.

Это произошло весной 1906 года, Ливермору было 29 лет и он отдыхал в Атлантик Сити. Он закрыл все свои позиции на фондовом рынке и расслаблялся на берегу океана вместе со своим другом, таким же трейдером. Конечно, у него по-прежнему был счет у И.Эф.Хаттона. На нем была сосредоточена его покупательная способность - около 3-4 тысяч акций на марже, по средней цене в 100 долларов. Это значило, что он обладал покупательной способностью в 400000 долларов. Это происходило в условиях средне-растущего рынка, когда фонды стабильно росли.

Однажды утром Ливермор с другом, слегка заскучав, зашли в отделение И.Эф.Хаттона в Атлантик Сити, чтобы празднично полюбопытствовать, что происходит на рынке. Рынок был силен, а у друга Ливермора была хорошая позиция на бычьей стороне рынка.

"Видишь, рынок силен, прямо как я говорил. Купи что-нибудь, Джей Эл", - сказал его друг.

Ливермор стоял и молча наблюдал за лентой, скользившей у него между пальцами.

"Ты здесь, Джей Эл? Ты слышишь, что я говорю?"

Ливермор не обращал внимания на своего друга. Он продолжал молча наблюдать за лентой. В течение всей своей жизни, пока Ливермор работал на рынке, он иногда чувствовал импульсы, у него бывали предчувствия, интуитивные побуждения, которых он не понимал. В большинстве случаев он им не подчинялся, но отслеживал их, и чаще всего они срабатывали. Он не знал, возможно, это его подсознание делало выбор, основанный на накопленном опыте торгов с миллионами

Глава 3.

акций, или же это был телепатический толчок иного рода. Возможно, это был просто инстинкт азартного игрока. Он знал, что это открыто попирает все его тщательно изученные и проверенные опытным путем правила. Эти чувства бросали вызов логике и объяснению, но они всегда приносили ему деньги. Действительно, он не знал, что это было, но он получил четкий импульс сделать ход. И таким образом, этим весенним днем 1906 года, он сделал ход.

Он подошел к клерку: "Продайте тысячу "Юнион Пасифик" без покрытия".

К нему подошел его друг. "Джей Эл, почему ты решил продавать без покрытия? Рынок идет вверх".

Ливермор взял свой бланк заказа и оглядел своего друга, прежде чем ответить ему. "Я точно не знаю, почему. Я просто думаю, что это правильно".

"Тебе что-то известно, да?" - спросил его друг. Теперь за ними наблюдал клерк.

Ливермор знал, что если он скажет другу, что у него есть внутренняя информация, то его друг ринется делать то же, что и он. "Слушай, я же сказал тебе, у меня нет четкой причины поступать именно так".

"Я знаю, что ты никогда не делаешь ничего беспричинно. На самом деле, ты сам говорил мне, что любой, кто торгует без плана, без последовательного плана, просто дурак. А теперь ты же мне говоришь, что у тебя нет причин продавать "Юнион Пасифик" без покрытия", - сказал его друг. - "Ты нарушаешь свои собственные правила, и заявляешь об этом во всеуслышание".

Ливермор ничего не сказал. Он повернулся и снова подошел к клерку: "Продайте без покрытия еще одну тысячу "Юнион Пасифик".

"Ты сошел с ума, Ливермор. Три дня лежал на солнце, подышал морским воздухом и сошел с ума".

Ливермор сунул ордер в карман.

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

"Мы уходим, пока ты не наделал новых глупостей". Его друг взял его за руку.

"Минуту", - сказал Ливермор. Он вернулся и продал без покрытия третью тысячу акций. Он положил в карман форму заказа, а затем проследовал за своим другом на улицу, нежиться на солнышке.

Позже, в тот же день, незадолго до закрытия рынка он вернулся в брокерскую контору, чтобы проверить цену на фонды "Юнион Пасифик".

Фонд вырос почти на два пункта по сравнению с ценой, по которой он продал без покрытия.

"Вот видишь, Джей Эл, я тебе говорил - рынок идет вверх, а ты потерял из-за собственной глупости 6000 долларов".

Ливермор ничего не сказал. Он просто улыбнулся и вышел на улицу, смотреть на закатное солнце.

На следующий день он вернулся в начале дня. Акции слегка выросли вместе с рынком, но незадолго до закрытия их начали распродавать. Ливермор продал еще 2000 акций.

"Ты просто сумасшедший, Джей Эл", - сказал его друг.

"Я думаю, ты прав, потому что теперь мне нужно вернуться в Нью-Йорк. Я превысил свою маржу и мне нужно пересмотреть свои инвестиции. Мой отпуск окончен".

В тот же вечер Ливермор вернулся в Нью-Йорк.

Вечером того же дня, 18 апреля 1906 года, в 5 утра, пока Ливермор крепко спал в Нью-Йорке, земля под Сан-Франциско зашевелилась, сначала медленно, грохоча, а затем затряслась, закачалась, зашаталась, и волна землетрясения начала сотрясать город. Разлом Сан-Андреас зашевелился, повел своими могучими плечами. Большая часть города была разрушена, несколько несчастных попали в ловушку открывшейся и снова захлопнувшейся утробы того, что совсем недавно было твердой почвой. Высотные здания пошатнулись, упали и разрушились. Финансовый район был весь усеян огненными булыжниками; вокзал сравнялся с землей, рельсы были перекручены и

Глава 3.

погнуты, как легкие крендельки. Толчки чувствовались даже в Пало Альто. Студенческий городок Стенфордского университета был уничтожен землетрясением. Десятки людей погибли.

На следующее утро Ливермор прочитал в заголовках газет: "Ужасное землетрясение в Сан-Франциско". Он продолжил читать: "Из-за этой новости рынок снизился всего на несколько пунктов".

Ливермор знал, что плохим новостям в условиях бычьего рынка требуется несколько больше времени, чтобы дойти до людей, нежели чем в условиях медвежьего рынка, когда общая атмосфера уже отрицательная. И действительно перед закрытием рынка фонды вернулись на свои прежние уровни. У Ливермора была короткая позиция на 5000 акций, но сделка не принесла ему прибыли. Он не заработал денег.

Его друг тоже вернулся в Нью-Йорк. "Ты был прав насчет грядущих плохих вестей, но я же тебе говорил, что нельзя плевать против ветра. А ветер положительный. Лучше бы ты меня послушался, Джей Эл", - сказал он.

"Ветры переменчивы", - сказал Ливермор, читая телеграфную ленту и не поднимая глаз.

Ливермор вычислил, что даже если, в конце концов, оказывается, что бедствие не так уж велико, как изначально считалось, акции железнодорожных компаний не будут расти.

На следующий день просочились новости из Сан-Франциско и рынок стал сползать вниз, но не слишком сильно. Ливермор был убежден в своей правоте. Он пошел к своему брокеру, получил особую кредитную линию и продал еще 5000 акций "Юнион Пасифик" без покрытия.

На следующий день, третий день после землетрясения, рынок упал. "Юнион Пасифик" падал как камень с горы, а Ливермор вышел из переделки с прибылью в 250 000 долларов. Он так и не понял точно, почему он поступил именно так, а не иначе, прислушавшись к своему внутреннему голосу. Это единственное, что он не анализировал очень глубоко. Он тихо

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

перевел наличность на свой счет. Теперь он мог вести торги с намного большей линией - дополнительные 250 000 долларов - и именно об этом он больше всего думал.

Он урезал свой отпуск в Атлантик Сити. После неожиданной удачи с землетрясением, он поехал на бега в Сарагота Спрингс, чтобы отдохнуть. Ему нравился весь антураж Сараготы: красота местности, королевская обстановка, лоск, красивые лошади. Большинство элегантно одетых, влиятельных людей города Нью-Йорка каждое лето собирались здесь, чтобы посмотреть на бега.

И снова Ливермор зашел в брокерскую контору Хаттона, чтобы посмотреть, как дела в Нью-Йорке. Он тихо сидел, изучая телеграфную ленту, посматривая на доску по мере нанесения на нее цен ведущих акций. Люди проходили мимо и нашептывали свои советы в ухо Мальчика-Игрока. Приближаясь к тридцатилетнему возрасту, он по-прежнему выглядел как хорошо одетый студент. Управляющий подошел к нему и дал взглянуть на бланки заказов, отражающие ордера некоторых самых крупных игроков, присутствовавших в Сараготе. Ливермор лишь улыбнулся и ничего не сказал.

Его внимание привлекал "Юнион Пасифик", его старый приятель. Ливермор не знал, что делать - покупать длинные или продавать короткие позиции по этому активу. Это не имело значения, поскольку, как он уже знал, рынок поднимался так же часто, как и опускался. Он терпеливо ждал, когда нанести удар. Объемы и колебания цен "Юнион Пасифик", как узнал Ливермор из телеграфной ленты, сильно изменились и сейчас находились в фазе *накопления*. Он три дня не играл на рынке, наблюдал за фондом, не ходил на бега. В конце концов, основываясь на показаниях телеграфной ленты, он пришел к выводу, что эти фонды накапливаются группой профессиональных игроков.

Акции котировались на уровне 160, когда на третий день он стал их покупать. Он покупал партиями по 500 штук до тех пор, пока не получил 5 000 акций. Он получил взволнованный звонок от Эда Хаттона, своего старого, уважаемого друга, друга, который был хорошо информирован и у которого были друзья в

Глава 3.

высших кругах. Мало что происходило на Уолл-Стрит, о чем не знал Хаттон.

"Джей Эл, ты сумасшедший", - сказал Хаттон.

"О чем ты?"

"Они тебе их сбывают. Пул, управляющий акцией, сбывает их тебе настолько быстро, насколько ты хочешь. Они собираются отказаться от этого актива на какое-то время, а затем выкупить его назад по меньшей цене. Ты окажешься козлом отпущения. Ты простофиля в игре для простофиля".

"Ты уверен?"

"На сто процентов. Информация из очень надежного источника, из самого надежного".

"Не могу с тобой согласиться", - сказал Ливермор. - "Думаю, что его накапливают".

"Да, и накапливаешь его ты! Он упадет. Слушай, мне нравится получать комиссионные, и я желаю тебе стать самым большим трейдером в Нью-Йорке. Я просто пытаюсь спасти тебя от неприятностей!"

"Хорошо, Эд", - Ливермор сделал паузу, обдумывая сказанное. Он знал, что Хаттон - настоящий друг, друг, который часто помогал ему в прошлом.

"Спасибо, Эд. Я закрою позицию".

"Правильно. Невозможно всегда выигрывать, Джей Эл", - сказал Хаттон и повесил трубку.

Ливермор сел и посмотрел на бланки заказов и отчеты по их выполнению в своих руках. Через несколько минут он встал и приказал клерку продать их. Позиция "Юнион Пасифик" была ликвидирована по 162 доллара за акцию. После выплаты комиссий это была непроигрышная сделка. На следующий день "Юнион Пасифик" объявил о 10-процентном дивиденде и его акции выросли на 10 пунктов. Ливермор мог бы заработать 50 000 долларов.

Ливермор находился в офисе Хаттона в Сараготе, когда было объявлено о дивиденде. Он спокойно сидел там, когда

Землетрясение в Сан-Франциско аукнется в Нью-Йорке

акции стремительно росли. Управляющий офиса посмотрел на него и пожал плечами. Он знал, что произошло день назад. Он знал, что сказал ему Эд Хаттон. Ливермор улыбнулся и кивнул головой.

Ливермор не разозлился и не разочаровался в Хаттоне. Он смотрел на этот опыт как на часть своего образования. Как он мог злиться, когда он понимал, что рынок не зависит от чувств? Рынок был чистым действием, холодным и преданным только себе. Он верил, что рынок всегда поступает правильно, даже тогда, когда он в какой-то конкретный момент не видит этого.

Теперь Ливермор принял решение следовать только своему собственному методу заключения сделок. Теперь он знал, что советчики разных сортов и мастей были везде и носили разные маски - даже маски близких друзей, ведомых лучшими намерениями. Следовало избегать этого любой ценой.

За последние 15 лет Ливермор выучил несколько основных уроков. До 30 лет ему оставался еще год. У него была хорошая ставка и солидная линия у своих брокеров. Он смог избавиться от методов торговли, которые применял в брокерских конторах. Теперь, после Сараготы он собирался перейти еще на один уровень выше. Вместо того, чтобы фокусироваться на отдельных акциях, он собирался сосредоточиться на общем состоянии рынка. "Да", - подумал он про себя. - "Прежде чем я выберу актив, я изучу общую обстановку на рынке".

Ему нравилась эта игра, игра в спекуляцию. Она нравилась ему тем, что постоянно ставила перед ним новые задачи. Эта была игра, в которой было невозможно окончательно победить. Но ему и не нужно было все время выигрывать, чтобы заработать много денег. Если в среднем он будет выигрывать, он мог очень хорошо жить и веселиться.

Он был готов.

ГЛАВА 4

Крах 1907 года

Все люди по природе своей стремятся к знанию.

Аристотель

ДЖЕССИ ЛИВЕРМОР ИСКАЛ СВОЮ СТРАТЕГИЮ

заклучения сделок. Медленно, но верно она начала формироваться. Первый этап состоял в концентрации внимания на общем состоянии рынка прежде чем начать торги. Он следовал линии наименьшего сопротивления - вверх на бычьем рынке, покупая длинные позиции, вниз на медвежьем рынке, продавая без покрытия. Если рынок колебался, он ждал, держа средства в наличных до четкого установления направления.

Ему был неинтересен поиск выгодной сделки или дешевого фонда. Он следовал тенденции. Ему было интересно следовать в определенном направлении, которое он называл *линией наименьшего сопротивления*. Он был одним из первых настоящих импульсных игроков.

Теперь, когда у него была основная рыночная стратегия, в дополнение к ней ему необходима была стратегия управления денежными средствами. На Уолл-Стрит его знали как Мальчика-Игрока, но крупные биржевые спекуляции не всегда служили ему добрую службу. К 30 годам он разорился и становился банкротом, три раза.

Он наблюдал за наиболее успешными трейдерами Уолл-Стрит в действии. Он заметил, что все они очень хорошо умели управлять денежными средствами, и у каждого был свой индивидуальный подход. Он знал, что ему нужна своя система.

Глава 4.

Теперь он знал, что вопрос был не в том, *изменит ли* свое направление рынок или акция - вопрос был во *времени*. Но он также осознавал, что никто не может точно назвать или предсказать, когда рынок или акция изменят свое направление. Поэтому Ливермор разработал свой подход *апробирования* и проверки рынка.

Стратегия была проста: не торопиться. Нужно провести исследование прежде, чем покупать, подобно тому, как военачальник высылает разведывательный отряд, чтобы исследовать линии врага и собрать сведения. Ливермор следовал основной военной стратегии в торгах на фондовом рынке, который, в некотором роде, тоже является зоной военных действий.

Важно отметить, что перед проведением первой сделки Ливермор определял количество акций и размеры инвестиций в долларах.

Если Ливермор планировал приобрести позицию в 10000 акций определенного фонда, он сначала делал пробную покупку 20 процентов от планируемой позиции - то есть покупал 2000 акций. Предположим, что он заплатил по 100 долларов за акцию. Если после того, как он совершил первую покупку, цена падала, то он либо закрывал первую позицию, либо ждал, но никогда не допускал потерь более 10 процентов.

Он ожидал, что цена акций вырастет. Если ситуация была такой, как ожидалась, то он покупал вторую позицию, еще в 2000 акций, по цене, скажем, 100 долларов за акцию.

Если актив продолжал расти, то он брал третью позицию в 2000 акций по цене, к примеру, 104 доллара.

На этом этапе он владел 6000 акций; это составляло 60 процентов от его конечной цели - позиции в 10 000 акций. Но он совершал каждую следующую покупку на несколько более высоком уровне. Для Ливермора это было хорошо: это доказывало ему, что актив двигался в правильном направлении.

Теперь он ждал дальнейшего движения и корректировки. Например, предположим, что фонд сместился со 100 долларов

до 112 долларов, затем подвергся нормальной корректировке вниз до 104 долларов, уровня, на котором он совершил свою последнюю покупку.

Если фонд шел вверх от уровня 104 доллара, Ливермор производил свою окончательную покупку в 4000 акций на уровне, скажем, 106 долларов, в итоге получая среднюю цену 105 долларов на всю позицию в 10000 акций.

Или, иначе говоря, Ливермор приобретал 20 процентов от планируемой позиции в первой покупке, 20 процентов - во второй покупке и 20 процентов в третьей покупке. Он дожидался подтверждения, а затем размещал свою окончательную позицию в 40 процентов.

Он считал каждую из этих покупок решающим этапом в приобретении всей позиции в целом. Если в любой момент актив начинал двигаться вопреки его интересам, то он сохранял спокойствие и ждал, или же закрывал все свои позиции, никогда не допуская потерь больше 10 процентов.

Первая проба или сделка являлась решающей, она была ключом к данной методике. После первой операции не следует приступать ко второй до тех пор, пока не убедишься, что твое суждение правильно. Когда фонд сделал движение в том направлении, в котором вы ожидали, и у вас есть прибыль, можете считать свое суждение подтвержденным.

Ливермор считал, что фонды никогда не бывают достаточно дорогими для начала покупки, или слишком дешевыми, чтобы начать продавать без покрытия. Ливермор верил, что нужно избегать только одной стороны рынка. Он мог находиться на стороне быков или на стороне медведей - для Ливермора это не имело никакого значения - ровно до той поры, пока он не оказывался на *неправильной* стороне.

Из опыта Ливермор знал, что одной из самых сложных задач для трейдера было закрыть позицию как можно раньше, если он ошибся и фонд двинулся против него.

Пытаясь объяснить основы рынка сыновьям, он сказал: "Сделка становится личным делом для слишком многих

Глава 4.

спекулянтов, когда оказывается, что их суждение ошибочно и актив двигается вопреки их интересам. Именно в этот момент спекулянт должен предпринять шаги для минимизации потерь. Спекулянт убедился в своей ошибке, потому что фонд двинулся против его интересов, и теперь он должен как можно скорее это признать и закрыть сделку. Это вопрос преодоления себя и контроля своих эмоций".

Ливермор пришел к осознанию того, что большие деньги делаются на больших колебаниях, в ожидании того, когда сыграет основной тренд и, отпуская актив на самотек как можно дольше, до того момента, пока на линии наименьшего сопротивления не обозначится неизбежное изменение основного тренда. Он будет ждать, пока рынок не даст ему подсказку. Он не будет предвосхищать рынок, пытаясь угадать его направление. Подобно Шерлоку Холмсу, он будет ждать появления подсказок, фактов, на которые можно будет опереться, прежде чем сделать вывод.

Теперь у Ливермора было три важных правила, которые следовало соблюдать согласно его новой стратегии заключения сделок:

Во-первых,	<i>следует принимать решение на</i>
<i>общего направления рынка,</i>	<i>основании</i>
	определяя линию
	наименьшего
сопротивления. Нужно быть уверенным в основном тренде.	
Во-вторых,	<i>следует разработать</i>
	<i>стратегию покупки.</i>
Нужно изучить рынок. Следует проверить его, сначала заключая сделки по маленьким позициям. Не нужно бросаться ставить на кон все свои накопления под влиянием импульса.	
В-третьих,	<i>следует быть терпеливым и</i>
<i>проявятся все факты.</i>	<i>ждать, когда</i>
	Нужно дождаться движения,
	чтобы
закончить игру. Именно большие колебания создают большие деньги.	

В конце 1906 года его новая стратегия, в конце концов, оправдала себя. Ливермор почувствовал смену основного тренда на снижающийся - по его мнению, это должно было быть

глобальное изменение в направлении рынка. Это было не столь очевидно основным игрокам и прессе, которые по-прежнему ждали продолжения бычьего рынка.

Он тщательно изучил все факты и решил, что рынок достиг вершины, несмотря на то, что линия наименьшего сопротивления, как казалось, по-прежнему направляется вверх. Он использовал свой новый подход к торгам, чтобы подтвердить свое суждение, проводя исследования различных ведущих фишек. Он исследовал четыре группы лидирующих акций, продавал без покрытия, по меньшей мере, по два актива в каждой из четырех групп. Его продажи без покрытия удержались - то есть фонды, которые он продал без покрытия, пошли вниз, а во время оживлений эти акции колебались, будучи неспособными покорить новые вершины, закрываясь лишь на несколько пунктов выше, но затем падая, скатываясь к своим старым высшим точкам.

Ливермор медленно увеличивал свои позиции после каждого провального оживления.

Последним оплотом был "Ридинг", железнодорожный фонд, который не двигался. Предполагалось, что он *скуплен*, что выпущенные в обращение акции фонда контролируются пулом или каким-то одним лицом. Ливермор был уверен, что ни один фонд не может устоять перед приливной волной, которую он видел на горизонте - сменой растущего бычьего рынка на снижающийся медвежий. Он считал, что "Ридинг" не сможет двигаться против течения. Когда придет время, он рухнет вместе с другими.

Ливермор решил поспособствовать его снижению. У двух брокеров он одновременно продал без покрытия 4000 акций "Ридинга" по 111 долларам. Он сделал так, чтобы рыночные заказы одновременно поступили на рынок. Заказы были выполнены по убывающим ценам. Он снова нанес удар по "Ридингу", продав еще 2000 акций, установив короткую линию в 6000 акций по конечной цене в 92 доллара. Он получил неплохую прибыль менее, чем за несколько часов. Затем "Ридинг" рухнул вместе со всеми остальными активами, в которых Ливермор открыл позиции.

Глава 4.

Его первая большая выходка с использованием новой техники исследования рынка сработала. Теперь он столкнулся еще с одной проблемой: когда закрывать и выкупать назад свои короткие позиции.

В прошлом Ливермор много раз выбывал из игры и наблюдал за тем, как исчезают его прибыли, потому что он вовремя не закрывал своих позиций и не обналичивал свои потенциальные прибыли, когда предоставлялась такая возможность. На этот раз он не стал дожидаться, пока рынок даст ему четкий знак, что он достиг нижней точки. Он хотел получить свою прибыль. Он закрыл свои позиции, вложил деньги в банк и уехал в Палм-Бич.

Он устал от биржевых торгов и хотел на некоторое время забыть о рынке. Ему нравилось рыбачить в глубоких водах и он отправился на рыбалку и расслабился. Он это заслужил. Он также хотел поразмыслить над своей стратегией заключения сделок. На его банковском счету лежал теперь почти миллион долларов. Стоял 1907 год, ему было 30 лет и он знал, что наконец-то он на верном пути.

После Палм-Бич он отправился в Париж. Ему нравилась Европа, потому что там не было разговоров о фондовом рынке, а он хотел дать на какое-то время отдых голове. С такой большой суммой денег на банковском счету, в красивом месте, с красивыми людьми, он некоторое время был счастлив.

Но это продолжалось недолго. Его страстью был фондовый рынок, и вскоре его опять потянуло туда. Он читал парижское издание *"Геральд Трибьюн"*. Стало ясно, что нью-йоркский рынок движется к еще большему спаду, чем считалось изначально.

Теперь он сожалел о том, что закрыл свои позиции так рано. У него не было никаких серьезных причин закрывать изначально позиции, кроме того, что он боялся потерять свои прибыли. Он хотел положить свои прибыли в банк, что и сделал.

Он сел на скоростной пароход до Нью-Йорка.

Он еще не знал, что станет свидетелем паники 1907 года.

Как только он приехал, он снова стал открывать на рынке короткие позиции, совершая пробные сделки, чтобы удостовериться в том, что он находится в основном тренде. Он приобрел очень много коротких позиций в нескольких ведущих фишках. Рынок на рубеже веков был стремительно развивающимся бычьим рынком, с дикой циркуляцией цен наиболее спекулятивных ценных бумаг.

Вскоре стала очевидной основная финансовая проблема:
онкольные ссуды. Онкольные ссуды являлись ограниченными по

времени ссудами до востребования, предоставляемыми банками брокерским домам. Эти деньги, в свою очередь, консервировались брокерскими домами для обеспечения маржинальности своим клиентам.. Ссуды были топливом, подпитывающим рынок. Маржа была основной его составляющей. Эти ссуды выдавались ежедневно у Денежного Столба между 12.00 и 02.15 дня, когда на бирже появлялись банкиры, готовые ссудить деньги брокерам. Проблема назревала в течение месяцев, но достигла кульминации 24 октября 1907 года.

Суть проблемы была проста. У банков не было в наличии достаточного количества денег для брокеров, чтобы последние могли закрыть свои требования по марже. Имеющиеся в наличии деньги предлагались под 100-150 процентов. И банки, которые обычно боролись за то, чтобы ссудить эти высокоприбыльные деньги, были больше не заинтересованы в увеличении количества кредитов брокерским домам, независимо от величины процентной ставки. Это был кризис доверия ужасных размеров. Акции упали. Ливермор продолжал продавать без покрытия, используя свою позицию для дальнейшего снижения цен.

24 октября в 12 часов дня, в операционном зале биржи царил хаос. Сотни брокеров собрались вокруг Денежного Столба, выкрикивая свои запросы на краткосрочные займы, но денег в наличии не было - совсем. Это означало, что брокерам придется продавать свои биржевые позиции на вольном рынке, чтобы закрыть свою маржу, но на рынке не было покупателей фондов. Спрос иссяк. Это был страшный кошмар для рынка - нет денег и нет покупателей - и все это произошло очень

Глава 4.

быстро. Чистый, раболепный, подлинный, настоящий страх охватил брокеров и банкиров.

На Уолл-Стрит не было денег.

Брокеры бросились к Р.Х.Томасу - президенту фондовой биржи. Он позвонил Джеймсу Стиллману, президенту "Нэшнл Сити Банк", самого богатого и влиятельного банка Соединенных Штатов, банка, который гордился тем, что никогда не продлевал кредит меньше, чем за 6 процентов.

Когда Стиллман закончил слушать Томаса, он просто сказал: "Нужно поговорить с господином Морганом". Они немедленно поехали к Моргану, мировому финансовому гиганту.

Морган выслушал Стиллмана и Томаса, обрисовавших ему весь ужас сложившегося положения, бедствия, которое могло распространиться на всю страну и искалечить промышленность. Морган не стал терять времени. Когда он это услышал, он встал и сказал: "Возвращайтесь на биржу и скажите им, что деньги будут".

Они спросили: "Откуда?"

"Из банков", - ответил Морган, уставившись на Стиллмана и Томаса. - "Откуда же еще?"

Томас поспешил вернуться на биржу и поведал толпе, стоявшей вокруг Денежного Столба, что деньги для них будут: "Нас заверил в этом господин Морган!"

"Когда?" - в отчаянии закричали собравшиеся.

"Скоро", - был ответ.

"Сколько?" - кричала толпа.

"Достаточно", - последовал ответ.

Но время шло. В конце концов, вскоре после двух часов дня, Джон Т. Аттербери из "Ван Ембурга и Аттербери", близкий друг Дж.П.Моргана, приехал на биржу. Шум затих, а толпа стояла как прикованная, дав Аттербери проход к Денежному Столбу. Когда он подошел к столбу, он поднял руку и сказал: "Я уполномочен ссудить десять миллионов долларов".

Толпа сошла с ума, брокеры выкрикивали необходимые им суммы. Аттербери пытался перекрычать их голоса. "Тихо, тихо, по одному, всем хватит!"

"Где получить деньги?" - закричал один брокер.

"Завтра вам скажут, где! А теперь спокойствие и давайте закончим с этим", - ответил Аттербери.

Этот день стал легендой на Уолл-Стрит - день, когда Дж.П. Морган в одиночку спас фондовый рынок, и, возможно, предотвратил финансовый коллапс всей страны.

Когда Томас и Стилман покинули офис "Дома Моргана", Дж.П.Морган позвонил президентам основных банков. Каждому из них он сказал: "Нужно поддержать рынок деньгами, и сделать это нужно сейчас. Нужно дать им, что они хотят. Ситуация критическая!"

Все банкиры ответили одинаково: "Мы раздали все возможные ссуды. У нас нет денег для ссуд брокерам, для поддержания рынка!"

"У вас есть резервы!" - воскликнул Морган.

"Но мы уже вышли за законные ограничения!"

"Используйте резервы, иначе какого черта они вам нужны?" - сказал он каждому из банкиров.

Морган был тем самым человеком, которым восхищался Ливермор. Морган был блестящим человеком с практическими принципами, патриотом и финансовым гигантом.

Этот день, 24 октября 1907 года, запечатлелся в памяти Ливермора. В первый раз в жизни он получил 1 миллион Долларов прибыли за один день. Более того, день еще не закончился. Для него самым важным было то, что он следовал своим новым правилам. Он терпеливо ждал большого поворота на рынке. Он начал с маленьких позиций, делал пробные заказы на рынке, чтобы убедиться в своей правоте. И, в конце концов, когда все факторы были в его пользу, он сделал то, что любил больше всего: осуществил крупный бросок, как королевская кобра.

Глава 4.

К концу дня его потенциальные прибыли и биржевые позиции были настолько велики в результате искусственного вздувания цен, что теперь ему предстояло принять еще более важное решение. Объявление Моргана о намерении ввести в игру деньги решило только одну проблему: оно восстановило ликвидность - платежеспособность среди брокеров. Но оставалась другая серьезная проблема - спроса по-прежнему не было. Ливермор посмотрел на рынок перед закрытием, и обнаружил, что на нем не было заказов на покупку. Никто не хотел покупать фонды, независимо от цены.

Ливермор знал, что он может совершить ошеломительный налет, начав продавать при открытии рынка на следующий день. Его направленное вниз давление сбивания цен на основные фонды вызовет дальнейшее падение. Его маржа теперь все время росла, его прибыли повысились, вертикально выросли, когда рынок упал. Он был в состоянии начать день, продав без покрытия 10000 акций "Юнион Пасифик", в то время любимчика рынка. Затем он мог продать полдюжины других фондов, которые считались самыми надежными среди надежных компаний. Теперь у него была маржа на счету и навыки заключения сделок, чтобы предать эти фонды забвению. Он не искал прибыли в 1 миллион, но в 10, 20 миллионов, если он нанесет серьезный удар по рынку завтра утром.

Теперь была его очередь принимать серьезное решение. Поддержит ли он рынок или будет толкать его все ниже и ниже, пока совету управляющих не придется закрыть биржу, возможно, навсегда?

Перед окончанием операционного дня, в то время как Ливермор обдумывал следующий ход, его друг, Уоррен Аугустус Рид, зашел к нему в гости. Во время паники того дня Ливермор объяснил своему другу, который был банкиром во влиятельной инвестиционной банковской компании, что именно произойдет. Рид наблюдал за Ливермором в действии в прошлом и верил в его способности к работе на рынке и чрезвычайную смелость.

Рид на некоторое время исчез, а затем его позвали к главе компании, президенту фирмы.

Рид вернулся и объяснил Ливермору следующее: "Джей Эл, меня попросили поговорить с тобой о рынке и попросить тебя воздержаться от дальнейших продаж без покрытия. Я понимаю, что ты можешь рассчитывать на получение больших прибылей, если продолжишь сбивать цены, но иногда нужно смотреть на вещи с точки зрения большего блага".

"Огги, ты сейчас говоришь от имени своего хозяина?" - спросил Ливермор.

"Нет. Я говорю от имени более влиятельного человека, чем мой хозяин", - ответил он.

Ливермор знал, кого он имеет в виду - Дж.П.Моргана. "Ты уверен?"

"Да. Это его личная просьба. Я был в офисе, когда произошел разговор и слышал его".

Ливермор на минуту задумался. "Знаешь, эти же самые люди продавали акции на этом рынке в течение долгих месяцев - сбывая активы людям, зная, что грядет снижение, но тогда их интересовали только они сами, им было плевать на остальных".

"Да, я знаю, но Джей Эл, разве не всегда так происходит, когда цены вырастают до слишком больших величин? Умные, опытные в работе на рынке люди продают менее умным людям".

"Да".

"Джей Эл, если мы хотим контролировать этот рынок, нам придется остановить кровотечение и остановить продажи, иначе рынок просто перестанет существовать. Останется только хаос!"

Ливермор обдумывал свое положение в течение нескольких минут. "Скажи своему хозяину, что я согласен с тем, что он говорит. Я не буду больше продавать сегодня. Более того, я начну агрессивно покупать дополнительные фонды после открытия рынка. Я понимаю серьезность положения".

"Спасибо, Джей Эл, я передам этот ответ самому".

Ливермор уже тщательно проанализировал ситуацию до

Глава 4.

того, как пришел его друг. Бойня в тот день была ужасной, и Ливермор чувствовал, что на бирже назревает оживление на базе технического отлива, в случае, если, конечно, не будет противоположных вторжений. Плюс, у него было несколько крупных коротких позиций, которые надо будет закрывать на ликвидном рынке, чтобы сохранить свои прибыли.

И, наконец, у него были альтруистические причины для того, чтобы согласиться. Дальнейшая игра на понижение серьезно повредит стране. Он был поражен, что у него в руках сосредоточена такая власть, мощь и навыки для того, чтобы действительно довести рынок до краха. Ему был 31 год.

На следующее утро Ливермор подпитал оживление, он купил еще 100 000 акций различных компаний, которые он вернул на рынок в тот же день, по мере того как люди вступали на рынок. Когда день подошел к концу, у него было 3 миллиона долларов - не бумажных прибылей, а холодной и твердой валюты.

"Вот это жизнь!" - подумал он. Три раза разориться до 30 лет, а в возрасте 31 года иметь возможность разрушить до основания Нью-Йоркскую фондовую биржу. Он внутренне улыбнулся. На один день он разделил власть с Дж.П.Морганом. У Morgana была власть, чтобы спасти рынок от разрушения, а у Ливермора была власть уничтожить его - и даже Морган не смог бы его остановить. Он прошел путь от того времени, когда его выкинули из всех брокерских контор до момента, когда самый влиятельный банкир Америки просит его отступить от Уолл-Стрит, прекратить наказание. Его репутация росла, и в течение одного дня у него в руках было финансовое благосостояние народа. Вот это да! Позднее он говорил своим сыновьям, что это было одним из самых важных событий в его жизни, когда Дж.П. Морган попросил его об одолжении во время краха 1907 года. Но Ливермору эта чистая власть не приносила удовлетворения. Удовлетворение, радость он черпал в том, что обыграл Уолл-Стрит. В конце концов, после тысячи операций и сотен часов изучения своих методов заключения сделок, он знал, что был прав. Большие деньги делаются на резких колебаниях. Высокие темпы сослужили ему хорошую

службу при получении ставки, но большие деньги рождались в больших колебаниях. Он мог поймать резкие колебания, только если он сохранял спокойствие и ждал, когда его ожидания оправдают себя.

Он верил, что за эти два дня он прошел путь от азартного трейдера до настоящего спекулянта, который смотрел вперед, оценивал общие условия и поступал расчетливо - сначала делая пробные шаги, и вступая в игру только тогда, когда он был убежден, что все факторы были в его пользу.

Мальчик-Игрок больше уже не был азартным игроком. По крайней мере, по собственному мнению, он уже был спекулянтом. С точки зрения других людей, он по-прежнему являлся ужасно азартным, потому что они видели только последние 10 минут трехактной пьесы - их не интересовали 1 и 2 акты, которые шли в атмосфере секретности. Они видели только результаты и хотели их скопировать.

Теперь у Ливермора был план, инвестиционная стратегия, которая, как он считал, работает, и он знал, что одним из основных, стержневых секретов успеха была тяжелая работа, состоящая в непрекращающемся анализе.

Теперь ему нужно было убедиться, было ли это счастливой случайностью или же действительно являлось началом серьезного подхода к заключению сделок на рынке. Но сначала ему требовался отдых. Он решил опять попробовать взять отпуск, расслабиться и отдохнуть. Он купил яхту и собирался направиться на юг. Он хотел порыбачить, это был его любимый вид спорта.

Но этому не суждено было сбыться, по крайней мере, не сейчас. Поскольку Ливермор играл на товарном рынке так же, как на рынке акций.

Ливермор вскоре был так же уверен в надвигающемся крахе товарного рынка, как он был в свое время уверен в крахе фондового рынка. Поэтому прежде, чем направиться в отпуск и насладиться своей новой яхтой, он провел пробные сделки и в конечном итоге оказался с короткими позициями на 10 миллионов бушелей пшеницы и 10 миллионов бушелей

Глава 4.

кукурузы. Пшеница повела себя так, как и должна была поступить - упала. Но кукуруза росла вопреки падающим ценам на товары. Вскоре Ливермор выяснил, почему: Артур Каттен, блестящий трейдер, занимался спекулятивной скупкой кукурузы.

В начале 1900-х спекулятивные скупки были обычным делом. Группа людей, пул, или, иногда, один влиятельный человек, определяли, какой была короткая позиция на товар или на акцию. Затем они начинали атаку и скупали все акции фонда или, в данном случае, все бушели кукурузы. Это ставило людей, у которых были короткие позиции, в ситуацию, когда у них не было акций для покупки, чтобы закрыть свои короткие позиции. Тогда эти люди соглашались на любые акции, какие им предлагали по любой предлагаемой цене. Когда происходил корнер, он происходил быстро. Корнеры погубили многих трейдеров, которые вступали в игру, чтобы закрыть свои короткие позиции, и просто-напросто обнаруживали, что на рынке в наличии ничего нет или что то, что есть в наличии на рынке можно купить только с большими потерями.

Артур Каттен родился в Гельфе, Онтарио, в 1870 году, за семь лет до Ливермора. Каттена позднее назовут Великим Быком, так же как Ливермора назовут Великим Медведем. Он был такого же телосложения, что и Ливермор - стройный, среднего роста. Но в отличие от Ливермора, который одевался по последней моде, Каттен носил простую одежду хорошего качества.

У Каттена в подростковом возрасте ушло пять лет усердного труда на семейной ферме, где он родился, чтобы скопить 50 долларов. Он взял эти 50 долларов и отправился в Чикаго. Там он получил работу клерка в "Э.С.Уайт и компания", с заработком 4 доллара в неделю. Каттен был экономным и считал каждую копейку - эта привычка осталась с ним на всю жизнь. Он был упорным, трудолюбивым и усердным. У него ушло еще пять лет, чтобы накопить 1000 долларов. Теперь ему было 25 лет. Но у него было больше 1000 долларов - у него

« Корнер - спекулятивная скупка акций.

также было пять лет серьезного опыта по операциям с товарами для "Уайта".

У них с Ливермором также были одинаковые кодексы молчания и секретности. Катген жил в Пиджн Руст, маленьком местечке рядом с дикими шерстными зерновыми отделами биржи Чикаго. Как только представлялся удобный случай, он внимательно изучал биржевых брокеров и действия покупателей в офисах на Уолл-Стрит. Он, подобно Ливермору, каждый вечер работал над листами со столбцами цифр, ища тренды, модели и методы выбора времени.

После пяти лет усердной работы на своего работодателя и на себя в свое свободное время, он зашел к Уайту и сказал: "Я хотел бы открыть у вас торговый счет".

"Для кого?" - спросил Уайт.

"Для себя", - ответил Катген.

"Ты умный молодой человек, Артур. Ты должен понимать, что человек со скромными доходами не может заключать сделок на товарном рынке. Это было бы абсурдно".

"Но, сэр..."

"Не беда, прими во внимание мой совет, а благодарить будешь потом. Мой совет: избегай товарного и фондового рынков. Это глупая игра, а как ты знаешь, дураки быстро расстаются с деньгами".

Катген про себя удивился, как же это дуракам удавалось изначально получить деньги, но он не собирался спорить с суровым Уайтом. "Да, сэр. Спасибо, сэр".

Во время обеденного перерыва он пошел в другую фирму и открыл счет на свою 1000 долларов наличными.

Через три месяца он зашел в офис Уайта. В руках он держал пиджак из альпаки. Уайт говорил по телефону и знаком пригласил Катгена присесть. Катген остался стоять и осторожно положил на стол Уайта свой пиджак из альпаки и форму.

Уайт повесил трубку и взглянул на лежащий перед ним пиджак. "В чем дело, Артур?"

Глава 4.

"Меня выбрали членом Чикагской Торговой Палаты, сэр".

"Артур, мы все занятые люди. Говори яснее".

"Я купил место на бирже".

"Как?"

"На деньги от моих торговых операций, сэр".

Уайт от изумления не нашелся что сказать. Наконец он заговорил. "Итак, ты уходишь?!"

"Да, сэр. И надеюсь, что до конца жизни мне не придется больше ни на кого работать".

Каттен закрыл дверь, оставив в кабинете потрясенного Уайта. Верный своему слову, Каттен никогда больше ни на кого не работал.

Двенадцать лет спустя, в 1907 году, Каттен стал легендой чикагских зерновых бирж. Скрытный, упорный, доверяющий только себе, он считался очень грозной силой. Они с Ливермором были близки по духу.

Каттен разузнал о положении Ливермора. Он зажал Ливермора, свою ровню, в тисках. У Ливермора была короткая позиция на 10 миллионов бушелей кукурузы. Каждые 10 центов, на которые Каттен поднимал цену, стоили Ливермору 1 миллион долларов. Он загнал Ливермора в угол.

Размышления о чудесном отдыхе во Флориде теперь отодвинулись надолго. Ливермор теперь работал в режиме выживания. С одной стороны, он видел, что цены на пшеницу снижаются, как он и предсказывал, так что по пшенице он был в прибыли. Но все это могло быть уничтожено - *его* могли уничтожить - если он не решит проблему с кукурузой. Ему нужна была стратегия, чтобы победить Каттена и выпутаться из паутины. Он знал, что Каттен осведомлен о его огромной короткой позиции и будет предпринимать все возможное, чтобы его уничтожить.

Той ночью, когда он лежал в постели, ему пришла в голову мысль, основанная на где-то услышанной им идее. Он решил действовать быстро. Ливермор знал, что корнер был искусственным; от фермеров кукуруза поступала в достаточном

количестве, поэтому не было реальных причин, по которым цена на кукурузу должна расти. Каттен играл с рынком. И именно он играл с финансовым положением Ливермора.

Первым делом Ливермор должен был закрыть короткую позицию на 10 миллионов бушелей пшеницы с хорошей прибылью. Это дало бы ему деньги, с помощью которых можно было проводить операции. Он слышал, что Каттен начал вести корнер на рынке овса вместе с рынком кукурузы. На рынке овса Каттен выступал против влиятельной в Чикаго семьи Арморов, пытаясь загнать их в угол. Ливермор убедился в этом настолько быстро, насколько это было возможно.

Затем Ливермор сделал свой основной ход. Он продал 50 000 бушелей овса на рынке, а затем еще 50 000, и еще, и еще - всего 200 000 бушелей. Цена овса значительно снизилась после этих продаж. Он рассчитал, что трейдеры поверят своим глазам и сделают вывод, что Арморы работают над тем, чтобы сломать корнер Каттена на рынке овса. Они также решат, что Арморы начнут разрушать, в том числе корнер по кукурузе.

Трейдеры повели себя так, как и предсказывал Ливермор. Когда они увидели, что цена на овес быстро падает, они ушли на рынок кукурузы, продавая свои позиции, пока цена еще высока. Ливермор же покупал. Он купил все, что попало ему на пути. Он закрыл свою короткую позицию на 6 миллионов бушелей в течение 10 минут и все остальные позиции до закрытия рынка в тот же день. Он также закрыл 200 000 бушелей овса до того, как рынок закрылся.

Его общие потери, с учетом прибыли по пшенице, составили 25 000 долларов. В течение ряда дней Каттен поднял цену кукурузы еще на 25 центов. Это стало бы потерей, по крайней мере, 2,5 миллионов долларов для Ливермора, если он не смог бы их закрыть.

Теперь он действительно был готов к отпуску!

Он также был готов к лучшему образу жизни. Он переехал в красиво обставленную квартиру на Риверсайд Драйв, дом 194. Он уже купил свою первую яхту, "*Аниту Венишиан*", и отправил ее в Палм-Бич. У него была хорошая компания.

Глава 4.

Джордж Джей Гоулд, наследник состояния Джея Гоулда, владел похожей яхтой, "*Атлантик*", 300-футовой начищенной стальной трехвинтовой яхтой; Дж.П.Морган путешествовал по свету на своей яхте "Корсар", самой большой яхте в мире.

"*Анита Венишиан*" была 202-футовой паровой шхунной

первоклассной конструкции. На нее были нанесены красный, белый и синий цвета Колумбийского яхт-клуба. Ливермор приобрел модный синий блейзер с медными пуговицами для того, чтобы носить его на яхте, а также черные фланелевые слаксы и капитанскую фуражку ручной работы. Он был капитаном-щеголем, готовым к веселью.

Ливермор отправился в Палм-Бич, чтобы там сесть на борт ждущей "*Аниты*". Он любил Палм-Бич и здешнее

общество. Он страстно любил рыбачить в водах у берегов Южной Флориды, ловя рыбу на блесну в глубоких темно-синих водах Гольфстрима, океанского течения, берущего начало у берегов Южной Америки.

Гольфстрим ближе всего подходит к берегу Флориды возле Палм-Бич, иногда подходя на расстояние трех миль от белых песчаных берегов богачей. Морская рыба, проплывающая огромные расстояния, путешествует внутри течения, используя его скорость в 3-4 узла, чтобы ускорить свое прибытие на север. Именно эта крупная рыба интересовала Ливермора, точно так же как на рынке его интересовали только крупные колебания. Гигантский тунец с голубыми плавниками; первоклассные чудовищные акулы, рыба-молот, рыба-тигр и акула-мако; идущая на нерест кочевая рыба; случайная марлинь; королевская макрель; и тарпон ниже в Ки Уэст - все это были хищные, опасные, непредсказуемые, сражающиеся насмерть кочевые рыбы великого Атлантического океана.

Он проводил время на борту "*Аниты*", нежась в теплых

лучах солнца Флориды, ловя рыбу и наслаждаясь жизнью.

Вечером он ужинал в знаменитых барах Палм-Бич, таких как "Палм-Бич Инн". Расположенный прямо на берегу, он состоял

из 425 залов. Он, бывало, съедал там что-нибудь изысканное и переходил в галерею, выходящую на океан, чтобы выкурить

сигару и выпить бренди, а также поболтать со своими приятелями с Уолл-Стрит.

Большую часть вечеров после ужина он шел на прогулку в знаменитый "Бич Клаб" или "Брэдлиз", как его иногда называли в честь его владельца, Эдварда Брэдли, знаменитого азартного игрока, чьи лошади впоследствии выиграют четыре дерби в Кентукки. Брэдли был тихим и скрытным, как Ливермор, но, в отличие от Ливермора, у него было весьма пестрое прошлое, которое уходило даже на Дикий Запад, где он был знаком с Малышом Билли и Уайаттом Эрпом. Он был вооруженным скаутом во время войн с апачами, и считалось, что он помогал при захвате Геронимо.

"Малыш Билли, бывало, занимал у меня денег, чтобы сделать ставку на бегах индейских пони", - рассказывал Брэдли Ливермору, посмеиваясь. - "А кто бы ему не дал? Он бы пристрелил первого, кто бы ему отказал". Ливермор любил рассказывать это своим сыновьям.

В Палм-Бич Брэдли заключил тайную сделку с Генри Флэглером, партнером Джона Рокфеллера по "Стандард Ойл" и верующим христианином. Флэглер построил железную дорогу Восточного Берега Флориды, которая со временем распростерлась по всей длине Флориды, вплоть до Ки Уэст. Флэглер также построил четыре основных гостиницы Палм-Бич. Его клиентура любила азартные игры, и он мечтал заключить сделку с Брэдли, чтобы его оставили в покое: "Бич Клаб" Брэдли, в конце концов, стал самым большим долгожителем среди всех незаконных казино в истории Соединенных Штатов.

"Брэдлиз" было простым, но элегантным казино. После 7 вечера самой неформальной формой мужской одежды были смокинги, и исключений не было. Белым галстукам и фракам отдавалось предпочтение, в игровом зале запрещалось курить. Еда была на уровне пяти звезд. Брэдли платил своему шеф-повару 25 000 долларов за сезон, это на рубеже веков были баснословные деньги. Его клиентура включала в себя элиту финансовых и политических кругов и мира развлечений США. Входная дверь была выкрашена в белый цвет с квадратной

Глава 4.

вставкой из матового стекла в центре, на котором было нанесено "Б.К." - сокращение от "Бич Клуб".

Они с Ливермором быстро стали приятелями, хотя оба были скрытными и не сразу открывали свои подлинные чувства. Они испытывали друг к другу взаимоуважение и восхищались друг другом. Ливермор любил играть в "Брэдлиз". Брэдли также был известен как "Брэдли - Ставлю-на-что-угодно". Даже так, он редко проигрывал.

Однажды он сказал Ливермору, что удача реально существует. Она идет рука об руку с усердной работой. Он сказал: "Человек либо работает, чтобы заработать себе на жизнь, либо играет в азартные игры с той же целью. На самом деле жизнь - это игра, но если человек выбирает игру, чтобы заработать себе на жизнь, то нужно с умом учиться и работать, по меньшей мере, в два раза усерднее, чем в любой другой профессии". Ливермор пересказал это своей жене Дороти.

Брэдли часто шел на прогулку с суммой более 100 000 долларов в кармане. Когда основные игроки хотели получить наличные после выигрыша, он подходил к ним, улыбался, поздравлял и отсчитывал тысячедолларовые банкноты по мере того, как крупье забирал их фишки. Основной проверкой для получения членства в клубе было одобрение самого Брэдли. Он проводил долгие собеседования с потенциальными членами клуба, и если они ему нравились, то он выяснял ответ на последний, наиболее важный вопрос: могут ли они оплатить свои счета, если проиграют?

Вооруженные сыщики, стоявшие на посту повсюду, защищали "Брэдлиз", оставаясь при этом незаметными. Игровой зал имел дверь-ловушку, установленную на случай, если на клуб нападут - столы можно было незаметно убрать из поля зрения. Охранник с ружьем охранял кассу. Охранник располагался у маленького окошка, из которого было видно весь игровой зал. Охранник был снайпером, проинструктированным застрелить любого, кто попытается ограбить клуб. Те же инструкции были даны и сыщикам. Поскольку "Брэдлиз" располагался на Палм-Бич, который, по сути, является островом, убежать было некуда.

Воры обходили "Брэдли" стороной, а сотрудники были очень скрытными; неосторожный разговор о клиентуре приводил к немедленному увольнению. У Брэдли в штате были свои шпионы, чтобы те информировали его обо всем.

Ливермор провел немало приятных вечеров в "Бич Клуб", играя в одну из трех имеющихся игр: кости, шемин-де-фер⁷ и рулетку. Ограничения в "Брэдли" были даже выше, чем

в казино в Монте-Карло.

Именно в один из таких вечеров в "Брэдли" он услышал новость о крахе одного из крупных игроков на рынке хлопка. Там был Эд Хаттон, и он сказал ему, как Перси Томас, Хлопковый Король, попытался провести корнер по хлопку, и был уничтожен. Он разорился на мартовском хлопке.

Рассказ о Томасе породил в Ливерморе интерес к хлопку. Возвращаясь в Нью-Йорк в своем личном железнодорожном вагоне, он изучал торговые бумаги. Стало ясно, что все играют на понижение по июльскому хлопку. По мере приближения июля, Ливермор начал покупать хлопок. Он знал, что остается мало времени для того, чтобы закрыть короткие позиции. Стоял май, и у него не возникло проблем при приобретении длинной позиции на 120 000 брикетов. Вскоре после его покупки рынок повернул вверх; но объемы были небольшие, а у Ливермора была крупная позиция, позицию, которую было сложно продать в столь ограниченных временных рамках.

Тогда Ливермор провел один из своих любимых торговых приемов: в последние 10 минут работы рынка в субботу, он вступил в игру и внес четыре отдельных заказа на покупку 5000 брикетов. Это привело к росту цены в Чикаго на 30 пунктов по закрытию рынка, Ливермор знал, что это будет способствовать росту рынка в Лондоне в понедельник, чтобы Уравняться с Нью-йоркским рынком. Он знал, что заключает сделку по линии наименьшего сопротивления, но он также помнил, что у него огромная неликвидная позиция.

⁷ Разновидность покера

Глава 4.

Его стратегия сработала, и Лондонский рынок хлопка открылся высокими показателями - только не на 30, а на 50 пунктов выше. Тем не менее, в понедельник торги в Чикаго шли интенсивно, но недостаточно интенсивно для того, чтобы Ливермор смог избавиться от своей крупной позиции. Он стал нервничать.

На следующее утро по дороге на работу он встретил друга, который показал ему передовицу "Нью-Йорк Уорлд". Заголовок гласил: "Джесси Ливермор загнал в угол июльский хлопок".

Ливермор всегда отрицал, что знает что-либо об этом, но рынок стремительно вырос, услышав эти новости. Воспользовавшись своей удачей, Ливермор продал свою позицию из 140 000 брикетов.

Это стало торговой маркой Ливермора: когда удача поворачивалась к нему лицом - случайное везение - он спешил воспользоваться ситуацией и уносил поскорее ноги, не ожидая от судьбы еще большей удачи. Это, конечно, особенно касалось крупных неликвидных позиций. Иногда их было трудно продать, не опустив предварительно рынок.

Ливермор заявлял, что не имеет никакого отношения к газетной статье. Как бы там ни было, он воспользовался представившейся возможностью.

На следующий день он встретил приятеля, одного из самых крупных игроков на рынке хлопка, который остановил его на улице. "Я ждал, когда ты попытаешься сбить эту крупную партию хлопка, которая у тебя была. Ее наверняка было трудно продать. Это один из самых чистых ходов, которые я когда-либо видел, Джей Эл. Прими мои поздравления".

"Я ничего общего не имею с этой историей. Совсем ничего", - сказал Ливермор.

"Не знаю, как ты заставил газету это напечатать. Все, что я могу сказать, это то, что я снимаю перед тобой шляпу. Я понял, что ты проводил манипуляции с лондонским рынком, но дополнить это еще и газетной статьей - это был действительно очень умный ход".

"Я же говорю, я ..."

"Джей Эл, я и не ожидал, что ты в этом признаешься. Разве не так?" - он подмигнул - "Было бы глупо признаться мне в этом, а ты ведь не глуп, не так ли?"

Он оставил Ливермора стоять на улице, а сам пошел дальше.

Репутация Ливермора продолжала расти - что-то было правдой, что-то - приукрашено, по мере того, как передавалось из уст в уста по всей Уолл-Стрит. Ливермор лишь качал головой и улыбался про себя, и продолжал двигаться дальше: тайно и молчаливо.

Он чувствовал себя великолепно, гордился своими свершениями. У него не было не малейших подозрений, что беда стоит прямо за углом, беда огромных размеров.

ГЛАВА 5

Хлопковый король

Единственный раз в жизни я действительно потерял деньги. Это случилось тогда, когда я нарушил свои собственные правила..

Джесси Ливермор своему сыну

Хлопковый король

ДЖЕССИ ЛИВЕРМОР ТЕПЕРЬ *БЫЛ БОГАТ И*
УСПЕШЕН. ОН МОГ удовлетворить любую свою прихоть. А

Ливермор любил красивых женщин. Газеты дошли до того, что заявляли, что он влюбился в знаменитую Лиллиан Рассел, подружку "Бриллиантового Джима" Брэди.

Рассел была известна как "первая красавица Америки". Женщина с классической внешностью, она родилась в 1861 году в Клинтоне, Айова. Ее настоящим именем было Хелен Луиза Леонард. Вместе со своей семьей она переехала в Нью-Йорк после Гражданской войны. Она брала уроки вокала, когда Тони Пастор услышал ее и нанял на работу, чтобы она появлялась в его казино. Позднее она появилась в труппе "МакКол Опера", в концертном зале "Вебер и Филдз", до того как она основала свою собственную труппу. На рубеже веков в Нью-Йорке она была событием. Она обожала ювелирные украшения и была общительной, ослепительной личностью. Неудивительно, что она влюбилась в Бриллиантового Джима.

Бриллиантовый Джим был таким же напыщенным и колоритным, как Расселл. Он начал карьеру как носильщик на вокзале, а затем стал продавцом, и в конечном итоге - поставщиком оборудования на все железные дороги Соединенных Штатов. Первым, что он продал, что составило его первое состояние, была колючая проволока. Человек с

Глава 5.

гигантским аппетитом, по мнению некоторых людей, умер от обжорства в 1917 году. Он украшал свое тело бриллиантами: булавками, запонками и кольцами. Даже в его брюки были вшиты бриллианты - в качестве пуговиц, поддерживающих его внушительные подтяжки. И он любил дарить бриллианты, особенно первой красавице Америки, Рассел.

Бриллиантовый Джим был легендой и как гурман. Писали, что он доходил до невероятных крайностей, чтобы удовлетворить свою тягу к удовольствиям. Предполагалось даже, что он заслал шпиона в кафе "Маргери" в Париже, чтобы тот украл рецепт знаменитой камбалы Маргери. Когда шпион вернулся в Нью-Йорк, успешно выполнив задание, Брэди устроил ужин в честь Виктора Герберта, композитора, и Маршалла Филда, короля универсамов, чтобы представить блюдо на их суд. Пока они ели, Бриллиантовый Джим воскликнул: "Полейте этим соусом хоть чертово турецкое полотенце и можно будет его есть!"

Ходили слухи, что Ливермор начал ухаживать за Рассел в 1907 году, сразу после того, как во время паники он заработал свой первый миллион. По общему мнению, он ужинал с ней по всему Нью-Йорку и украл ее у Бриллиантового Джима. Слухи получили официальное подтверждение, когда газеты сообщили, что они вместе отправились в круиз на Палм-Бич на борту *"Аниты Венишиан"*.

Но это не Ливермор ухаживал за Расселл - а его добрый друг, Александр Моор, который в то время был женат. Впоследствии Моор станет послом в Испании и останется другом Ливермора на всю жизнь. Богатый и привилегированный от рождения, Моор восхищался Ливермором, и уважал его, человека, своими руками сделавшего себя трейдером.

Ливермор внутренне улыбнулся, читая об их романе в *"Полис Газет"*. *"Газет"* обвиняла его в том, что он стал

причиной разрыва самой знаменитой пары в Нью-Йорке. Ливермор обожал свои маленькие секреты. Он, Моор и Расселл знали, что происходит на самом деле, и этого было достаточно.

У Ливермора было все. Именно в тридцать с небольшим

Хлопковый король

лет он стал легендой Уолл-Стрит. Сам Дж.П.Морган однажды попросил его прекратить играть на понижение рынка. Головокружительный рост для молодого трейдера, всего добившегося самостоятельно, у которого не было настоящего образования или родственников, которые обеспечивали бы ему социальное положение или же ставку, чтобы он мог начать свое дело.

Он продолжал жить в Палм-Бич в отеле "Брейкерз", в компании Расселл и своего элегантного друга Моора. В банке у него лежало 3 миллиона долларов. Жизнь была прекрасна. Что могло случиться?

Все трое наслаждались чудесным обедом в "Брейкерз", а затем взяли два педальных такси, знаменитых белых плетеных трехколесных такси Палм-Бич, приводимых в движение хорошо одетыми черными водителями, крутящими педали, до "Брэдли Бич Клуб", чтобы немного поиграть. Расселл и Моор направились прямо к рулетке, а Ливермор сел за шемин-де-фер. Через некоторое время он ушел из-за стола и присоединился к Эдварду Брэдли, владельцу клуба, чтобы выпить с ним по рюмочке в баре.

Перси Томас, Хлопковый Король, также присутствовал в баре, он в одиночестве сидел за соседним столиком. "Жаль Хлопкового Короля", - сказал Ливермор.

"Да. Он был одним из наших лучших клиентов", - добавил Брэдли. - "Он мне нравится и мы принимаем как должное то, что он не будет играть до тех, пока вновь не встанет на ноги. Но мы всегда рады, когда он заходит пообедать или что-нибудь выпить".

Разговор ушел в другое русло. Брэдли закончил пить свою газировку - единственное, что он когда-либо пил - и вышел из-за стола. Томас подошел к Ливермору и спросил: "Мржно я составлю вам компанию, господин Ливермор?"

"Конечно, и зовите меня Джей Эл", - ответил Ливермор и кивком пригласил его присесть на свободный стул.

Томас был уравновешенным, культурным,

Глава 5.

эрудированным и привлекательным. Он обладал природным даром - способностью говорить на любые темы. Они говорили о музыке. Ливермор любил классическую музыку и легкую оперу. Это было одной из причин, почему ему нравилась Расселл. Они с Моором ходили на многие ее спектакли.

В конце концов, Томас подошел к непосредственной цели своего визита. "Джей Эл, у меня есть некоторые задумки, и я хотел бы перейти прямо к делу".

"Конечно, пожалуйста", - сказал Ливермор.

"Давайте станем партнерами на рынке хлопка".

"Я польщен. Если бы я готов был стать кому-то партнером, то, возможно, это были бы именно вы. Но я уверен, что вы знаете, что я играю один. Всегда играл и всегда буду. Я знаю, что вас считают всемирным экспертом на рынке хлопка, и я всегда восхищался Вашей игрой на рынке. Но я играю один. Это одно из моих правил".

"Послушайте, молодой человек. Я никогда не встречал такого трейдера, как вы. То, как вы выбрались из расставленной Каттенем ловушки - корнера на рынке кукурузы, было действительно потрясающе. Каттен был уверен в своей победе. И откуда вы знали, что те ребята в Чикаго купятся на эту игру по овсу, когда казалось, что покупателями являются Арморы? Мастерская игра, здорово!"

"Немного удачи и хороший расчет, вот и все".

"Скорее прилив вдохновения, а размещение этой статьи в
"Уорлд" - Ливермор загоняет в угол рынок хлопка.
Просто

блестяще, мой мальчик, просто блестяще!"

"Я не размещал эту статью. Я был удивлен не меньше остальных. Именно поэтому мне нравится играть одному. Я не люблю кому-либо объяснять мои ходы и я не утруждаю себя объяснениями и жалобами в случае ошибки. Просто я не хочу работать с кем-то, кому мне придется объяснять свои действия".

"Я понимаю и уважаю то, что вы говорите, Джей Эл". - Он сделал паузу. - "Вы знаете, что я вылетел на мартовском хлопке, получил пинок под зад и я пришел к вам в минуту слабости".

Хлопковый король

"Я сам полностью разорился несколько раз и всегда вновь поднимался. Вы тоже поднимитесь". Ливермор принес с собой чековую книжку. Он сунул руку в карман и достал ее вместе с ручкой. "Для меня будет честью оказать вам финансовую помощь. Просто назовите сумму".

"Нет, сэр, благодарю вас, но не это было моей целью. Я проиграл потому, что у меня нет вашего опыта заключения сделок, вы чувствуете рынок, умеете правильно выбирать время. И именно поэтому я хочу, чтобы вы стали моим партнером".

"Мое решение остается непоколебимым. Я работаю один".

Возникла долгая пауза, во время которой Хлопковый Король изучал молодого Джесси Ливермора в его черном шелковом смокинге. Он улыбнулся молодому человеку. "Но ведь у нас нет причин, чтобы не остаться друзьями, не так ли?"

"Конечно, нет. Давайте пообедаем завтра в "Брейкерз". Я представлю вас своим друзьям".

Вечером следующего дня они вместе пообедали. Они наслаждались компанией друг друга в баре "Брейкерз", на пляже, в танцевальном зале, слушая оркестр. В конце концов, они стали неразлучными друзьями. Хлопковый Король и Мальчик-Игрок представляли собой то еще зрелище. Если к ним присоединялись еще Расселл и Моор, то куда бы они не пришли, везде, подобно мягкому тропическому бризу, начинались перешептывания.

Томас уделял особое внимание обучению Ливермора работе на рынке хлопка - поведал ему всю историю хлопка в Америке, включая происхождение всемирного спроса на хлопок, где взять хлопок для удовлетворения постоянно растущего спроса на него. Он рассказал Ливермору о новых посадках египетского хлопка и размышлял на тему, сработает ли это и какое влияние это окажет на всемирную торговлю. Это был полный и подробный продвинутый университетский курс по хлопку, прочитанный самым умным, наиболее известным экспертом в этой области.

Глава 5.

Ливермор слушал. Его блестящий ум впитывал каждую деталь, но была одна проблема. Он не всегда соглашался со своим ученым другом, потому что его подход к предмету был иным. Он смотрел только на рынок в действии - рыночные факты - а не на основы производства хлопка. Его не интересовало, почему что-то происходит на рынке, его волновало только то, что происходит каждый день, когда открывается рынок. Ему было интересно только то, что ему скажет телеграфная лента - текущие факты, цена.

Ливермор также верил в то, что рынок не оперирует текущей информацией - он уже знает все о настоящем моменте и действует исходя из будущего, из факторов, неизвестных в этот момент даже экспертам. Рынок смешивал будущее с настоящим. И он не верил в то, что рынок действует исходя из каких-то фундаментальных логических оснований. Он верил в то, что рынок в большинстве случаев функционирует на основе эмоций; рассудочное начало *не* превалирует.

Ливермор боролся с простой мыслью: Хлопковый Король разорился. Как он мог разориться, если он так много знает? Ливермор тоже разорялся; но различие было в том, что он не думал, что знает все. Наблюдая, он заметил, что рынок всегда делает то, что хочет, а не то, что от него ожидают. И рынок не дает никаких немедленных комментариев. Но Ливермор по-прежнему внимательно слушал, надеясь, что он чему-то научится.

Ливермор всегда проводил операции на рынке тайно и в одиночку. Он разработал правила ведения операций, которые дорого ему обошлись, законы Ливермора для заключения сделок на рынке. Но человек - не робот, который всегда может контролировать свои эмоции, сокровенные стимулы, надежды и страхи.

Несмотря на все принципы, не прошло много времени, как Ливермор оказался под влиянием чар Хлопкового Короля. Томас был уверен во всем том, о чем говорил, а на любимые темы он говорил страстно. Он убедил Ливермора в своей честности и искренности, когда отверг деньги, предложенные

Хлопковый король

ему Ливермором, для того, чтобы Томас снова смог стать на ноги.

Факты, которые он сообщал о рынке хлопка, были неопровержимы и логичны. Ливермор, с другой стороны, не владел логикой поведения товарных рынков. Ливермор был спекулянтом с 16-летним опытом работы. Хлопок был знаком ему не больше стали, угля, кукурузы, овса, пшеницы или любого другого товара. Но он знал, как работает и реагирует рынок.

Когда Ливермор проверил некоторые факты, о которых говорил Томас на примере реальных колебаний на рынке, он обнаружил, что Король часто был прав в своих предсказаниях. Он начал думать: "Возможно, я что-то упускаю при заключении сделок. Возможно, есть более совершенные способы анализа колебаний рынка".

Помимо этого, у Томаса были частные способы получения информации. У него были тысячи шпионов по всему Югу, которые сообщали ему о состоянии урожая. Эти факты были показаны Ливермору. Выводы казались очевидными: основываясь на этой секретной информации, связанной с ожидаемыми спросом и предложением было ясно, как вести себя на фьючерсном рынке, идти вверх или вниз. Каждый хороший юрист, философ, продавец или лжец знает, что для того, чтобы кого-то убедить, нужно заставить человека принять основы - и тогда у него не будет другого выбора, кроме как согласиться с неоспоримыми выводами. Как только Ливермор поверит в правдивость секретных фактов, которыми Томас снабжал его с помощью секретных отчетов, ему придется делать те же выводы, что делает Томас.

Этот эпизод стал одним из самых больших уроков в жизни Ливермора. Это объясняет, почему после этого он никогда ни с кем не говорил о том, что он делает, и почему он просил людей держать при себе рассказы о своих операциях и свои подсказки.

В то же время он близко сошелся с Барнардом Барухом, который испытал нечто подобное. Барух прокомментировал это так: "Если ты что-то знаешь об активе, с которым я работаю,

Глава 5.

что-то очень-очень важное, пожалуйста, оставь это при себе. Не говори мне". - Он добавил эту цитату к урокам по рынку для своих сыновей.

Когда Ливермор впервые познакомился с Томасом, он играл на понижение хлопка, и у него была маленькая короткая позиция. После общения с Томасом в течение месяца, он изменил свое мнение. Конечно, Ливермор часто менял свое мнение относительно своих биржевых позиций, пользуясь дедуктивными умозаключениями: "Если я ошибаюсь, полагая, что актив растет и играю на его повышение, ну что ж, тогда, должно быть, я буду прав, если я сыграю на его понижение, поскольку история научила меня тому, что если актив не растет, то, вероятно, он снизится".

Он вступил в игру. Он купил партию в 60 000 брикетов. Поскольку он нарушил одно из первых правил о принятии во внимание советов, участия в чужих играх, он затем продолжил в том же духе и нарушил еще несколько.

Хлопок двинулся на него, а он, против своих собственных правил, покупал еще, несмотря на снижение курса, вместо того, чтобы продать или, возможно, аннулировать свою позицию. У него также была крупная партия пшеницы, где он был в прибыли. Он продолжал покупать хлопок, до тех пор, пока не набрал 150 000 брикетов.

Затем он нарушил еще одно правило. Он вышел за пределы своей маржи, продал свою прибыльную позицию по пшенице и сохранил убыточную позицию по хлопку. Всегда продавай убыточный актив, оставляя себе прибыльный; он знал это правило, но не последовал ему. Как только он продал свою позицию, пшеница пошла вверх на 20 центов - потенциальная прибыль в 8 миллионов долларов и факт, еще больше опровергавший его суждение. Его суждение рассыпалось на глазах, и вскоре его уверенность тоже пошатнулась. Ошибок становилось все больше.

Он купил еще больше хлопка, полагая, что он достиг нижней точки, но это было не так. На его счету было 440 000 брикетов, когда рассвело, и он увидел, какой он глупец. Он

Хлопковый король

продал свою позицию. Он потерял свои миллионы. Из 3 миллионов у него осталось меньше 300 000, ошеломляющая потеря 2,7 миллионов долларов.

Хлопковый Король подчинил себе его и его логику, и он горько за это поплатился.

Ливермор понимал, что Томас лично не получил от этого прибыли. Его притягательность как личности была столь убедительна, что он силой мысли подавлял Ливермора, когда давал свое толкование рынка хлопка. На этот раз Томас стал катализатором краха Ливермора.

Но Ливермор не держал на Томаса зла. Он посчитал это еще одним полученным уроком. Он стал получать советы в другой форме, урок, очевидно, не был достаточно хорошо усвоен с первого раза. Потом Томас давал советы, которые Ливермор называл причесанными советами, потому что они были очень хорошо обдуманны, хорошо преподнесены и имели под собой добрые намерения; и лично Томас не получал прибыли от своей информации - все это было очень, очень соблазнительно. Конечно, если забыть, что цена урока составляла 3 миллиона долларов.

Ливермор был миллионером меньше года. Он был вынужден продать *"Аниту Венишиан"* и квартиру на Риверсайд

Драйв вместе с обстановкой. Почему он последовал совету Томаса, который, как всем известно, разорился на мартовском хлопке? Был ли Ливермор просто бликом света на сковороде, как многие другие ребята с Уолл-Стрит, которые делали умопомрачительный рывок, а затем также головокружительно падали? Люди, бороздящие каньоны Уолл-Стрит, удивлялись тому, что произошло с Мальчиком-Игроком: "Что случилось с Великим Трейдером?"

Теперь Ливермору нужны были деньги, чтобы восстановить прежнее положение, и они были нужны срочно. Эмоции, охватившие его из-за этого проигрыша, заставили его совершить еще одну ошибку, нарушить еще одно правило. Совершенно против всякой логики он хотел, чтобы рынок возместил ему его потери. Итак, он вернулся на рынок с

Глава 5.

желанием отомстить, но его способности заключать сделки были уже не те. Он был эмоционально разрушен. Вместо того, чтобы возвращаться на рынок, ему следовало уехать, чтобы восстановить эмоциональное равновесие. Но убежденный в том, что он великий трейдер, кем он являлся по всеобщему мнению, он вновь вернулся на рынок, потеряв последнее из того, что осталось от его ставки. Тогда он стал проводить операции в кредит и залез в долги людям, которые его поддерживали.

В конце концов, месяцы спустя, он все это подсчитал. Он был должен своим брокерам и кредиторам больше 1 миллиона долларов. Он потерял 3 миллиона долларов и еще миллион в придачу. "Ну и делец", - думал он про себя. "Вот это делец, хуже некуда".

Он был эмоционально искалечен, подавлен. Таким он стоял на путях в ожидании поезда в Чикаго. Он снова был разорен. Он планировал поехать в Чикаго в поисках брокерских контор, или чтобы выяснить, возможно ли заработать себе на жизнь в зерновых отделах биржи. Он был смущен и противен сам себе. Единственным, в чем он мог быть уверен, было то, что ему необходимо уехать из Нью-Йорка, что он и сделал.

В Чикаго Ливермор пережил глубокий эмоциональный срыв и сильную депрессию. Он изучал свой журнал сделок и впадал все в больший и больший ступор. Его последние операции после фиаско с хлопком были ошибочны, почти так же как у любого другого трейдера. Он заключал сделки неистово как азартный игрок, даже хуже, чем в юности. Его уверенность исчезла; он не мог восстановить душевное равновесие. Только за год до этого в своей брокерской конторе он мог легко заключать сделки по линии в 100 000 акций и больше, акциями на 10 миллионов долларов. Сейчас ему очень повезет, если он будет иметь дело с сотнями. Попад под влияние других трейдеров, он отступился от своих собственных методов заключения сделок, и был настолько выбит из колеи этими сокрушительными проигрышами, что его суждения сейчас не стоили и гроша. Хуже всего было то, что его дерзкая уверенность испарилась, уверенность в себе, которая нужна была ему, чтобы выжить. У него не было прежнего отношения:

Хлопковый король

"У меня получалось зарабатывать деньги прежде, получится и сейчас".

После нескольких месяцев отчаяния, Ливермор, в конце концов, набрался смелости, чтобы проанализировать свое поведение и попытаться определить, что именно он сделал неправильно. В конечном итоге ему пришлось противостоять человеческому фактору собственной личности, своим эмоциям и чувствам, которые он отрицал всю свою жизнь. Он знал техническую сторону рынка, но не знал своих эмоций. Почему он отбросил свои рыночные принципы, свои теории заключения сделок, с таким трудом доставшиеся ему законы на ветер? Его неистовое поведение разрушило его финансовую и духовную жизнь. Почему он так поступил?

В конце концов, он понял, что это было его тщеславие, его эго. Тот день, когда он держал судьбу рынка в своих руках, когда великий Дж.П.Морган попросил его прекратить играть на понижение рынка, оказался для него слишком большим испытанием. Этот выдающийся успех, когда он заработал больше 1 миллиона долларов за один день, потряс его до глубины души. Не то, чтобы он не мог пережить провал - он переживал провалы всю свою жизнь - он не смог справиться с успехом.

Теперь он осознал, что с успехом так же тяжело справиться, как и с *провалом*. И то, и другое может разрушить

человека. В Чикаго он получил небольшую ставку, занятую у знакомого брокера, который знал о способности Ливермора наращивать комиссии и благосостояние.

Но его беды на этом не закончились.

Много лет спустя Ливермор вспомнит эту историю в разговоре с Эдом Брэдли, поздно вечером в баре в "Бич Клуб", после того как Брэдли спросит его, каким был самый неприятный случай, когда-либо пережитый им в начале его работы на Уолл-Стрит: позднее он повторит то же самое своему сыну Полу.

"Вскоре после того, как я приехал в Чикаго, месяца через три, я получил телеграмму с предложением вернуться в Нью-Йорк. Она была от моего друга, назовем его Фред,

Глава 5.

управляющего большим брокерским домом. Я позвонил Фреду, и он сказал мне: "Джей Эл, тебе стоит вернуться в Нью-Йорк. Тут кое-кто хочет с тобой поговорить".

"Я сел на первый же поезд до Нью-Йорка и получил самый невероятный опыт в своей жизни. Тот, о котором я буду жалеть всю свою жизнь. Когда я приехал в брокерский дом в Нью-Йорке, меня тут же отвели к Фреду, чтобы я встретился с владельцем дома, преуспевающим и известным человеком, назовем его Чарльз.

"После того, как нас представили друг другу, Фред под благовидным предлогом удалился. Владелец конторы перешел прямо к делу. "Ливермор, мне очень жаль, что вам пришлось пережить такие неприятности на рынке хлопка. Я знаю, что вы прислушивались к советам Хлопкового Короля, и он выбил вас из игры. Перси действует с добрыми намерениями. Он мог бы продать лед эскимосам. Он очень убедителен. Он ничего не может с собой поделать. Он мог бы стать великим политиком. Вы не первый и не единственный, кто последовал вниз по наклонной вслед за Хлопковым Королем. Я знаю историю ваших сделок. Я знаю о панике 1907 года, и как вы повели себя, когда Морган передал вам свою просьбу. Эта история прогремела на всю Уолл-Стрит. Короче говоря, я хочу вас поддержать". Он сунул руку в карман, достал чековую книжку и выписал чек на двадцать пять тысяч долларов. "Вот, возьмите. Это поможет вам начать все с начала".

"Я посмотрел на чек, а затем вновь на человека, вручившего его мне, и спросил: "А в чем Ваш интерес?"

"Мой интерес в том, что я хочу, чтобы вы проводили все свои операции здесь, и больше нигде", - сказал он.

"Что, если я проиграю?" - спросил я.

"Я дам вам еще. Вы выиграете, а я буду вас поддерживать, пока вы не выиграете", - сказал он мне.

"Я чего-то не понимаю", - сказал я.

"Ну что ж, я и не ожидал, что вы поймете. Я говорю с вами и поддерживаю вас не потому, что вы глупый. Вы очень

Хлопковый король

скрытный и молчаливый трейдер, мой тип трейдера, никто не знает сколько у вас осталось денег, или кто вас поддерживает", - сказал он.

"Вы хотите получить долю прибыли за ставку?" - спросил я.

"Нет, я четко скажу вам, чего я хочу. У меня есть несколько крупных инвесторов, которые в действительности ведут дела фирмы, и я не хочу, чтобы люди знали, что они делают. Если вы будете у нас в конторе, никто не будет знать, кто проводит операции. Вы достаточно знамениты, чтобы проводить операции с крупными партиями, а также для того, чтобы заключать сделки на понижение, для продаж без покрытия".

"У меня возникли подозрения. Итак, я буду прикрытием для любых крупных операций, которые идут из этой фирмы, особенно продаж".

"Да, совершенно верно", - сказал он.

"Это также дает возможность вашим клиентам продавать большие партии акций на рынке так, чтобы это оставалось незамеченным", - сказал я.

"Да, но это не будет мешать тому, что будете делать вы, и все это абсолютно законно. Пусть они думают, что хотят", - сказал он.

"Я отчаянно хотел вернуться к делам, так что я взял чек и начал заключать сделки. У меня все получилось. Это был здоровый бычий рынок, и в течение трех недель двадцать пять тысяч выросли до ста пятидесяти. И тогда я сделал первую крупную ошибку. Я пошел к Чарльзу, владельцу брокерского дома, и сказал: "Вот двадцать пять тысяч, которые я у вас занял".

"Оставьте их, Ливермор, подождите, пока у вас на счету появятся настоящие деньги, а затем вернете мне долг", - был ответ.

"Мне это показалось разумным. Он получал хорошие комиссионные. Я продолжал работать еще в течение нескольких недель. Мне нравился Чарльз, мой благодетель, который

Глава 5.

проявил готовность помочь мне, когда никто другой мне не помог. Я чувствовал себя морально обязанным этому человеку. И что более важно, мое душевное состояние улучшалось, депрессия отступила. Ко мне возвращалось присутствие духа. Я снова становился самим собой, и я зарабатывал деньги".

"Затем я стал играть на понижение и продал десять тысяч акций "Чесапик" и "Атлантик рейлроуд" без покрытия. Я был обескуражен, когда на следующий день меня вызвали в офис Чарльза и он сказал мне: "Джей Эл, я отменил твой вчерашний заказ на продажу десяти тысяч акций и купил тебе длинную позицию".

"Но, по моему ощущению, мы входим в область снижающегося рынка", - сказал я.

"Нет, мой мальчик, президент этой железной дороги - мой шурин, и женат он на моей любимой сестре. Я знаю некоторые вещи, о которых не могу тебе рассказать. Цена поднимется", - сказал он.

"Акции упали, как я и предсказывал, и мои прибыли были уничтожены. Чарльз подошел ко мне: "Не волнуйся, Джей Эл. Я помогу тебе все вернуть. Возможно, на это уйдет какое-то время, но акция обязательно поднимется".

"И после того, как он мне это сказал, немного погодя, он вернулся с упаковкой кредитных бланков, которые возвращали мой баланс на кредитную сторону. Он сказал: "Кстати, я только что купил тебе десять тысяч акций "Саутерн Атлантик", и положил их на твой счет".

"Это что, еще одна железная дорога, контролируемая вашим шурином?" - спросил я.

"Да, и с большими перспективами роста", - ответил он.

"Акции "Саутерн Атлантик" упали и мой контракт был ликвидирован в течение нескольких ближайших дней, еще одна потеря. И снова я услышал: "Не беспокойся, Джей Эл, все будет хорошо".

"Я заработал достаточно, чтобы выжить, но не достаточно, чтобы выплатить мою значительную предыдущую

Хлопковый король

задолженность более чем в миллион долларов.

"В конце концов, я вычислил, что на самом деле происходило. Мой благодетель, Чарльз, владелец брокерского дома, занимался ликвидацией имущества своего шурина. Его шурин был одним из самых зажиточных людей в Америке. Всем было известно, что он неизлечимо болен, а теперь после долгих лет болезни, находится при смерти.

"Я решил поговорить с Фредом, человеком, который послал мне телеграмму в Чикаго, управляющим фирмы. Однажды вечером мы с ним выпили и я рассказал ему, что я вычислил. Я сказал: "Я думаю, меня использовали просто для контраста, как отвлекающий маневр, чтобы прикрыть ликвидацию имущества шурина Чарльза. Так чтобы никто на Уолл-Стрит не знал и не подозревал, что действительно происходит, пока ликвидируется это обширное имущество, а, следовательно, в цене фондов этого имущества не будет серьезных потерь, особенно в железнодорожных акциях".

"Управляющий посмотрел на меня и сказал: "Да, я полагаю, это правда, и теперь, когда фактически все имущество обналичено, я могу сказать тебе об этом".

"Значит, деньги, которые я получил и потери, которые я понес, были пустячными по сравнению с тем, с чем мы здесь имеем дело?" - спросил я.

"Да", - сказал он.

"Значит, я прав. Я был приманкой, козлом отпущения, который препятствовал тому, чтобы все на Уолл-Стрит узнали, что происходит на самом деле", - сказал я.

"Это лишь малая часть", - сказал он.

"Что ты имеешь в виду - "малая часть"? Что еще это могло быть?" - спросил я.

"Босс знал, что мы войдем в область медвежьего рынка, рано или поздно. Он знал, что ты великий трейдер. Он видел, что ты здесь делал в первые три недели, до того как он начал распоряжаться твоим счетом вместо тебя. Да, правда, для него было выгодно держать тебя здесь, как дымовую завесу, чтобы

Глава 5.

было не видно, что на самом деле происходит. Эта часть правдива, но основной причиной было то, что он хотел, чтобы ты был под этой крышей, пока они производят ликвидацию", - объяснил он мне.

"Что ты имеешь в виду? Я по-прежнему ничего не понимаю", - сказал я.

"Послушай, Джей Эл, когда ты действительно встанешь на ноги - а ты встанешь, рано или поздно - никто не сомневается, что ты будешь оперировать линией, по меньшей мере, из двух или трех сотен тысяч акций. Ты бы обнаружил, что по тем железнодорожным акциям, которые взяты из имущества шурина Чарльза, идет широкомасштабная распродажа. Ты бы к этому прицепился и снизил цену этих фондов до предела, снижая и снижая котировки при помощи одной из классических медвежьих схем продаж, которыми ты знаменит, и Чарльз это знает", - сказал он.

"Я был поражен. Поскольку я потерял уверенность в себе, я не искал более глубоких, темных и умных мотивов, как я обычно это делаю. Я видел только поверхностное поведение, а не то, что за ним стояло. Я никогда не рассматривал тот факт, что если держать меня привязанным к клетке, я не буду одним из факторов, которые могли бы разрушить одну из самых больших распродаж акций за всю историю. Имущество сестры Чарльза, когда сделка была завершена, оценивалось больше чем в двести пятьдесят миллионов долларов".

"Я был потрясен. Я действовал, ведомый благодарностью к человеку, который, по моему мнению, поддержал меня, помог мне, и снова, как и в случае с Хлопковым Королем, я невольно оказался оружием в руках другого человека. Умнейший человек, блестящий человек, человек, который умел находить Ахиллесову пяту людей и использовать ее с выгодой для себя".

"Какой удар! Мой благодетель был больше уверен в моих способностях заключать сделки, чем я сам!"

"Но я не сердился на Чарльза. Он действовал, исходя из своих соображений. Его сестра была единственной наследницей имущества, и он чувствовал себя обязанным получить для нее как можно больше денег. Я был просто пешкой в игре более

Хлопковый король

хитрого человека. Но что действительно волновало и расстраивало меня, так это то, что я упустил свой шанс при хорошей обстановке на рынке, где я мог бы возместить себе все свои убытки. Вместо этого я по-прежнему был по уши в долгах. Меня использовали, но я позволил себя использовать, потому что не следовал одному из своих собственных правил - заключать сделки в одиночку и только с помощью своего собственного счета.

"В тот вечер я убрался на своем столе, а затем пошел в офис Чарльза и самым спокойным голосом сказал: "Я больше не буду заключать у вас сделки!"

"Чарльз посмотрел мне в глаза и кивнул, выражение его лица не изменилось. Он знал, что я просчитал его игру. Когда я повернулся и направился к выходу, Чарльз сказал: "Мы будем по тебе скучать, Джей Эл".

"Это уж точно, Чарльз, это уж точно," - сказал я, закрывая за собой дверь.

"Сначала Перси, Хлопковый Король, а теперь Чарльз, мой мнимый благодетель. Когда же я, наконец, выучу урок?"

Ливермор выпил свой коктейль и заказал новый. Он посмотрел в глаза Эду Брэдли, одному из самых знаменитых игроков, когда-либо живших на земле, и улыбнулся: "Теперь твоя очередь, Эд. Ты услышал мою печальную историю. Расскажи мне свою".

Оба эти человека были знамениты своей молчаливой и тайной жизнью, но обоим было легко друг с другом.

"Хорошо, Джей Эл. Я расскажу тебе свою историю.

"Ты знаешь, я люблю лошадей, Джей Эл. Они - моя настоящая страсть. Не знаю, почему. Я полюбил лошадей, когда я поехал на запад, чтобы вылечиться от легкой формы туберкулеза. Я связался с теми необузданными и волосатыми ребятами, которые в те дни бродили по Западу, и стал скаутом в армии США. Бывало, я при любой возможности по крупному играл на бегах индейских пони, а затем я действительно стал владельцем ипподромов в Новом Орлеане и Флориде. Но любил

Глава 5.

я лошадей. На самом деле людской компании я предпочитаю лошадей, за исключением компании здесь присутствующих, Джей Эл. Я испытываю глубочайшее волнение, когда нахожусь на своей ферме в Кентукки: наблюдая за тем, как рождаются жеребята, и как у них проявляются семейные черты".

"Одним из моих первых великих кандидатов на участие в Дерби в Кентукки был Блу Ларкспер. Ты знаешь, я суверен, Джей Эл, думаю, как и все игроки. Имена всех моих лошадей начинаются с "Б" - в честь моего первого великого скакуна — Бэд Ньюс, поскольку дурные вести, как известно, на крыльях летят! Но Блу Ларкспер выиграл шесть из семи бегов, когда ему было два года, и он являлся верным выигрышным фаворитом на дерби. Я поставил сто двадцать пять тысяч на его победу. Затем, перед бегами, в Черчил Донз пошли дожди. Дождь не прекращался часами. Я поговорил с тренером, и мы решили перековать Блу Ларкспера в специальные подковы для грязи".

"Начались бега. Ворота распахнулись и Блу Ларкспер потерял подкову прямо за линией старта. Он поскользнулся и проехал почти по всему треку, почти упал, мог даже сломать ногу. В конце концов, он нашел опору и финишировал четвертым из двадцати одного".

"После бегов я пошел осмотреть коня и обнаружил, что ему не заменили подковы. У кузнеца были счеты с тренером, они не поделили какую-то женщину. Когда тренер велел кузнецу поменять подковы, тот сказал, что сделает это, но вместо этого он ускользнул через заднюю дверь Черчил Донз. Он мог убить Блу Ларкспера".

"Никогда не знаешь, что у людей на уме!" - Ливермор размышлял над историей, рассказанной ему Брэдли. В конце концов, он спросил старого Индейского Скаута: "Эд, что случилось с кузнецом?"

"А вот теперь, Джей Эл, вступают в силу ограничения на то, что я хочу рассказать, и эту историю никто никогда не услышит".

« Бэд Ньюс (Bad News (англ.) «дурные вести») - употребляется в пословице «Плохая молва на крыльях летит».

Хлопковый король

К 1910 году Ливер мор вернулся в Нью-Йорк с очень маленькой ставкой. Силы оставили долго державшийся бычий рынок, всех на Уолл-Стрит охватила апатия. Деятельность замерла, а рынок менялся по труднопредсказуемой раскачивающейся модели.

Ливермор переходил из одного брокерского дома в другой в течение следующих четырех лет. Он мог получить кредитные линии в различных домах, но дела не шли. По-прежнему озлобленный и обиженный, он не мог заключать сделки с холодной головой и сильно страдал от этой постоянной депрессии. Он просто не мог восстановить душевное равновесие.

Он также нес на себе тягостный покров должника. В глубине души он был выходцем из Новой Англии. Мальчиком его учили: "Никогда не бери и не давай в долг". Он ненавидел быть должником. На его плечах тяжелым грузом лежало чувство вины. Он считал, что люди должны возвращать свои долги, а у него было много долгов перед друзьями - друзьями, которых он каждый день видел на Уолл-Стрит. В его голове начала зарождаться мысль о самоубийстве, и он продолжал впадать в кажущуюся бездонной депрессию.

Наконец он осознал, что может либо сдаться и покончить со всем этим, либо проанализировать свою проблему. Он выбрал последнее.

Проблема, насколько он понимал, была в деньгах - или в их отсутствии.

Ливермор построил многомиллионное состояние из нескольких долларов, которые дала ему мать. Что же мешает ему сделать то же самое снова? Чарльз считал, что Ливермор на это способен - именно поэтому он загнал Ливермора в загон, когда избавлялся от состояния своего шурина. Ливермор сделал вывод, что он уже не тот трейдер, каким был когда-то. Его мозг не работал так, как нужно, со всеми этими черными мыслями о долге и провале.

Рынок был невиноват. Не важно, что делает рынок, он знал, что всегда можно найти ситуации, на которых можно

Глава 5.

сделать деньги. Это было в природе рынка, никогда не оставаться неподвижным. Всегда есть возможности.

Так в чем же проблема? Почему так плохи его рассуждения? Он все время подавлен, потому что задолжал деньги, и в основном друзьям. Он знал, что у него никогда не получится снова успешно заключать сделки, если он не сбросит это темное тяжелое бремя долга со своих плечей.

Он решил объявить себя банкротом. Ему нужно было освободить голову от черных мыслей, сопутствующих долгу. Чтобы заключать сделки и вернуться в дело, ему нужно было иметь ясную голову. Нужно было начать все заново.

Он посетил каждого из своих кредиторов, прежде чем пошел к юристу, чтобы заявить о своем банкротстве. Он обещал вернуть им деньги.

Они улыбались и жали ему руку: "Мы знаем, ты поступишь с нами честно, Джей Эл", - сказали они ему. Они, также как и Чарльз, верили в него больше, чем он сам. "Мы не сомневаемся, что ты снова встанешь на ноги. Не ты первый, не ты последний, кого нивелировал Уолл-Стрит. Возьми себя в руки. Мы будем ждать, когда ты снова начнешь заключать сделки из нашего офиса".

"Я верну все, что должен, каждый цент".

"Мы знаем, что вернешь".

"Да, сэр, верну".

"Хорошо, а теперь вот что", - говорили многие из них.

"Что?" - спрашивал Ливермор.

"Мы не будем включать твой долг нам в твоё банкротство. Нет никакого смысла, Джесси, выносить это на суд общественности, все это наше внутреннее дело, да?"

За исключением немногих брокерских домов, большинство его кредиторов отказались подавать заявления на погашение долга в суд по делам о несостоятельности. Для Ливермора это было, тем не менее, ужасным опытом. Стоял 1914 год, в Европе началась война. Фондовый рынок был закрыт

Хлопковый король

с 31 июля по 15 декабря 1914 года. Ливермор был разорен и жил во второсортном отеле, "Бреттон Холл", на пересечении Бродвея и Восемьдесят шестой улицы.

Он сходил к своему юристу, оформлявшему его прошение о банкротстве. Пристыженный, он ни с кем не общался и ждал. 18 февраля 1915 года он прочитал резюме последних пяти лет своей жизни в *"Нью-Йорк Тайме"*.

Джесси Ливермор, чей эффектный взлет и приобретение состояния во время паники 1907 года, и его в равной степени потрясающий проигрыш на рынке хлопка несколько месяцев спустя, сделали его одним из широко известных персонажей Уолл-Стрит. Вчера он подал добровольное прошение о банкротстве в Федеральный Районный Суд. В качестве своего места проживания он предоставил адрес "Бреттон Холл", пересечение Бродвея и Восемьдесят шестой улицы. Также он сообщил, что должен 102 474 доллара. Стоимость его активов остается неизвестной.

Господину Ливермору всего 38 лет и с 16-летнего возраста он был спекулянтом. Удача пришла к нему в 1906 году, когда он пришел к заключению, что рынок снижается. Он начал продавать без покрытия "Юнион Пасифик", "Ридинг", "Копер энд смелтерз" и в 1907 году, когда наступил пик, он закрыл свои короткие контракты и получил приличное состояние.

В августе следующего года его привлекла высокая цена хлопка в Ливерпуле и он почувствовал новое падение цен. Он получил еще один большой куш и к 1908 году считалось, что его активы стоят от 2 до 3 миллионов долларов.

В августе 1908 года, однако, судьба отвернулась от него. Он попался с длинной позицией на 600 000 брикетов хлопка по октябрю, цена упала на 67 пунктов, считается, что он потерял свое состояние.

Ливермор сложил газету, положил ее на столик, встал со

Глава 5.

своего изношенного стула и вошел в маленькую ванную комнату. Он не торопился и одевался в своей обычной щегольской манере. Он пешком пошел на Уолл-Стрит и это была самая долгая прогулка в его жизни. Он вошел в брокерскую контору Чарльза, своего старого благодетеля, с которым он не виделся и не говорил в течение четырех лет.

Он снял с себя бремя долга; теперь ему нужно было выяснить, сможет ли он снова заключать сделки. Для Ливермора существовал только один способ определить, не потерял ли он сноровку - ему нужно было сделать ставку и дать телеграфной ленте возможность рассказать ему прав он, или нет. Его шансы иссякали, и он об этом знал.

ГЛАВА 6

Снова в игре

Между эксцентриками и гениями существует существенное различие. Если вы немного опережаете свое время, то вы - эксцентрик, если немного опаздываете, вы - неудачник, но если вы четко соответствуете времени, вы - гений.

Томас Дж. Уотсон Младший, основатель "Ай-Би-Эм"

Снова в игре

*ЛИВЕРМОР В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ГЛУБОКО
ВЗДОХНУЛ И ВОШЕЛ В* офис своего бывшего благодетеля.

Его немедленно приняли, и вот он уже сидел перед
Чарльзом. На столе Чарльза лежал номер *"Нью-Йорк*

Тайме"; ни один из них двоих не заговорил о его
содержании.

"Мне нужна линия", - без предисловий заявил Ливермор.

Чарльз сидел молча, изучая Ливермора, но оставляя свои
мысли и эмоции при себе. Они оба знали, что нет смысла
говорить о прошлом.

"Сколько?" - спросил Чарльз.

"Вам решать".

"Чарльз встал и подошел к окну офиса. Стоял 1915 год, с
его ненадежным фондовым рынком, характерным для военного
времени, на котором человек мог сделать состояние или
потерять его за несколько минут спекуляций.

"Хорошо, Джей Эл. Я дам тебе линию из пятисот акций.

Я отдам распоряжение чтобы ее положили на твой счет.
Знаешь, мы оставили твой счет открытым".

"Вы думали, что я вернусь?"

"Возможно".

Глава 6.

"Спасибо", - сказал Ливермор. Они пожали друг другу руки и Ливермор вышел из кабинета. Это была маленькая линия для такого трейдера, как Ливермор, но по цене акций ограничений не было. Если бумага стоит 150 долларов, он мог получить линию в 75 000 долларов. Начало было положено.

Теперь он должен был решить, что делать. У него был только ограниченный капитал. Он не мог позволить себе потерь. Он был решительно настроен придерживаться своих старых правил заключения сделок, но ему будет сложно делать пробные шаги и покупать маленькие позиции, чтобы проверить свои суждения. Здесь не было места ошибке; возможно, это был последний шанс. Его первая операция оказалась прибыльной, тем не менее, он не мог позволить давлению ограниченного капитала заставить его принимать неверные решения. Он сделал вывод, что рынок находится в сильном возрастающем тренде, поэтому он стал играть на повышение, покупать длинные позиции. Он также знал, что фонды имели склонность положительно реагировать, когда они пересекали рубеж номинала в 100, 200 или 300 пунктов.

Его промахи, моральная нестабильность стали ему очевиднее; его ограничения были известны, но они не могли пошатнуть его уверенности. Он очень сильно хотел торговать на этом активном рынке военного времени. По этой причине он не вернулся в брокерскую фирму Чарльза. Вместо этого в течение шести долгих недель, будучи разоренным и живя на мизерные деньги, он изучал значения на телеграфной ленте, анализировал каждую операцию, по мере того как она фиксировалась телеграфом. Он знал, что если он вернется в офис своего благодетеля, где у него был кредит, он может сделать ход и провести сделку в запале. Он не хотел делать этого. Он хотел, чтобы все обстоятельства были в его пользу для первой ключевой сделки, поэтому он не давал себя соблазнить, изучая значения на телеграфной ленте. Теперь он знал, что его самым большим врагом являются его собственные эмоции. Каждому трейдеру рано или поздно приходится с этим сталкиваться.

Ему нужно было, чтобы все факторы были в его пользу.

В конце концов, он выбрал "Бетлхем Стил" по 98 долларов. Это был самоочевидный выбор в военное время, выбор, известный торговому сообществу. Ливермор сидел и наблюдал, как фонд поднялся до 98, только два пункта до номинала - 100 - и он почувствовал, что если фонд пересечет отметку 100, он взлетит вверх. Он побежал в брокерский дом и купил 500 акций "Бетлхем Стил" по 98 долларов. Когда фонд добрался до 114 долларов, он купил еще 500 акций на марже, что дало ему длинную позицию на 1000 акций.

На следующий день фонд достиг отметки 145 долларов. Ливермор закрыл сделку по "Бетлхем Стил" несколько дней спустя, с прибылью в 50 000 долларов. Это означало, что он может оперировать с линией в 500 000 долларов на 10-процентной марже. Он вновь был в игре.

После банкротства у него не было кредиторов, о которых нужно было бы думать, а теперь у него была достойная линия, с которой можно было заключать сделки. К нему начала возвращаться уверенность. Он мог начать заключать сделки по-старому, и он достаточно успешно делал это до конца года. Совершив ряд успешных сделок, он довел свой капитал до суммы, близкой к 500 000 долларов.

Его единственным шагом назад было затопление "Люситании" 7 мая 1915 года. Все думали, что Соединенные Штаты вступят в Первую мировую войну. При появлении этих новостей рынок упал, и Ливермор очень сильно пострадал. Он быстро закрыл свои позиции и закончил 1915 год только с 150 000 в бумагах на своем счету - относительно неплохо. Он, безусловно, вернулся в бизнес, но, что более важно, он нашел свою форму заключения сделок. Теперь он следовал своим собственным правилам и усердно работал над тем, чтобы избежать эмоциональных ошибок.

Его бывшая жена Нетти вновь появилась в его жизни, когда он начал восстанавливаться после своего банкротства. Он очень мало виделся с ней после их расставания. Он выплачивал ей компенсацию в 1000 долларов в неделю, чтобы покрыть ее расходы: "В порядке возмещения за годы лишений", - говорил

Глава 6.

он ей. Он также купил ей довольно большой дом на Лонг Айленд и давал ей деньги на то, чтобы обставить его мебелью и на машину, которую можно было бы поставить в гараж.

Соединенные Штаты не вступили в войну после затопления "Люситании", как предсказывали многие. Американцы были настроены изоляционистски, они не хотели иметь ничего общего с войной за границей. У рынка не ушло много времени на то, чтобы восстановиться. Теперь Ливермор заключал сделки на бычьем рынке военной экономики.

Соединенные Штаты работали на полных промышленных мощностях, поставляя все товары, необходимые разрывающему войной миру, в то время как в Соединенные Штаты отправлялось золото зарубежных стран в счет оплаты за товары. Деловая активность была на подъеме. В течение всего 1916 года Ливермор продолжал играть на повышение и активно заключал сделки. Но также как и медвежий рынок, бычий рынок не мог длиться вечно, и Ливермор стал пытаться нащупать вершину.

Он не спускал глаз с лидеров рынка, так же как он сделал это в 1906 и 1907 году, потому что он знал, что когда эти лидеры приближаются к высшей точке и переворачиваются, это будет первым сигналом к началу подготовки к медвежьему рынку. Он также знал, что рынки не меняются внезапно и резко в любом направлении. Они подают уйму сигналов, подсказок тому, кто умеет их объективно читать.

Он сравнивал направления рынков с атакующими и противостоящими друг другу армиями - армией быков и армией медведей. Когда лидирующие дивизии армии, в данном случае, ведущие акции, начинали терпеть поражения и поворачивать, было пора зажигать предупредительный сигнал. Когда они начинали изменять направление движения и отступать, тогда наступало время изменять стратегию и начать заключать сделки в противоположном направлении. Он верил, что лидеры бычьего рынка 1916 года дают к этому серьезные, хотя и трудно различимые подсказки.

Рынок был похож на спокойного карточного игрока. Он никому не показывал своих карт. Ливермору нужно было быть

Снова в игре

начеку, быть проницательным, бдительным, готовым прочесть знаки, поскольку при первых же признаках серьезного поворота тренда, он будет идти против общественного мнения - общественного мнения, которое будет соблазнено силой существующего рынка. Опыт Ливермора научил его отстоять от толпы во время этих поворотных моментов на рынке, направляясь в противоположном направлении. Это его никогда не беспокоило, потому что именно в такие периоды он получал свои самые большие деньги.

Он вернулся к своей испытанной временем технике пробных заказов, покупки маленьких позиций, чтобы посмотреть, прав ли он в своей оценке рынка. Медленно он набирал позиции по 12 акциям, включая лидеров рынка "Стил", "Болдуин", "Америкэн Кэн", "Дженерал Моторс", "Крайслер" и "Анаконда Копер". Он продал без покрытия в общей сложности 60 000 акций, что было для него разумно небольшой позицией в то время. Он ждал, а телеграфная лента засвидетельствовала снижение на 4 пункта по всему спектру. Он знал, что он прав, удвоил свою позицию до 120 000 акций и ждал.

Именно в это время произошла скандальная утечка информации из Вашингтона, о том, что президент Вудру Уилсон составил мирный договор, предлагающий Германии и союзникам прекратить войну. Рынок упал при появлении хороших новостей, поскольку мир в Европе мог уничтожить здоровую экономику военного времени, основанную на поставках за границу. У Ливермора было непоколебимое правило, что если какой-то счастливый случай, случайная удача, приходила к нему, он должен ей воспользоваться и не жадничать - принять свою судьбу и закрыть позицию. Также у Ливермора было продано 120 000 акций, что было довольно большой позицией с точки зрения ликвидации на рынке 1916 года.

Утечка информации произошла 20 декабря 1916 года. Ливермор вернулся в Палм-Бич; восстановив свое состояние, он снова мог позволить себе отпуск в своем любимом месте. Он зашел в офис "Финли, Баррелл и компания". У этого брокера у него не было счета. Он просто следил за значениями на ленте и

Глава 6.

читал газеты, когда ему показали частную телеграмму из головного офиса "Финли, Баррелл".

"Посмотрите на эту телеграмму, господин Ливермор",- сказал управляющий офиса.

"Сегодня немного позднее Уилсон предложит воюющим сторонам заключить мир", - вслух прочитал Ливермор. Телеграмма пришла от корреспондента в Вашингтоне по имени У.У.Прайс, о котором Ливермор слышал. "Думаете, это правда?" - спросил Ливермор клерка.

"Думаю, да, сэр", - сказал управляющий офиса.

Ливермор поблагодарил управляющего, пошел к одному из своих брокеров в Палм-Бич, в офис Хаттона, и спросил, слышали ли они что-либо о предложении мира со стороны президента Уилсона. Они сказали, что не слышали. Он позвонил Эду Хаттону в Нью-Йорк. Хаттон сказал, что он ни о чем подобном не слышал. Ливермор наблюдал, как рынок слабеет у него на глазах. Он заказал обед и начал наблюдать за рынком.

Через некоторое время после 1 часа дня телеграфный отдел Э.Ф. Хаттона прислал сверхсрочную телеграмму всем работникам компании. В ней говорилось то же самое, что Ливермор уже прочитал ранее в офисе "Финли, Баррелл" утром того же дня. Ливермор проверил основные телеграфные службы, но нигде не было информации о том, что президент Уилсон предложит Германии план примирения.

Но слух о мире в Европе родился, и рынок начал падать, по мере того как люди начали избавляться от ценных бумаг прежде, чем новости станут известны широкой публике. Затем всем казалось, что слух подтвердится, и рынок действительно начал падать - вскоре информация о возможном мире была у всех на устах. Заказы отзывались, а цены упали.

Бернард Барух, друг Ливермора, принимал в этом активное участие. У него были короткие позиции, так же как у Ливермора, и он боролся, продавая при каждом удобном случае, который казался ему приемлемым. Но Ливермор хотел закрыть свою короткую позицию в 120 000 акций, и, таким образом, в 2

часа дня он стал покупателем. Он закрыл все свои короткие позиции к 3 часа дня и закрыл сделку.

Недавно Барух получил значительную прибыль - более 3 миллионов долларов - большая часть этой прибыли была результатом внезапной распродажи, последовавшей за слухами из Вашингтона.

Для проведения расследования того, где была допущена утечка информации, при Конгрессе была сформирована комиссия. Барух признал, что он использовал утечку информации при заключении сделок с военными акциями, но утверждал, что он получил прибыль лишь в 465 000 долларов.

Ливермор, со своей стороны, объяснил комиссии, что он часто играл на понижение, и что он открыл свою позицию на 120 000 акций за семь недель до того, как Уилсон выступил с предложением мира, поскольку он почувствовал, что рынок достиг высшей точки.

Его вызвали в суд 1 февраля. На следующий день *"Нью-Йорк Тайме"* цитировала его слова: "Как я мог знать, что

президент Уилсон собирается предложить Германии мир с целью окончания войны? Я сомневаюсь, что сам президент семь недель назад знал, что соберется выступить с мирным предложением".

В результате этого известного инцидента Нью-йоркская фондовая биржа изменила свои правила и запретила трейдерам действовать на основе утечки информации, идея, которая, хотя и является похвальной, совершенно неосуществима.

Именно в этот критический момент с Ливермором вновь произошло нечто странное. Однажды вечером, за ужином много лет спустя он рассказал эту историю своим сыновьям:

"Я провожал друзей на вокзале "Гранд Сентрал Стейшн". Я дошел с ними до своего личного вагона, который я одолжил им, чтобы они смогли доехать до Палм-Бич. Носильщик шел рядом с нами, толкая перед собой тележку с их багажом. Когда мы подошли к вагону, мой друг протянул руку, чтобы забрать из тележки чемоданчик с драгоценностями его жены, у него с головы

Глава 6.

слетела шляпа и закатилась под вагон. Носильщик полез под вагон, чтобы достать стетсоновскую шляпу с рельсов, и вручил ее мне, чтобы я передал ее своему другу. Я взглянул на внутреннюю сторону перевернутой шляпы. На шляпной ленте золотыми буквами были написаны инициалы "W.A.R". - Уоррен Аугустус Рид, инициалы моего друга".

"Это было сообщение для меня, ребята, знак, и я бросился назад в офис и начал усердно продавать. Я уже играл на понижение, но теперь в моей голове не осталось вопросов, на Соединенные Штаты надвигалась война".

Четыре месяца спустя, 6 апреля 1917 года, Соединенные Штаты присоединились к союзникам в Первой мировой войне. Народ Соединенных Штатов изначально был против прямого вступления в европейскую войну, но согласился поставлять союзникам товары военного назначения и боеприпасы. Однако после серии инцидентов, в том числе в результате применения немецкой политики неограниченной подводной войны и затопления кораблей США, Соединенные Штаты, наконец, вступили в конфликт и объявили Германии войну.

Примерно в это же время, в начале 1917 года, Ливермор совершил один из своих горделивых походов по Уолл-Стрит. Он вышел из своего нового офиса по адресу Бродвей 111, останавливаясь по пути у каждого из своих кредиторов, и выписывая чеки, в полном объеме погашающие его долги, сделанные до банкротства.

"Позвольте мне прибавить некоторый процент к сумме, которую я вам должен", - предлагал Ливермор, но все кредиторы отказались. Они просто принимали чеки, улыбались, жали ему руку и желали удачи в будущем. Это был еще один поступок, вошедший в легенды о Ливерморе, ходящие по Уолл-Стрит.

Ливермору было 40 лет. Он решил некоторым образом изменить свою жизнь. Он учредил на свое имя трастовый фонд размером в 500 000 долларов. Этот фонд будет приносить доход в

Снова в игре

30 000 долларов в год. Он больше никогда не будет бедным.

Ливермор также влюбился.

Фло Зигфельд был близким другом Ливермора. Зигфельд был основателем *"Зигфельдских дурачеств"*, где гвоздем

программы были красивые женщины, красивый интерьер и красивая музыка. Легендарная постановка с участием едва одетых женщин с экзотическими веерами, шествующих на фоне изумительной красоты декораций, разгуливающих туда-сюда по искусно сделанным лестницам, была экстравагантным зрелищем. Это было самое горячее шоу на Бродвее.

Однажды Зигфельд позвонил Ливермору: "Джей Эл, у меня тут сидит кое-кто, с кем тебе непременно стоит встретиться. Маленькая брюнетка, одно присутствие которой озаряет комнату светом. Ты обязательно должен с ней встретиться, Джей Эл, она озарит твою скучную жизнь. Должно же тебе когда-нибудь надоесть делать деньги. Как говорится, мешай дело с бездельем..."

"Проживешь век с весельем".

"Мы все проходим через эти земные врата только раз, Джей Эл. Мы здесь ненадолго, поэтому нужно хорошо провести это время".

"Я не спорю, Фло".

"Ну что ж, у меня дома сегодня вечером будет небольшой званный вечер. Она там будет. А ты, Джей Эл?"

"Хорошо, Фло, я приду".

В тот вечер Ливермор зашел в прекрасный пентхаус Фло на Манхэттене и сразу же влюбился в Дороти Уэндт. Она была маленького роста брюнеткой, с великолепными зеленовато-кариыми глазами. Он никогда раньше не видел таких глаз - они пронзали и смеялись одновременно. Вокруг нее сидело полдюжины людей, она их развлекала своей жизнерадостной болтовней. Зигфельд заставил толпу расступиться и представил ей Ливермора.

Ливермор попался на крючок. Он ходил на все шоу с ее участием, обедал с ней во всех ресторанах Нью-Йорка. Они

Глава 6.

полюбили друг друга, энергичный финансист и притягательная, красивая статистка, просто роман из книжки.

Наконец-то Ливермор нашел ту, на ком он отчаянно хотел жениться. Но он по-прежнему был женат на Нетти, и теперь ему нужно было получить развод. Он считал, что поскольку он назначил ей ежемесячное пособие в 1000 долларов, купил дом и машину, она не откажет ему в разводе. Но он ошибался. Развод быстро стал сложным. Ливермор снова был при деньгах, и Нетти об этом знала. Она также знала, что он любит другую женщину. Она отправилась в суд.

Единственным, что не хотел потерять Ливермор из-за развода, был его черный Роллс-Ройс, который принадлежал ему все эти годы. Но он совершил роковую ошибку, ставя его в ее гараж, и она не собиралась отступаться от него. "Он мой", - так она отвечала на его просьбы вернуть Роллс-Ройс.

Ливермор обратился за помощью к Джерому Траверзу, знаменитому бывшему окружному прокурору округа Нью-Йорк. Джером был частным сыщиком, который просил довольно внушительный гонорар за свои услуги. Он был крепко сложен, полон уверенности в себе и подтянут, носил ровно загнутые усы. Он был знаменит тем, что выступал обвинителем по делу одного из наиболее известных убийц двадцатого века - Гарри Тау - убившего знаменитого нью-йоркского архитектора Стэнфорда Уайта. Это дело подробно обсуждалось в средствах массовой информации.

Тау, унаследовавший довольно обширное состояние, включавшее в себя железную дорогу и угольные месторождения в Питсбурге, застрелил Уайта, архитектора и любимца нью-йоркского общества, в театре "Крыша" на Мэдисон Сквер Гарден - здании, которое Уайт спроектировал - на глазах у сотен людей. Жена Тау, статистка Эвелин Несбит, сказала своему мужу, что Уайт, ее бывший любовник, однажды изнасиловал ее.

Выстрел прозвучал 25 июня 1906 года, во время представления мюзикла *"Мамзель Шампань"*. Когда труппа

начала петь "Я мог бы любить миллион девушек", которую

Несбит назвала "отвратительным номером", Тау встал и подошел к столику Уайта. Он достал из-за пояса пистолет и произвел три выстрела в голову Уайта. Затем он поднял дымящийся пистолет дулом вверх, показав тем самым, что дело сделано. Он спокойно подошел к своему столику и сел. Его немедленно арестовал и разоружил дежурный пожарный с Мэдисон Сквер Гарден.

Умирая, распластавшись на столе, с головой в луже крови, с лицом, почерневшим от пороховых ожогов, сраженный насмерть, лежал самый знаменитый архитектор Америки.

Процесс по делу Тау стал первым "делом века", в котором были задействованы богатые и опустившиеся, разыгравшаяся в зале суда драма получила необычайно широкое, сумасшедшее освещение в прессе. Разоблачающий благосостояние и невероятное потворство собственным желаниям, приправленный интимными подробностями сексуальной жизни, этот процесс стоял у истоков дальнейшей практики средств массовой информации в освещении неблагоразумных поступков знаменитостей. "Красные бархатные качели" Уайта, на которые он любил усаживать женщин без нижнего белья и раскачивать их перед собой так, чтобы он мог заглядывать им под подол, были лишь одной из многочисленных освещенных в прессе сексуальных подробностей.

Несбит сообщила суду, что Уайт часто бил ее хлыстом и в первый раз встретил ее в своей квартире, где немедленно опоил ее шампанским и изнасиловал. Она признала, что сидела обнаженной на красных бархатных качелях Уайта, в то время как он раскачивал ее так сильно, что кончиками пальцев ног она доставала до японского зонтика, прикрепленного к потолку. Она так и не смогла доходчиво объяснить, почему она возвращалась к Уайту, своему бывшему любовнику, так часто даже после того, как у нее завязались отношения с Тау.

Процесс также ознаменовал собой начало эпохи великих защит, проводимых великими адвокатами. Дельфин Делмас, адвокат Тау, предложил тактику защиты "Слабоумие по-

Глава 6.

американски", которую он определил как недуг американского мужчины, честь жены которого была осквернена.

Состоялось два слушания и Тау, в конечном итоге, был признан невиновным по причине невменяемости. Тау провел остаток своей жизни в приютах для душевнобольных.

Несбит до конца жизни постоянно пересказывала историю того знаменитого вечера. Она умерла в возрасте 82 лет. Ее последними словами были следующие: "Стэнни Уайт был убит в 1906 году, но меня ждала более жестокая участь. Я выжила".

Ливермор посетил Джерома, отдал ему дубликат ключей и свою доверенность, и проинструктировал его поехать на Лонг Айленд и забрать Роллс-Ройс, когда Нетти не будет дома.

7 сентября 1917 года Нетти Ливермор посадила знаменитого юриста под арест в Ойстер Бэй, Лонг Айленд. Полиция действительно поместила Джерома в карцер. Его партнер Айседор Крезель быстро освободил его под залог в 2000 долларов. Помещение Джерома в тюрьму было ошибкой. Он разозлился. Он позвонил Ливермору и они решили следить за Нетти.

Через несколько недель, 22 сентября, в зале суда стояла атмосфера как в цирке, проводилось начальное слушание дела. Мировой судья Эллисон Лаундес немедленно начала слушания. "Присутствует ли в зале госпожа Ливермор?" - спросила она.

"Боюсь, что госпожа Ливермор больна, Ваша честь", - ответили адвокаты Нетти Фрэнк Эйсер и Фрэнк Дейвис. - "Мы просим перенести слушание на более позднюю дату".

"Ваша честь, прошу отклонить прошение", - сказал Джером, поднимаясь. - "Я располагаю фактами, что госпожа Ливермор была вчера вечером в Нью-Йорке и вернулась в свой дом на Лонг-Айленд в час ночи. С ней все в порядке".

"Немедленно доставьте сюда госпожу Ливермор и быстро, иначе я просто выброшу это дело", - сказала судья. На следующий день об этом писали в *"Нью-Йорк Таймс"*.

Десять минут спустя Нетти Ливермор вошла в зал суда в сопровождении своей сестры, отца и двух друзей. Судья

Снова в игре

спросила, каким образом Джером получил машину, и ей сказали, что у Траверза был ключ от гаража и от машины.

Госпожу Ливермор допрашивали следующей.

"Почему вы считаете, что машина принадлежит вам?" - спросила судья.

"Так сказал мне господин Ливермор, когда ее купил. Он сказал: "Детка, эта машина принадлежит тебе".

"Сколько вы замужем за господином Ливермором?"

"Восемнадцать лет, но мы давно живем раздельно".

"Вы платили за какое-то обслуживание или ремонт машины?" - спросила судья.

"Нет".

"А купчая на машину выписана на вас?"

"Нет".

"Вы знали, что у господина Джерома есть доверенность, выписанная вашим мужем, на то, чтобы забрать машину?"

"Да".

"До вашего развода, сколько денег вам ежедневно выплачивалось? "

"Тысяча долларов в неделю, Ваша Честь".

"Госпожа Ливермор, служащий Баукер говорит, что оценивает машину в двадцать пять тысяч долларов. Знаете ли вы об этом и согласны ли вы с такой оценкой?"

"Да, Ваша честь".

"Но в купчей господина Ливермора написано, что она стоит десять тысяч долларов. Про это вы тоже знаете?"

"Да, Ваша честь".

"То есть вы обо всем знаете, госпожа Ливермор. Ваш иск не удовлетворен, я его отклоняю". Судья стукнула молоточком по столу и дело было отклонено.

В статье в *"Нью-Йорк Таймс"* от 23 сентября Джером

сказал: "Служащий, должно быть, описывал не ту машину.

Глава 6.

Возможно, Роллс-Ройс за двадцать пять тысяч долларов, который он имел в виду, это модель из золотого слитка. Я не думаю, что господин Ливермор когда-либо скажет: "Детка, эта машина твоя", по крайней мере, не тот Ливермор, которого знаю я". Газетные репортеры любили Джерома, а он любил их, и их уже очаровала скрытная легенда Уолл-Стрит, Ливермор.

Дела у Ливермора шли хорошо, и он продемонстрировал свою любовь к Дороти Уэндт, купив ей 24 сентября 1917 года перстень из платины с большим изумрудом. Кольцо оценивалось в 120 000 долларов. Оно было приобретено в Палм-Бич. Это впоследствии станет началом внушительной коллекции драгоценностей, которую он купит Дороти в последующие годы.

На следующий день Ливермор также купил очень большой быстроходный катер, который он назвал "челноком". Катер базировался в Палм-Бич и Ки Уэст.

Ливермор также начал получать широкую известность. Вместе с Барнардом Барухом он был помещен в группу, называемую "новой породой" спекулянтов на фондовом рынке. *"Нью-Йорк Таймс"* выпустила передовицу на эту тему 13 мая 1917 года. Заголовок был таким: "Сегодняшний спекулянт больше похож на студента и экономиста, чем на поразительных манипуляторов из прошлого".

Сегодня на Уолл-Стрит спекулируют, применяя иные методы, нежели чем в свободные и простые времена Джона Гейтса и его круга зажиточных спекулянтов. Гейтс по прозвищу "Ставлю миллион" был лидером, у которого было много слепых последователей на фондовом рынке, убежденных в том, что он сделает их богатыми. Лидера больше нет. Джеймс Кин был последним представителем этого типа спекулянтов, чья сокрушительная бычья тактика, подкрепленная большим количеством денег, раскачивала рынок то вверх, то вниз.

Никто не стал бы обвинять Барнарда Баруха в том, что он производит свои действия на рынке напоказ. До комиссии

Снова в игре

при Конгрессе, которая проводила расследование "утечки" в декабре прошлого года, Барух называл себя инвестором и спекулянтом в той же манере, как любой другой человек говорил бы о своей бакалейной лавке. Он давал показания комиссии, демонстрируя при этом не больше энтузиазма, чем при обсуждении погоды, когда рассказывал о том, что он заработал 467 000 долларов на коротких позициях по акциям за декабрь месяц.

Причины, которые заставили его продать свои фонды тогда, когда он это сделал, иллюстрируют новую эпоху в спекуляциях. Он просто считал, что цены слишком высоки. Изучение спекулятивной ситуации убедило его в том, что рынок был почти готов к тому, чтобы сломаться.

Джесси Ливермор - еще один спекулянт, чья деятельность привлекает мало внимания. В некотором роде Ливермор - это пережиток прошлого, без усовершенствований. Его бизнес - это его личное дело и нам неизвестно, чтобы он когда-либо предпринимал попытки повлиять на рынок, нашептывая что-то друзьям на ухо. Он напоминает о прошлом только размерами своих покупок и продаж без покрытия.

Ливермор, гласит предание, начал продавать активы без покрытия в ноябре, за месяц до того, как цены начали снижаться. Практически все трейдеры с энтузиазмом покупали, в то время как он продавал без покрытия. Он почувствовал тенденцию рынка к снижению и замер без движения среди шквала оптимистических комментариев. Говорят, что когда, в конце концов, случился перелом, у него были короткие позиции на 50 000 - 60 000 акций, на которые поступали сотни тысяч долларов прибыли.

Барух и Ливермор могут послужить примером настоящих спекулянтов большого калибра. Давление, которое они произвели на прошлогодний рынок, однако, было лишь частью влияния, идущего из источника, который сложно характеризовать как спекулятивный или инвестиционный.

Сочетание того и другого может быть приписано сделкам на рынке военного времени группы Дюпон (миллионеров-

Глава 6.

производителей пороха) и У.С.Дюрану, "Сентрал Моторс Компании". Наделенные большими и стабильно растущими доходами, эти люди заставляют свои деньги выгодно работать. "Покупайте и придерживайте акции для получения сверхприбылей".

Примерно в середине 1915 года на Уолл-Стрит появилась информация, что Дюпон вкладывают большую часть поступающих средств в фонды "Болдуин Локомотив Кампани", "Дженерал Моторс Кампани" и других концернов, чьи акции, в то время относительно дешевые, выросли до невероятных высот в последующем безумии военных спекуляций. Эти слухи не встретили возражений с их стороны, и после этого появились сообщения о том, что эти громадные прибыли превысили все рекорды. "Болдуин" вырос с 26 до 154 в том же году, а "Дженерал Моторс" продвинулся с 82 до 558, а в 1916 году достиг уровня более 700.

Дюран, президент "Дженерал Моторс", имел среди своих друзей репутацию большого выдумщика, которая могла бы позволить ему стать ведущей фигурой в спекуляциях, если бы он захотел быть таковым. Но он никогда не появлялся на арене фондовых рынков, хотя известно, что он получал огромные прибыли от акций. Он покупает длинные позиции прежде, чем люди видят спекулятивные достоинства каких-либо фондов. Говорят, что он чрезвычайно уверен в своих суждениях; когда он принимает решение накапливать фонды, он покупает их, и никакие изменения условий на рынке временного характера его не беспокоят.

Считается, что Дюран редко продает то, что покупает, если, по его мнению, эти фонды хороши. Это инвестиционные покупки.

Если у Ливермора была такая возможность, он никогда не комментировал то, что другие люди говорят в газете, вне зависимости от того, что публиковалось в печати. Он отмалчивался также и на эту тему. Мистический Ливермор только еще больше раззадоривал прессу.

Снова в игре

До конца 1917 года Ливермор преуспел во всех сделках, за исключением одной сделки с кофе.

Ливермор видел, как цены на все товары росли по мере того, как Соединенные Штаты все ближе и ближе подходили к тому, что считалось неизбежным - вступлению США в бушующую в Европе войну. Когда Соединенные Штаты в конечном итоге вступили в войну, цены на товары выросли на 100 - 300 процентов. Единственным товаром, цены на который не выросли, был кофе, поэтому Ливермор навел о нем справки. Европейские рынки были закрыты, и теперь весь кофе отправлялся в Соединенные Штаты. Цена на кофе была даже ниже довоенного уровня. Ливермор понимал, что эффективные немецкие подводные лодки будут продолжать топить торговые суда, что рано или поздно приостановит приток кофе в Соединенные Штаты. В результате вырастут цены. Казалось, что это элементарно.

Ливермор начал покупать кофе зимой 1917 года. Девять месяцев спустя цена была прежней и он закрыл свои опционы с большими потерями. Он вновь вышел на рынок, сделал еще несколько пробных закупок, покупая дополнительные фьючерсы. Он по-прежнему был уверен в своей правоте. На этот раз он действительно оказался прав - цена выросла. Он увеличил свои позиции, поскольку цена стабильно росла. Он уже подсчитывал свои дополнительные потенциальные миллионы, когда ему преподнесли большой сюрприз.

Люди, позиции которых были на противоположной стороне рынка, спекулянты, играющие на понижение, знали, что в связи с высокой ценой им будет нанесен серьезный удар, когда придется закрывать сделки. Они поехали в Вашингтон и убедили власть имущих, что нужно защищать американских потребителей кофе.

Они сообщили военной комиссии по фиксации цен, что Ливермор загнал в угол весь рынок кофе и собирается неимоверно взвинтить цены. Комиссия незамедлительно зафиксировала максимальную цену на кофе и установила ограниченный срок для того, чтобы все позиции на товарном рынке фьючерсов были закрыты.

Глава 6.

Комиссия также закрыла кофейную биржу. Ливермору пришлось сделать то, к чему его вынуждали. Он продал свои позиции. Его миллионные прибыли испарились подобно тому, как чашка кофе исчезает во рту жаждущего. Урок, преподанный Ливермору, в прессе был откомментирован так: "Америке нужен дешевый кофеин - правительство согласно!"

Но этот случай преподавал Ливермору еще один ценный урок: он снова был прав, но прибыли от этого не получил. Теперь он добавил неожиданность к своему списку рыночных ловушек. В данных обстоятельствах он ничего не мог изменить, кроме того, как зализывать раны и продолжать действовать. Существуют вещи, которые он не мог предсказать, а, следовательно, не мог от них защититься. Он мог только реагировать.

Ливермор также был убежден, что не существует достаточно могущественной силы, чтобы в течение длительного времени контролировать или фиксировать рынок. Если рынок был доведен до крайности в любом направлении, он всегда в конечном итоге вернется к своему настоящему значению.

Если курс актива искусственно занижается, актив может оставаться на таком низком уровне до того момента, пока хорошо осведомленные люди, знающие его настоящую цену, не вступят в игру и не начнут покупать, к ним присоединятся также проницательные инвесторы, которые также знают толк в выгодных сделках, когда им предоставляется соответствующий шанс. На вольном рынке всегда восстанавливалась подлинная цена

Ливермор также размышлял над методом наблюдения за активами, которые внезапно сильно падали в цене: он отслеживал спады. Когда фонд достигал своего предельного снижения - своего самого низкого уровня - он сильно отскакивал и быстро устремлялся к изначальному уровню, если падение на самом деле было лишь результатом искусственного понижения курса и с активом изначальное все было в порядке. И наоборот, если актив просто слабел после снижения курса, неуклюже передвигаясь по узкому раскачивающемуся каналу, это является признаком того, что, возможно, у него есть

внутренне присущая ему слабость. Возможно, он продолжит свой путь по линии наименьшего сопротивления и опуститься еще. Ливермор ждал решающего изменения тренда прежде, чем сделать свой первый шаг.

Другие сделки Ливермора на фондовом и товарном рынках в 1917 году были очень успешны. Поскольку его считали самым могущественным медведем на Уолл-Стрит, его часто ругали за внезапные снижения цен акций, которые выглядели как активные продажи с целью последующей покупки на более выгодных условиях. Из-за этих падений цен его также обвиняли в отсутствии патриотизма, независимо от того, был ли он виноват. В большинстве случаев, решил Ливермор, это было простым способом объяснить беспорядочные движения фондового рынка военного времени.

В октябре 1917 года в Рено, штат Невада, Ливермор, наконец, получил официальный развод от Нетти. Как у него это получилось? Он просто отдал ей то, что она хотела. Он отдал ей трастовый фонд на 500 000 долларов и дом, который он приобрел для нее на Лонг Айленд, со всей обстановкой. Его это не беспокоило. У него по-прежнему были миллионы на его торговом счету. У него также больше не было долга в 1 миллион долларов, поскольку он его выплатил, несмотря на то, что с юридической точки зрения, он не был обязан это делать. В конце концов, он был свободен от всех помех и мог заключать сделки на своих условиях. Он мог снова наслаждаться жизнью.

Ливермор не сожалел о деньгах, отданных Нетти. Он отдал ей все, не испытывая к ней при этом никакой злобы, он был уверен в своей способности вновь заработать деньги. Он сохранил свой железнодорожный вагон, свой Роллс-Ройс и яхту. Он верил, что пока у него есть ставка, со временем он сможет компенсировать себе все то, что он ей отдал, просто работая на рынке.

2 декабря 1918 года в гостинице "Сейнт Регис" Ливермор женился на Дороти Уэндт. Магистрат Питер Барлоу провел краткую церемонию. Ей было 18, ему 41. Она выглядела великолепно в своем свадебном платье. Он стоял, высокий и

Глава 6.

прямой, его светлые волосы были зачесаны назад, безупречно сидящий черный фрак был сшит из лучшей ткани. Надевая ей на палец обручальное кольцо, он улыбался.

Позднее, в номере для новобрачных, Дороти вслух прочитала надпись, выгравированную на внутренней стороне ее обручального кольца: "Дотси навсегда, Джей Эл". Многие годы спустя, глядя на эту надпись, она все так же краснела и трепетала от волнения.

Это было основным событием для Ливермора. Он был счастлив. На этот раз, в отличие от 1907 года, когда все предпринимаемые им шаги были проигрышными - он будет стараться правильно распорядиться своим успехом. Он поклялся, что его высокомерие, тщеславие, чванство будут подконтрольны ему. Он не будет терять головы. Он уже опускался в ту темную пучину депрессии и печали. Он будет строго придерживаться своих с таким трудом доставшихся ему правил, своих законов заключения сделок на рынке. Он не будет беспечным и не потеряет свое состояние на этот раз.

Ливермор любил Дороти. Он был готов к тому, чтобы остепениться и основать семью, семью, которой он мог бы гордиться. Но ему предстояло узнать, что подобно тому, как в случае с рынком кофе, в жизни всегда есть место неожиданностям и неожиданному. Он лицом к лицу столкнется с неожиданностями позднее, когда Дотси будет стрелять в своего сына.

ГЛАВА 7

Совершенствуя свою теорию рынка

Тот, кто живет случаем, редко живет экономно.

Сэмюэль Джонсон, "Жизнь Драйдена"

ЛИВЕРМОР ХОТЕЛ ОБЕСПЕЧИТЬ СВОЮ МОЛОДУЮ
ЖЕНУ ДОРОТИ всем, о чем только может мечтать женщина. В

день, когда они поженились, Ливермор показал Дороти их новый дом, великолепно обставленный особняк по адресу: Западная семьдесят шестая улица, дом 8. Он был наполнен всем самым лучшим: прекрасными персидскими коврами, замечательными блюдами Веджвудского фарфора, сверкающим хрусталем. Каждую стену украшали работы великих художников. Спальни были роскошными - простыни из египетского хлопка, подушки, набитые гусиным пухом с шелковыми наволочками, набитые перьями одеяла. В ваннных комнатах была установлена новая арматура и фитинги, включая огромные ванны, которые, тем не менее, выглядели маленькими в большом пространстве ваннных комнат.

Семья Дороти была зажиточной, но то, что она увидела, ошеломило ее. Это была чистая роскошь, доступная малому количеству людей. Она перебегала из одной комнаты в другую, и каждая следующая комната была лучше предыдущей. Ливермор гордо стоял в дорогой гостиной, ожидая, когда она закончит осмотр. Дом был экстравагантен, но он легко мог себе это позволить.

Они отметили событие марочным шампанским, охлажденным в серебряном ведре для льда от Тиффани. Пили

Глава 7.

вино из хрустальных бокалов Вотерфорд. Все вещи были недостаточно хороши для его новой любви, абсолютно все. Она была ослепительно хороша в белом платье из тончайшего хлопка, привезенном из Парижа. Она стояла, сияя в лучах нью-йоркского утра, солнечный свет которого свободно проникал через чистейшие стекла самых современных окон.

А когда ее не было рядом с ним, он занимался тем, что любил, и что приводило в движение все его нервные окончания - заключал сделки на рынке. Ливермору нравилось, что при работе на рынке обучение было непрекращающимся. Игра никогда не кончалась, и ему никогда не удавалось узнать достаточно, чтобы все время выигрывать у рынка. Загадку невозможно было разгадать. Этот урок достался ему не просто так, и поэтому он никогда не считал себя хозяином рынка. Он всегда считал себя учеником рынка, который иногда сделки правильно. заключал

Приблизительно в это же время, 2 января 1920 года, Ливермор за 5000 долларов приобрел место на Нью-Йоркской "Бирже на тротуаре". Так и осталось невыясненным, почему он это сделал, поскольку никто никогда не видел, чтобы он заключал там сделки. Его также никогда не видели в здании Нью-Йоркской фондовой биржи.

Понимание Ливермором того, что он всю жизнь будет учеником рынка, было именно тем фактором, который привлекал его в этой профессии. Ничто никогда не повторялось, один день был не похож на другой. Рынок был скоростной трассой, где состояния возникали и исчезали в мгновение ока. Любой мог стать победителем, если делал правильные ходы.

Одной из самых волшебных частей загадки было то, что другие люди называли предчувствием Ливермора. Но в данном случае это были не импульсивные ходы; они так выглядели для неинформированного наблюдателя. Его действия были просто результатом общей работы мозга - сознательной и подсознательной - по обработке фактов, сопоставлению

¹⁰ «Биржа на тротуаре» - неофициальная фондовая биржа

Совершенствуя свою теорию рынка

информации, анализу предшествующих событий, реакции на текущие события, наблюдению за коллегами-трейдерами и, в наибольшей степени, и надежды только на свои собственные суждения, а не на суждения других.

Всю свою жизнь Ливермор проводил много времени, пытаясь понять свое подсознание, мозг, который никогда не спит. Он изучал Фрейда и Юнга. Он знал силу и секреты своего внутреннего разума. Это было источником его творческого самовыражения. Это была сфера окруженных завесой таинственности снов. Это была совершенно свободная, абсолютно произвольная мысль. Возможно ли, что подсознание содержит в себе более глубокие ответы? Можно ли его использовать в своих целях?

Быстрые, на первый взгляд, инстинктивные, действия Ливермора в некоторых случаях стали частью легенды о нем на Уолл-Стрит. Люди часто наблюдали за этими действиями, и многие утверждали, что он действует, повинаясь шестому чувству - инстинкту трейдера или удаче азартного игрока - или что он получал подсознательные сигналы от телеграфной ленты, и сигналы эти были доступны только ему одному. Сам Ливермор не всегда полностью осознавал некоторые из своих действий.

Он занимался заключением сделок с 14-летнего возраста. Теперь ему был 41 год - 27 лет заключения сделок на рынке - время, за которое миллионы и миллионы долларов прошли через его счет. Ливермор читал Аристотеля. Он верил в максимум великого философа, что "мы все являемся общей суммой нашего опыта". Именно чистый, реальный жизненный опыт, пропущенный через фильтр интеллекта, пленял Ливермора. Некоторые люди называли это интуицией. Можно ли когда-либо понять ее, постоянно ей пользоваться?

Однажды вечером в "Брэдлиз Бич Клаб" в Палм-Бич Ливермор сидел за ужином напротив Эда Брэдли, только они вдвоем и больше никого. После десерта Брэдли спросил его: "Джей Эл, каковы составляющие хорошего биржевого спекулянта?"

Глава 7.

"Эд, это забавный вопрос. А каковы составляющие хорошего игрока? Может у них есть какие-то общие черты?"

"Я думаю, что есть некоторые различия, Джей Эл".

"Ну, для спекулянта это - склонность к игре, смелость, способность наблюдать за тем, что происходит, не давая воли эмоциям. Способность подмечать то, чего не замечают другие, и хорошая память, для того, чтобы правильно запоминать факты, особенно математические факты. И, наконец, Эд, самое важное - опыт. Умение учиться на ошибках является первостепенным. И нужны все эти качества. Спекулянт может быть очень наблюдательным и обладать хорошей памятью, но не иметь опыта. Или у трейдера может быть опыт, но слабая память, или он может быть ненаблюдательным, или не обладать математическими способностями. Успешный трейдер должен обладать всеми этими качествами, но ключевым - совершенно необходимым для длительного успеха - является, по моему мнению, опыт".

"И смелость", — дополнил Брэдли.

"Да, это призвание не для каждого. Не каждый может и не каждому нужно становиться спекулянтом".

"Или азартным игроком, как я. Но не мог бы ты сказать поконкретнее, Джей Эл?"

"Легко. Спекулируйте только тогда, когда можете довести дело до конца. Не слушайте никаких подсказок, вне зависимости от личности подсказывающего. Не бойтесь ловить высшие или низшие точки, это чепуха. Ограничьте число акций, которыми вы владеете, количеством, которое вы сможете контролировать. Очень сложно собирать вместе кошек, не менее тяжело отслеживать большое количество ценных бумаг. Принимайте спокойно свои потери, не размышляйте над ними слишком долго. Пытайтесь учиться на своих ошибках, но ошибки неизбежны, так же как смерть. Делайте большой шаг, по-настоящему крупную игру, когда большая часть факторов в вашу пользу".

"Похоже на то, когда держишь королевский флэш?" - улыбнулся Эд Брэдли.

Совершенствою свою теорию рынка

"На рынке очень редко получаешь что-то определенное. Рынок всегда удерживает тебя на краю".

"Так же и в азартных играх, Джей Эл".

"Именно поэтому периодически нужно обналичиваться, устраивать себе перерыв, брать отпуск. Не стоит все время пытаться играть на рынке. Это слишком большая эмоциональная нагрузка. И, наконец, правило, которое тебе, Эд точно понравится, - держите про запас определенную сумму. Прямо как у тебя, Эд - у тебя-то наверняка сейчас при себе сотня тысяч".

"Восемьдесят", - улыбнулся Брэдли.

"Я совершил один из своих самых крупных ходов и получил самую большую прибыль потому, что у меня есть деньги про запас", - Ливермор улыбнулся в ответ. - "А теперь твоя очередь, Эд. Каковы составляющие хорошего азартного игрока?"

"Практически те же, что ты назвал, Джей Эл".

"Должно быть что-то еще".

"Ну что ж, Джей Эл, я знаю, что ты добрый католик, и я никогда не обсуждаю религиозные вопросы, но моя мать прививала мне страх и любовь к Господу, начиная с того времени, когда я начал говорить и до двенадцати-тринадцати лет, когда я сбежал. Так вот, хороший азартный игрок всегда хочет, чтобы на его стороне был Господь. Во-вторых, там у себя на Уолл-Стрит ты живешь в прекрасном воспитанном мире. По крайней мере, тебя никто не бьет, никто не пытается тебя застрелить, что, к сожалению, частенько случается в жизни азартного игрока. Я считаю, что игрок должен знать мужское искусство самозащиты не для того, чтобы задираться, но для того, чтобы никогда не испытывать страха перед другим человеком".

"Люди на Уолл-Стрит занимаются членовредительством и убивают людей с помощью ума и денег", - добавил Ливермор.

"Да, но с помощью лжи, воровства и мошенничества, чего я не терплю", - Брэдли сделал глоток и продолжил. "И, наконец, также как на рынке, необходимо иметь способности к математике и любить ее. Так чтобы пока другие безумолку разговаривают, как все всегда это делают, думать, думать и еще раз думать, рассчитывая

Глава 7.

проценты и подсчитывая возможности. Это обеспечивает человеку финансовый успех - как у тебя, Джей Эл".

"Эд, лестью от меня можно добиться чего угодно". - Ливермор поднял свой стакан, а Брэдли поднял свой с содовой. Они улыбнулись, чокнулись, Великий Медведь Уолл-Стрит и самый успешный азартный игрок Америки.

Зимы, проводимые Ливермором в Палм-Бич, значили для него больше, чем просто отпуск. Они уносили его вдаль от Нью-Йорка и от рынка. Даже, несмотря на то, что он часто играл на рынке из офиса Э.Ф. Хаттона, расположенного в Палм-Бич, для него это было совсем другое, поскольку все происходило в другой атмосфере.

Плюс к этому, его зачаровывал Атлантический океан. Он заставлял его чувствовать себя маленьким. Его жизнь более четко проступала перед ним, когда он выходил в океан. Некоторые из самых серьезных его раздумий происходили во время рыбалки, когда он ловил рыбу на блесну на 100-саженном мелководье в нескольких милях от берега Палм-Бич, вдоль великой подводной впадины, простирающейся от Кубы до Нова Скотии, морского шоссе для большой кочевой рыбы. Или когда его новая *"Анита Венишиан II"* легко шла по волнам, направляясь к Ки Уэст, чтобы половить тарпона, или когда он смотрел на великие закаты Флориды. Океан всегда был захватывающим, всегда переменчивым, он всегда освежал его чувства.

В 1920-е годы Ливермор сделал еще одно важное открытие, которое он применил в своей стратегии заключения сделок:

движение отраслевых групп.

Из своих наблюдений он сделал

заклучение, что когда акции движутся, то они движутся не в одиночку. Они движутся отраслевыми группами. Если "Ю.Эс.Стил" растет, тогда рано или поздно за ним последуют "Бетлхем", "Рипаблик" и "Крушибл". Ливермор отмечал это снова и снова, и это стало для него важным инструментом для заключения сделок. Как показано на рисунках 7.1 и 7.2, со времен Ливермора ничего не изменилось. Автомобильная группа - в данном случае это "Дженерал Моторс" и "Форд" - в основном движется в связке.

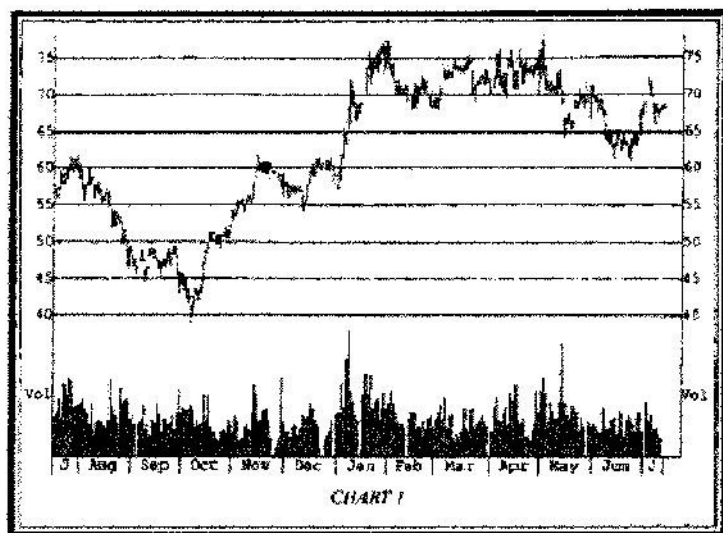

Рис. 7.1 "Дженерал Моторс Корп" с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

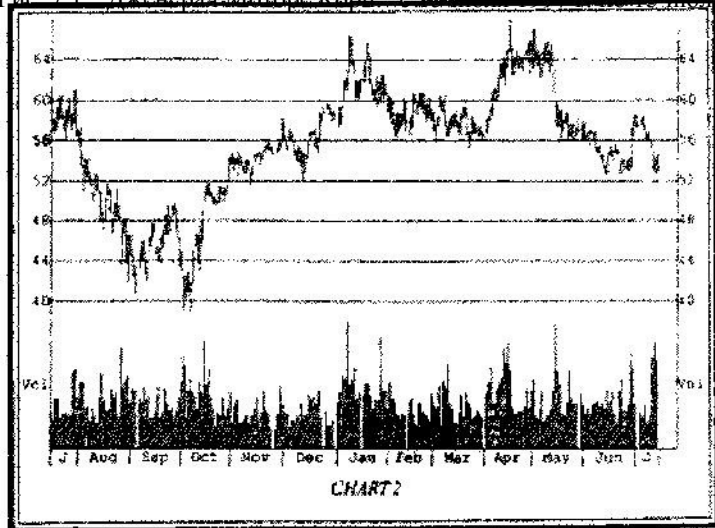

Рис. 7.2 "Форд Моторс" с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

Глава 7

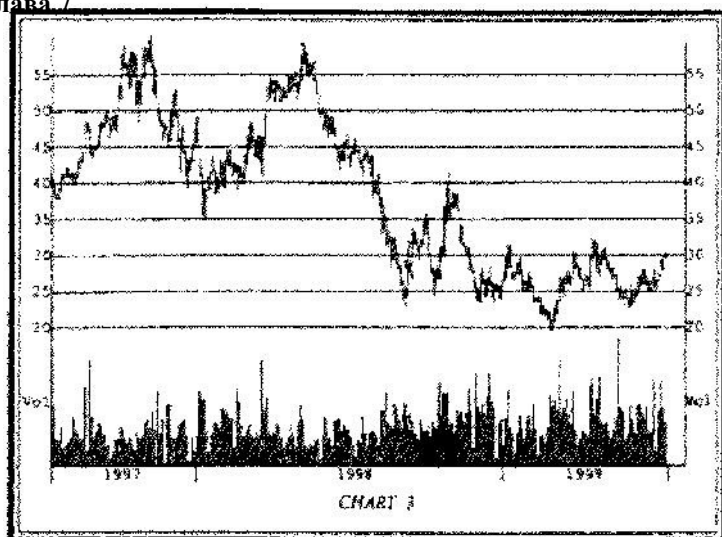

Рис. 7.3 "Трансоушин Оффшор Инк." с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

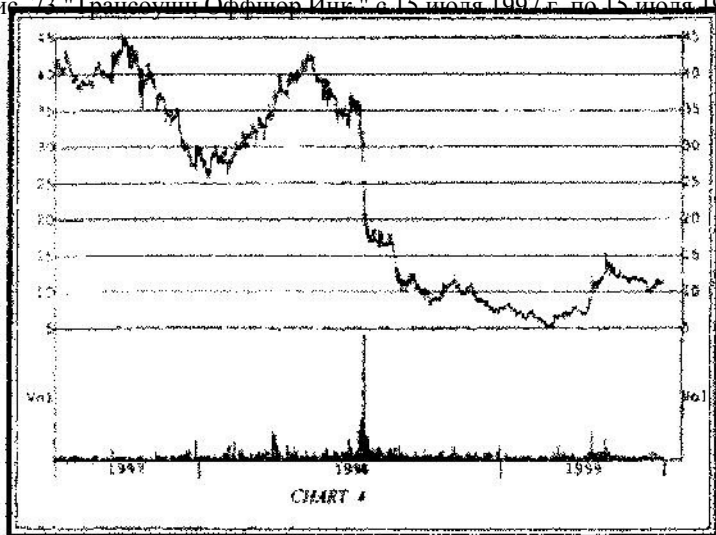

Рис. 7.4 "Тритон Энерджи Лтд." с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

Совершенствуя свою теорию рынка

Предпосылки к движению группы Ливермор считал довольно простыми. Он объяснял их своему сыну Полу так: "Если у "Ю.Эс.Стил" есть достаточные основания для того, чтобы их бизнес пользовался благосклонностью на фондовом рынке, значит, и вся остальная стальная группа должна последовать вслед за ними по все тем же основным причинам. Конечно, это правило справедливо также и для коротких позиций. Когда группа впадает в немилость по каким-либо базисным, веским причинам, то немилость коснется всех акций в этой отраслевой группе".

Например, рисунки 7.3. и 7.4 показывают компании в нефтяной группе. Когда цена на нефть резко упала поздней весной 1998 года, цены таких акций как "Трансоушн" и "Тритон Энерджи", которые являются оффшорными нефтедобывающими буровыми компаниями, упали, поскольку размер их прибыли был поставлен под угрозу. На самом деле все нефтедобывающие буровые компании пострадали от резкого снижения цены их акций.

Для Ливермора важной подсказкой являлось также то, что какой-то конкретный актив в пользующейся преимуществом группе не вырос и не стал процветать вместе с остальными. Это могло указывать на то, что данный актив слаб или нездоров, а, следовательно, может являться хорошим объектом для продажи без покрытия. По меньшей мере, трейдер поостережется покупать любой актив, который не движется вместе со всей остальной группой.

Это правило работает и в обратном направлении - если группа опускается, а один актив движется против тренда и растет, спекулянту следует быть начеку.

Единственным исключением в групповых движениях является случай, когда отдельная акция составляет 50 и более процентов от общих продаж группы - рано или поздно остальные члены группы должны следовать за этим активом. Например, рисунки 7.5 и 7.6 демонстрируют графики "Люсент", ведущей телекоммуникационной компании, и для всей группы телекоммуникационного оборудования и услуг. Ясно, как важен эта доминирующая акция для этой группы - на самом деле в таких случаях ведущий актив, по сути, является группой.

Глава 7.

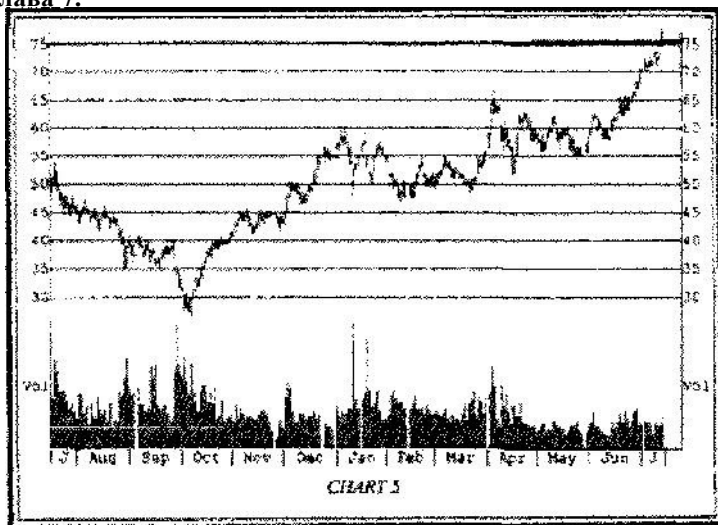

Рис. 7.5. Луссент Текнолоджиз Инк. с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

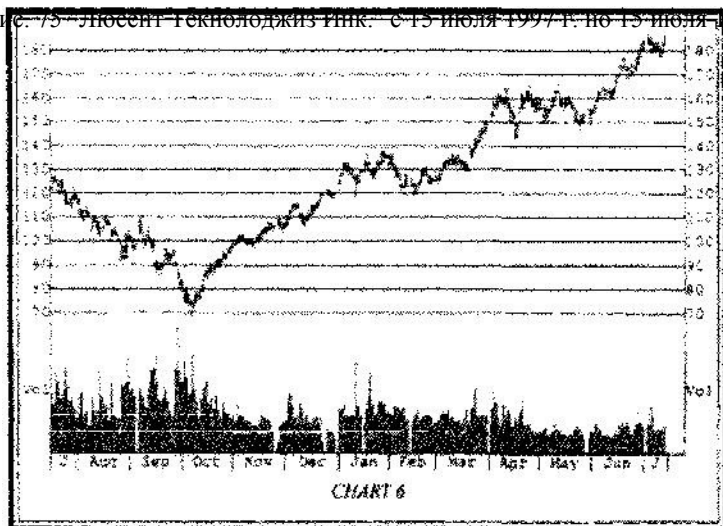

Рис. 7.6. Группа телекоммуникационного оборудования и сервиса с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

Совершенствуя свою теорию рынка

Ливермор верил в заключение сделок с активом-лидером рынка, самым могущественным фондом в группе. Он не искал дешевых покупок, компаний-слабаков; он работал с лидером, якорем группы. Он также заметил, что это не всегда был традиционный лидер. Время от времени более маленький, хорошо управляемый фонд принимал на себя лидерство в группе, возможно, при помощи нового продукта, и вышибал старого лидера.

Ливермор заметил, что группы в целом приобретали и теряли свою популярность при каждом новом крупном бычьем рынке. Лидирующие группы акций на одном рынке, скорее всего не будут являться лидирующими во время следующего основного рынка. А Ливермор отслеживал только лидирующие группы, поскольку считал, что если у него не получается сделать деньги на лидирующих активных акциях, то у него не получится сделать деньги, спекулируя и на рынке в целом.

По опыту Ливермора получалось, что поведение группы фондов было важным ключом к пониманию направления всего рынка, ключом, который большинство трейдеров, как больших, так и маленьких, игнорировали. Он считал, что группы зачастую давали ключ к предсказанию изменений трендов. Когда пользующиеся популярностью группы слабели и падали, это обычно означало корректировку рынка в целом. Именно так он называл изменения на рынке, произошедшие в 1907 и 1929 году - лидеры всегда меняли свое направление первыми.

Ливермор также пользовался этой техникой групповых действий при заключении сделок на товарном рынке.

В личной жизни Ливермора все шло хорошо. В 1919 году Дороти родила сына, Джесси Младшего. Они с Дороти все обсудили и решили, что будет лучше, если их семья разместится за пределами Нью-Йорка. Они стали искать дом и, в конце концов, обосновались в Кингз Пойнт, Грейт Нек на Лонг Айленд.

Купленное ими поместье, Локаст Лон, располагалось на 13 акрах земли, расположенных в красивом месте, одна из сторон поместья граничила с проливом Лонг Айленд. Поместью было больше века и раньше оно было фермой. Дороти с энтузиазмом взялась за ремонт своего нового дома.

Глава 7.

Мать Дороти стала ее постоянной компаньонкой; Дороти выделила в новом доме несколько комнат, спроектированных специально для матери. Дороти ничего не делала, не посоветовавшись прежде со своей матерью. Когда они закончили работать с дизайнерами, они пошли к Джей Элу, и он выписал им чек на требуемую сумму. Поместье было отремонтировано и вскоре наполнилось антикварной мебелью, красивыми картинами, изящным серебром и гобеленами. Один гобелен, стоимостью более 25 000 долларов, составлял 60 футов в длину и изображал греческих воинов и богов в пылу сражения.

Когда два года спустя Дороти с матерью, в конце концов, завершили свою работу, в доме было 29 комнат и 12 ваннных комнат. В цокольном этаже располагался бар, игровая комната и целая парикмахерская. На полный рабочий день с проживанием был нанят парикмахер, в обязанности которого входило брить Ливермора и стричь его каждый день. И у Джей Элла, и у Дороти теперь были большие уборные и ваннные комнаты.

У Ливермора было более 50 изготовленных на заказ костюмов, а также сотни галстуков и сшитых на заказ рубашек. Рост Ливермора составлял 5 футов 10,5 дюймов, но он всегда хотел иметь рост 6 футов, поэтому у него было 20 пар изготовленных по специальному заказу туфель, увеличивающих его рост на 1,5 дюйма.

Когда Дороти или "Мышка", как Ливермор теперь ее называл, закончила перепланировку, она повесила большую медную пластинку над одной из передних колонн, и переименовала Локаст Лон в "Эвермор".

Обеденный стол был сделан из блестящего черного ореха, и за ним свободно могли разместиться 48 человек. Кухонные принадлежности могли бы составить гордость большинства гостиниц. Над гигантскими плитами с вытяжкой трудился постоянный штат из четырех человек, готовя еду, доставляемую из массивных холодильников. Дороти обожала устраивать обеды, где она могла быть звездой и где ей восхищались, а Ливермор участвовал в этом в своей тихой, властной манере.

Совершенствуя свою теорию рынка

Она старалась устраивать как можно больше вечеринок; устраивала их по любому поводу. Даже дамская туалетная комната стала легендой, с ее огромными прекрасными высококачественными зеркалами, окруженными ярко светящимися прожекторами, перед которыми стояли атласные стулья с кисточками и шезлонги, покрытые камкой, где женщины могли расслабиться и поправить макияж, распространяя между тем новые сплетни.

Ливермору все это нравилось, ему нравилось, что ему не приходится планировать или организовывать какие-то детали вечеринок. Это была работа Дороти, и ей это нравилось. Благодаря Дороти он познакомился со многими людьми, включая многих красивых женщин и людей из шоу-бизнеса. К несчастью для Мышки, у него была слабость к женщинам из шоу-бизнеса.

Ливермор пытался ограничить проведение вечеринок выходными днями, когда рынок был закрыт. В рабочие дни, когда рынок был открыт, он придерживался строгой дисциплины, как тренирующийся перед соревнованиями спортсменов. Он ложился спать в 10 и вставал по утрам не позднее 6 часов, чтобы побыть немного в тишине, в одиночестве, и посвятить время стратегическому планированию. Он в одиночестве завтракал в укромном уголке кухни, откуда он мог видеть лужайку, простиравшуюся вплоть до пролива Лонг Айленд, и свою 300-футовую яхту с командой из 14 человек, мерцающую в лучах восходящего солнца. Он мог также видеть яхты, такого же размера, как и у него, принадлежащие их соседям, Альфреду Слоану из "Дженерал Моторс" и Уолтеру Крайслеру. Он отправлялся на работу в Роллс-Ройс с шофером; или же, летом, садился на "Крис-Крафт" от пирса до своей яхты. Затем он на яхте добирался до города. На это уходил примерно час.

После того, как они переехали, Дороти обнаружила, что один из слуг умеет варить пиво, и она построила в цокольном этаже пивоварню. Сухой закон находился на пике. В конце концов, Дороти стала ездить по соседним поместьям и доставлять пиво. Она принимала заказы в пятницу вечером и в субботу утром, и с помощью водителя доставляла пиво на своем

Глава 7.

Роллс-Ройсе с откидным верхом в субботу днем. Иногда за ее Роллс-Ройсом следовал Роллс-Ройс Ливермора, также набитый ящиками с пивом для друзей. Она от души веселилась, смеялась и сплетничала с друзьями, экспромтом отвечая на звонки таких людей, как Уолтер Крайслер, Альфред Слоан, Чарли Чаплин, когда они размещали свои заказы и болтали с ней.

К ним часто заезжал Чаплин, играл партию в бильярд на импортном английском бильярдном столе, то же самое делал и Ливермор. Чаплину нравился юмор Дороти, и он мог часами ее слушать, пытаясь понять, как у нее получается быть такой естественно забавной.

В гостиной стоял рояль "Стейнвей". Ливермор любил оперу и классическую музыку и он часто приглашал знаменитых оперных певцов, таких как мадам Шуман-Хайнк, именитых пианистов и композиторов, звезд Бродвея, популярных певцов петь и играть на вечеринках.

Их существование было романтическим и захватывающим. В 1923 году, прямо перед завершением мебелировки дома, Дороти родила второго мальчика, Пола.

Ливермор активно заключал сделки в течение 32 лет до 1923 года. Ему было 46 лет, но он по-прежнему неутомимо жаждал знаний о выбранной однажды профессии, и он постоянно изучал как техническую сторону рынка, так и его психологию. Он сделал вывод, что на рынке работают миллионы разумов, но существует только одна психологическая модель, которую следовало изучать и понимать. Человеческая природа в основе своей одинакова.

Позднее сыновья Пол и Джесси задали Ливермору важный вопрос: "Папа, почему ты так успешно работаешь на рынке, а другие люди теряют там все свои деньги?"

"Ребята, фондовый рынок нужно изучать, и изучать не от случая к случаю, а глубоко, тщательно. По моим наблюдениям большинство людей более тщательно и внимательно относятся к покупке какой-либо бытовой техники, или покупке машины, чем к покупке акций. Фондовый рынок, со своей

Совершенствуя свою теорию рынка

привлекательностью легких денег и быстротой действий, заставляет людей совершать глупые поступки и бездумно обращаться со своими деньгами, которые так тяжело зарабатываются, как они никогда не стали бы обращаться с любой другой вещью".

"Понимаете, покупка акций очень проста, ее легко осуществить, разместив свой заказ на покупку у брокера, а затем обычный звонок с указанием "продать" завершает сделку. Если получаешь прибыль от такой сделки, то кажется, что это легкие деньги и чтобы их получить, почти не нужно работать. Не нужно приходить на работу к девяти и вкалывать по восемь часов в день. Это просто бумажная операция, не требующая никакого труда. Кажется, что это простой способ разбогатеть. Просто купи акцию за десять долларов, а затем продай её за цену, превышающую десять долларов. Чем больше ты заключишь сделок, тем больше заработаешь, вот как это выглядит. Но это невежество, а невежество опасно".

"Также приходится сталкиваться со страхом, который вы тоже в себе обнаружите, когда вырастете. Страх, также как и жестокость, скрывается под внешней оболочкой нормальной человеческой жизни. Страх, также как и жестокость, может проявиться за доли секунды. Когда появляется страх, оживает естественная тактика выживания, а обычное мышление искривляется. Разумные люди действуют неразумно, когда они боятся. А люди пугаются, когда они начинают терять деньги, их суждения становятся замедленными. Такова наша человеческая природа на данной стадии эволюции. И это нельзя отрицать. Нужно об этом помнить, особенно когда заключаешь сделки на рынке".

"Неудачливый инвестор дружит с надеждой, а надежда идет по жизни рука об руку с жадностью, когда дело касается фондового рынка. Как только вы вступаете в сделку с акцией, возрождается надежда. Это в природе человека, позитивно смотреть на вещи, надеяться на лучшее. Надежда - важная техника выживания. Но надежда, также как и ее двоюродные сестры по фондовому рынку, невежество, жадность и страх, разрушает способность мыслить. Поймите, ребята, фондовый

Глава 7.

рынок признает только факты, реальность, логику, и фондовый рынок никогда не ошибается. Ошибаются трейдеры. Подобно тому, как когда вертится колесо рулетки, маленький черный шарик провозглашает конечный итог, также и на фондовом рынке не имеют значения ни жадность, ни страх, ни надежда. Результат объективный и окончательный и обжалованию не подлежит".

Оба мальчика задумались, а подойдет ли фондовый рынок для них. Или он слишком опасен? Может стоит оставить его отцу?

Ливермор просил не давать ему советов, и он, в свою очередь, не давал никому советов. Он понимал, что во многих случаях советы даются с благими намерениями, людьми, которые действительно желают человеку, которому дают совет, лишь добра. Подсказки могут исходить от родственника, любимого, друга, который только что удачно вложил деньги, и хочет поделиться своей удачей. Его девиз был прост: все подсказки опасны. Они принимают различные формы. Не принимай во внимание ни одну из них.

Случались подсказки, которые распространялись с умыслом, чтобы запустить ложную или вводящую в заблуждение информацию. За этими подсказками обычно скрывались люди, имена которых никогда не разглашались. Подсказки, как теперь знал Ливермор после долгих лет торговли на рынке, могли поступать из любого источника. Их можно принять за настоящую неоспоримую информацию. Уважаемый банкир или влиятельный человек, у которого берут интервью газеты, который провел ряд успешных операций в прошлом, может дать подсказку. Широко известный и хорошо осведомленный человек, который полностью раскрывает крупную позицию в определенном активе, или сотрудник компании может дать подсказку.

И подсказка очень часто бывает не лишена логики. Например: "Наша отрасль подвергалась серьезным убыткам в последние два года и реакция общества была слишком сильной. Наши текущие перспективы никогда не были более радужными.

Совершенствуя свою теорию рынка

Должен сказать, если основываться на объективной оценке, то сейчас мы представляем собой самую выгодную сделку на фондовом рынке".

Случались также подсказки, распространяемые через слухи о грядущем приобретении контрольного пакета акций компании или слияниях. Они легко распространялись и передавались с помощью прессы, очень часто в качестве сенсационных сообщений или эксклюзива.

Были также такие, кто управлял большими суммами денег и честно верил в то, что говорил, и вкладывал свои деньги туда, куда говорил. Они вкладывали много твердой валюты для того, чтобы подтвердить свое мнение и хотели, чтобы общество последовало за ними. Как гласит одна старая мудрость брокерской конторы: "Единственный способ повысить цену актива, это найти простофилю, который его купит".

Ливермор говорил своему сыну Полу: "Я считаю, что общество хочет, чтобы его куда-то вели, инструктировали, указывали, что нужно делать. Они хотят гарантий. Они всегда будут идти скопом, толпой, стадом, группой, поскольку людям нужна безопасность человеческого общества. Они боятся делать что-либо в одиночку, поскольку хотят войти в безопасное стадо, не быть одиноким теленком, стоящим в безлюдной, опасной прерии противоположного мнения, по которой рыщут волки".

"Именно здесь все слегка усложняется, потому что я всегда хотел заключать сделки по линии наименьшего сопротивления, поэтому большую часть времени я обычно двигаюсь вместе с толпой, стадом. Именно когда появлялось изменение в рыночном тренде, в направлении рынка, его было очень сложно уловить и действовать, исходя из этого. Так что я всегда искал ключи к изменениям. Я всегда был готов отделить себя от общепринятого мнения, от группового мышления и пойти в противоположном направлении".

"Это самое сложное время в торговой жизни спекулянта. Эти базовые изменения трендов было сложно уловить, но я не хотел катиться по наклонной вместе с толпой в случае, если не продаж акции без покрытия".

Глава 7.

"Помня об этом, я разработал два правила, которым всегда следовал".

"Во-первых, нельзя все время держать средства на рынке. Очень часто все мои средства были полностью обналичены, особенно когда я был не уверен в направлении рынка и ждал подтверждения следующего хода. Всегда, когда я считал, что близится изменение и не был точно уверен, когда именно это произойдет, или насколько сильным оно может быть, я обналичивал свои позиции и ждал.

"Во-вторых, большей части спекулянтов ущерб причиняет изменение в основном тренде. Они просто оказываются с инвестициями на неправильной стороне рынка, в неправильном направлении. Чтобы определить, прав ли я в своей оценке, что близится изменение рыночного тренда, я пользовался маленькими пробными позициями, размещая маленькие заказы на покупку или на продажу, в зависимости от направления изменения тренда. Я делал это для того, чтобы проверить правильность своих рассуждений".

"Существовали также другие факторы, указывающие на окончание основного рынка. Обычно наблюдалось большое количество сделок, но цены замирали, они не поднимались и не достигали новых высот по ведущим фишкам. Отсутствовало уверенное продолжение движения в текущем направлении. Это был ключ, предупреждение. В конце движения рынка обычно наблюдаются чистые распродажи, когда акции переходят из сильных рук в слабые, от профессионалов к общей массе трейдеров. Для общей массы трейдеров это обманчиво: они видят это большое количество сделок и считают его признаком вибрирующего, здорового рынка, проходящего через процесс нормальной коррекции, не через пик и не через низшую точку".

"Я всегда настороженно следил за показателями количества сделок, как за ключевыми сигналами в конце основного колебания, на всем рынке или по отдельному фонду. Также я заметил, что в конце длинного витка, фондам было не чуждо внезапно совершать резкий скачок вверх с большим

Совершенствуя свою теорию рынка

количеством сделок, а затем останавливаться, переворачиваться на вершине, выдохшись, и отступить, так никогда и не достигнув "новой высоты" до того, как начнется крупная коррекция".

"Этот последний рывок с большим количеством сделок также дает прекрасную возможность ликвидировать любые большие неликвидные пакеты акции. Я знал, что глупо пытаться поймать верхние и нижние точки колебаний. Всегда лучше продавать большие пакеты акций на растущем рынке, когда на рынке заключается большое количество сделок. То же самое справедливо и относительно коротких позиций; лучше всего закрывать короткую позицию после крутого стремительного снижения.

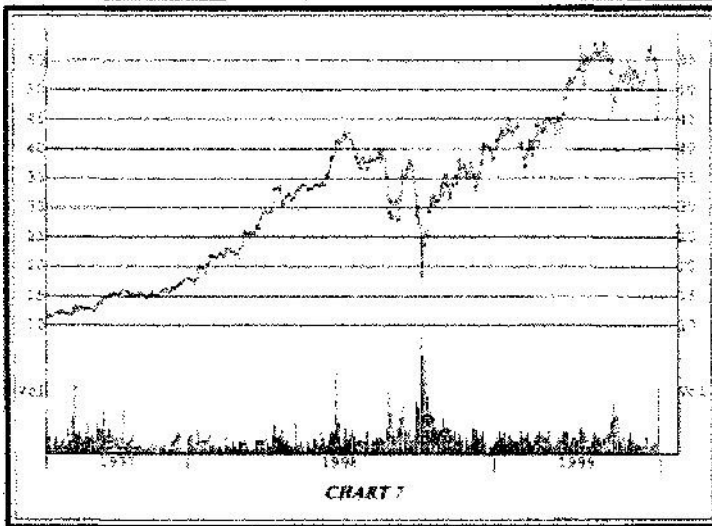

Рис. 7.7 Финансовая корпорация "Кэпитэл Уан" с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г. Рисунок дает нам пример. Огромное количество сделок по «Кэпитэл Уан» и направленный вниз скачок цен в начале октября 1998 года показывают явную кульминационную низшую точку с высоким количеством сделок, которая указывает на то, что нисходящий тренд изменился. Количество сделок часто является ключевым подтверждающим сигналом, указывающим на смену направления.

Глава 7.

"Запомните: самое важное для успешной спекуляции - определить направление линии наименьшего сопротивления. Встаньте спиной к ветру, расправьте паруса и легко плывите вперед. Старайтесь, чтобы ветер не дул вам в лицо, а когда рынок войдет в полосу штиля, которая никуда вас не приведет, раскачиваясь вперед-назад, тогда бросайте игру, сделайте перерыв, развлекитесь, съездите на рыбалку".

"Возвращайтесь на рынок, когда ветер вновь набрал силу и можно хорошо идти под парусами. Оставаться не у дел активному трейдеру всегда тяжело, но со временем я осознал, что в определенные периоды просто необходимо уходить с рынка. Нет ничего более важного, чем ваше эмоциональное равновесие".

5 октября 1923 года для того, чтобы попрактиковаться в применении своих новых техник и теорий, офис Ливермора переехал в жилые кварталы, с Бродвея, дом 111 на Пятую Авеню, дом 730, здание Хекшера. Он тщательно продумал дизайн своего офиса. Он хотел, чтобы офис был удален от атмосферы Уолл-Стрит, находился вне зоны досягаемости любых подсказок. Он также хотел добиться большей секретности своих операций и большей безопасности, так чтобы никто не знал о его сделках.

Он нанял Гарри Эдгара Даша в качестве своего помощника, боксера-гиганта, чей невероятный размер создавал неправильное представление о его уме. Даш служил на торговом флоте и объездил весь мир. Он говорил на шести языках, включая латинский. Он жадно поглощал книги, обладал обширными знаниями во многих областях и был потрясающим администратором. Он управлял офисом в атмосфере секретности и довел его работу до совершенства. Он был абсолютно предан Ливермору и очень его оберегал. Мальчики обожали Даша; Джесси-младший и Пол были очарованы волшебными рассказами о путешествиях по семи морям. Он был их неофициальным наставником, шофером, компаньоном и телохранителем, особенно тогда, когда они отправлялись в Палм-Бич.

Совершенствою свою теорию рынка

В приемной нового офиса Ливермора не было окон, только несколько стульев и стол Даша. За Дашем находилась крепкая дверь от пола до потолка, ведшая в частный кабинет Ливермора. Ни на одной из дверей не было вывески или какого-либо указателя. Когда кто-то приходил посетить Ливермора, Даш всегда сначала просил Ливермора подтвердить встречу по внутренней связи. Затем он вставал из-за стола и своим ключом открывал дверь посетителям. Это был театрализованный ритуал, который Даш выполнял для того, чтобы показать посетителю, как сложно попасть в святая святых офиса великого трейдера.

За дверью находилась большая комната с зеленой доской, которая шла по всей стене комнаты. По меньшей мере, четыре ассистента работали в тишине, каждый на своем участке доски, отвечая за определенные фонды или товары, по которым Ливермор заключал сделки или за которыми он пристально наблюдал. Все ассистенты были в телефонах с наушниками, которые соединяли их со специальными людьми в операционном зале биржи, которые могли назвать котировки по каждой отдельной операции с фондом - предложение, запрашиваемую и продажную цену. Это давало Ливермору преимущество перед телеграфной лентой, которая обычно поступала с опозданием в 15 минут. Ливермор хотел получать самую свежую информацию, какую только возможно получить. Еще будучи молодым человеком, он понял, насколько важны свежие котировки.

Если Ливермор был активен по нескольким акциям или товарам, он часто увеличивал штат работающих с доской с четырех до шести человек. Эти ассистенты работали весь день на подиуме в тишине, прерываясь только на время обеда, когда их обычно заменял Даш, так чтобы ни одна котировка не была утеряна. Эти ассистенты всегда отслеживали по два и более актива в одной и той же группе. Если Ливермор заключал сделку по "Дженерал Моторс", то он также отслеживал и "Крайслер", чтобы наблюдать групповые действия.

Посреди офиса стоял массивный стол для совещаний из блестящего красного дерева с восемью удобными кожаными офисными креслами. В редких случаях, когда у Ливермора в

Глава 7.

офисе были гости, он сидел лицом к доске так, чтобы слушая собеседника, наблюдать за котировками. Очень часто он прекращал встречу, чтобы пойти в офис и совершить какие-то операции в одиночестве.

Личный кабинет Ливермора был очень большим, он был отделан панелями из дуба и красного дерева. На его столе стояли полки для входящей и исходящей корреспонденции, лежал блокнот и карандаш и ничего больше. Вся стена вдоль огромного стола из красного дерева состояла из чистого зеркального стекла, так что он мог видеть действия рынка на доске по мере их развития.

На столе стояло три черных телефона. Один имел прямую связь с Лондоном, второй - с Парижем, а третий - с Чикагскими зерновыми биржами. Ливермор хотел все знать из первых рук, иметь свежую информацию, и он был готов за это платить. Он знал, что войны выигрываются при помощи информации - разведки - и что именно генерал с более высоким интеллектом, скорее всего, выиграет. Он не хотел "военных слухов" - он хотел обладать точной, конкретной информацией.

Пол Ливермор, его сын, часто приходил к нему на работу, особенно когда он подросток, особенно во время летних каникул. Иногда ему разрешили поработать на доске. Ассистентов, работающих на доске, обучали работе с шифрами. Если цена актива начинала внезапно сильно колебаться, они использовали секретный шифр для того, чтобы обозначить это на доске. Только сотрудники, работающие на доске, и Ливермор знали эти шифры. Именно это Ливермор позднее раскрыл в качестве своего ключа к рынку. Иногда случалось, что гости офиса спрашивали: "Джей Эл, что это за загадочные знаки на доске, какие-то иероглифы?"

"Для меня они имеют значение", - отвечал, бывало, Ливермор.

"Объяснишь?"

"Нет", - бывало, улыбался он. - "Если я объясню, ты будешь умнее меня".

Совершенствою свою теорию рынка

"Просто скажи мне, что покупать и продавать, и когда. Объясни мне попроще".

"Знаешь, я никогда не стал бы рекомендовать акции, но я с удовольствием скажу, когда, по моему мнению, рынок идет вверх или вниз".

"Он всегда идет вверх или вниз, Джей Эл".

"Ты, конечно, прав, но фокус в том, *когда* он соберется идти вверх или вниз".

"А что сейчас пойдет вверх или вниз, Джей Эл. Не забывай, главное, что за акции идут вверх или вниз - вот что мы хотим знать. Какая акция вырастет и когда".

"Любой, кто знает общее направление рынка, должен суметь преуспеть".

"Ну хорошо, Джей Эл, как скажешь".

Однажды Ливермор сидел в своем офисе, разговаривая со своим сыном Полом. "Обернись, Пол, и посмотри на доску", - приказал Ливермор. Пол обернулся и стал наблюдать за ассистентами по мере того, как они двигались вдоль подмостков, как танцоры в хорошо поставленном танце.

Ливермор продолжил: "Видишь ли, сынок, эти отметки на доске понятны мне как музыкальная партитура великому дирижеру. Я считаю символы живыми, чувствую ритм, пульс, который звучит для меня как прекрасная музыка. Для меня все здесь понятно".

"Для меня эта доска как живая, как музыка. Мы можем взаимодействовать. Это пришло ко мне только после долгих лет тяжелой работы и практики, похоже на то, как в случае с великим дирижером великого оркестра. Тем, что я действительно чувствую, когда я смотрю на доску, я не могу поделиться, точно так же как дирижер не может словами выразить то, что он чувствует, когда играет Моцарта так, как это должно быть сыграно. Доска и эти люди играют для меня симфонию, симфонию денег, которая поет для меня, которая любит меня, которая раскрывает меня в своей песне".

Глава 7.

Пол посмотрел на своего отца и поверил каждому его слову. Для Пола это был редкий момент такой тесной близости с отцом, который был настолько замкнут, скуп на эмоции, скарден в любви.

ГЛАВА 8

Биржевые пулы и скандалы

Принципы успешной спекуляции на фондовом рынке основаны на предположении, что люди в будущем продолжат совершать те же ошибки, которые они делали в прошлом.

Томас Вудлок

Биржевые пулы и скандалы

*ЛИВЕРМОР ЛЮБИЛ ИГРАТЬ В КАРТЫ, ОСОБЕННО В
БРИДЖ.* Каждый понедельник вечером он, как правило, играл

J

партию Альфреда Слоана, и, обычно, своего доброго друга
в Гарри Аронсона, торговца шелком, живущего в Нью-Йорке.
бридж, Аронсон был чрезвычайно богат, и любил наблюдать за
игру с Ливермором и его работой над понижением курса. Изредка он
высоки также участвовал в давлении на курс. Тогда он заходил в офис
ми Ливермора и сидел там молча, просто наблюдая, как работает
ставкам великий трейдер.

и, в Однажды Ливермору позвонили в офис от Эли
своем Калбертсона, мирового чемпиона по игре в бридж.
доме в "Господин Ливермор, я так понимаю, что вы довольно
Грейт хорошо играете в бридж", - сказал Калбертсон.
Нек. Он, "Да, мы иногда с друзьями играем партию-другую. Но не
бывало, на Вашем уровне, господин Калбертсон".
пригла "Пожалуйста, называйте меня Эли".
шал "Хорошо, а вы называйте меня Джей Эл".
своих "Я хотел попросить вас об одолжении. Мне сказали, что
соседей вы очень искусно обращаетесь с числами, и мне стало
, интересно, не смогли бы вы просчитать для меня некоторые
Уолтер вероятности. Ну знаете, вероятность того, что сработают
а определенные прорезывания и определенный подсчет очков,
Крайсл определенные прорезывания и определенный подсчет очков,
ера и

Глава 8.

вероятность осуществить игру, набрав определенное количество очков, и тому подобное".

"Ну что ж, Эли, давайте мне свои задачи, а я посмотрю, что можно сделать".

Калбертсон провел следующие полчаса, обозначая круг своих вопросов к Ливермору, который делал специальные пометки. Неделью спустя, он пригласил к себе Калбертсона и зачитал ему ответы. Калбертсон был впечатлен. Ливермор пригласил его присоединиться к игре по вечерам в понедельник.

"Боюсь, что вы для меня слишком богаты, чтобы играть с вами в такие игры, Джей Эл".

Возникла пауза. "Послушайте, не беспокойтесь о деньгах, любой, у кого вы будете партнером, покроет ставку за Вашу команду, а если команда выиграет, вы можете оставить себе деньги. Мы все просто насладимся игрой с вами. Я позвонил ребятам, и они считают, что это будет здорово, сыграть с лучшим игроком в бридж в мире. Не беспокойтесь о деньгах. Идет?"

"А что я теряю?"

"Хорошо. Я передам вас заботам Гарри Эдгара Даша, управляющего моим офисом. Он получит от вас всю необходимую информацию, так чтобы мы смогли прислать за вами машину. Я приглашаю вас переночевать у нас; у нас полно спален. Игра никогда не продолжается после десяти часов вечера в рабочие дни. Мы начинаем в шесть, а в восемь ужинаем бутербродами".

"Тогда договорились, увидимся в понедельник вечером".

Они включили Калбертсона в игру, уравнив условия для всех; тот, чьим партнером оказывался Калбертсон, штрафовался на 1000 очков. Но все они были настолько хорошими игроками, что они вскоре отменили штраф и стали играть по-честному. Так игра становилась более сложной задачей. Ливермор со своими друзьями были необычайно взбудоражены возможностью сидеть и играть с, а иногда и против, лучшего игрока в бридж в мире.

Биржевые пулы и скандалы

Именно потому, что Ливермор с друзьями все любили играть в карты - в покер, джин и бридж - Дороти придумала "пульку на яхте". Однажды вечером в понедельник она зашла с дворецким, который нес бутерброды, слишком рано, и прервала игру. "Ребята, у меня есть для вас идея. Видите ли, ваши жены, в том числе я, тоже любим играть в карты. Так что может быть вы рассмотрите возможность пульки на яхте. У вас же у всех яхты стоят позади дома, также как и у нас. Так что почему бы нам не взять одну яхту и не прокатиться до Уолл-Стрит, вместо того, чтобы каждому из вас идти на своей? Тогда вы могли бы играть в карты всю дорогу туда и обратно, особенно летом, когда такая хорошая погода".

"А вам-то какой из этого прок, Мышка?" - спросил Ливермор.

"Ну, тогда мы с девчонками могли бы играть на других яхтах или даже отправиться в круиз".

Мужчины рассмеялись, а на следующее утро была сформирована единственная пулька на яхте в Америке.

В середине 20-х годов XX века всем на Уолл-Стрит было хорошо известно, что Ливермор является одним из наиболее умелых трейдеров на рынке. Пресса часто преувеличивала его репутацию, чему способствовала загадочность и секретность, с которыми Ливермор заключал сделки. Иногда он пользовался услугами до 50 брокеров, чтобы скрыть свою торговую деятельность; никому не удавалось легко до него добраться. Для прессы он был загадочным человеком с Уолл-Стрит, молчаливым и скрытным.

На этом историческом этапе с начала века и до конца 1920-х годов, обычным делом было формирование пулов по различным фондам. Эти пулы составлялись из инвесторов и осведомленных людей, которые объединяли свои финансовые ресурсы в рамках своего фонда для достижения определенного результата. Это делалось для того, чтобы контролировать бурные колебания, которые могут произойти, если большие блоки акций будут внезапно выставлены на продажу по бумаге с

Глава 8.

небольшим количеством сделок. По крайней мере, именно такая теория предлагалась их сторонниками: объединение создает упорядоченный рынок. На самом деле в большинстве случаев они просто были заинтересованы в том, чтобы сбыть акции общей массе трейдеров настолько быстро и по настолько высокой цене, насколько это возможно.

Когда индивиды внутри пула хотели избавиться от своих акций, то чтобы продать свои бумаги, они зачастую обращались к профессионалам фондового рынка, таким как Ливермор. Обычно это делалось профессионалом фондового рынка за определенную плату. Ливермор предпочитал получить ряд "коллов"¹¹ по бумаге, так чтобы он смог купить акции по

предварительно установленным ценам. По мере того, как цена акции на бирже росла, у него появлялся шанс купить их по более низкой цене, применить колл и получить прибыль. Он часто пользовался своими собственными деньгами для того, чтобы подготовить рынок к распродаже акций пула. Таким образом, ему никому не приходилось объяснять свои действия.

Манипуляции с рынком были общим местом на фондовом рынке начала века, строгих правил, запрещающих этот вид заключения сделок, не существовало. Это не считалось нелегальным до тех пор, пока не печатались какие-либо ложные или обманчивые заявления. Но противозаконным считалось проведение *фиктивных продаж*, в которых фонд покупался и

продавался только членам пула. Это оживляло фонд и просто стимулировало рост цены по мере того, как фонд передавался туда-сюда через одни и те же руки.

Ливермор видел много манипуляций и почти все уловки, описанные в книгах, когда дело доходило до искусственного повышения или понижения фонда. Следовательно, у Ливермора всегда был объективный выбор, каким пулом управлять. К нему регулярно с этим обращались. Если он считал, что положение складывается в пользу пула, он становился трейдером пула.

¹¹ Опцион «колл» - право купить в течение определенного срока ценные бумаги или товар по обусловленной цене с предварительной уплатой премии.

Биржевые пулы и скандалы

Сначала он оценивал компанию, чтобы убедиться, что она подает надежды и может законно поддержать рост цены акции. Во-вторых, он должен был быть уверен, что здесь нет вероятности банкротства или длительных потерь прибыли. Затем он применял свои основные правила заключения сделок, проверял функционирование актива до того, как он говорил "да". Общая линия наименьшего сопротивления фондового рынка также должна была быть положительной. Ливермор был уверен, что никакая манипуляция не может заставить фонд вырасти в атмосфере медвежьего рынка.

Ливермор всегда очень настороженно относился к своим партнерам во время любой операции в рамках пула. Они довольно часто пытались манипулировать манипулятором. Он пользовался биржевой лентой, чтобы извещать всех о своей деятельности в рамках любой операции пула, в которой он участвовал. Он знал, что существуют тысячи людей, которые также как он следят за значениями, которые вырастают почти мгновенно, когда фонд начинает выходить за рамки своей обычной модели, с ростом количества заключаемых сделок и резким скачком цен вверх. Он знал, что это породит интерес других трейдеров и немедленно приведет на рынок новых игроков с новыми покупательными способностями. Это обычно называлось *"раздуванием активности"*.

Ливермор также знал, что рост активности неизбежно привлечет играющих на понижение игроков, которые поставят на отрицательное развитие событий на рынке, вычислив, что это была лишь игра пула. Этих игроков можно в дальнейшем было зажать, поднимая цену. Тогда им придется скупать акции и закрывать свои короткие позиции. Это тоже ведет к росту цены.

Стратегия Ливермора заключалась в том, чтобы построить серьезную базу для акции на пути вверх, подготовив базу для того, чтобы избавиться от огромного количества акций пула с помощью рынка. Он изучал действия других великих управляющих пулами, таких как Джеймс Р.Кин, Джей Гоулд и

Глава 8.

коммодор Вандербильт. Их стратегия была проста: манипулируй активом до самой высокой возможной точки, а затем продай акции пула на самой верхней точке и на пути вниз, пока рынок переворачивается.

Ливермор знал психологию: когда актив оживал, оживала и жадность других спекулянтов и инвесторов. Он особенно любил сонные бумаги, которые он мог разбудить, но он никогда не нарушал своего основного правила заключения сделок, состоявшего в том, чтобы сначала определить линию наименьшего сопротивления. Ливермор считал, что по-другому невозможно поднять цену, вне зависимости от того, насколько силен был пул.

"Телеграфная лента - это лучшее средство распространения подсказок", - говорил Ливермор своим друзьям. Для него это срабатывало. Часто его партнеры доставляли ему больше забот, чем манипуляции с акцией.

В отличие от своего обычного метода заключения сделок за свой собственный счет, когда он продавал на *растущем* рынке, когда Ливермор руководил пулом, он продавал основную массу акций пула на вершине и на *снижающемся* рынке.

Если актив резко и слишком быстро снижался в цене, он переставал продавать и, возможно, даже покупал небольшое количество для поддержки, до тех пор, пока общая масса трейдеров не возвращалась на рынок. Он знал психологию обычных трейдеров, которые часто *хотели бы* продать на самой верхней точке, а в результате они ждали и не продавали, пока цена не снижалась на четыре-пять пунктов ниже верхней точки. Он держал свою биржевую позицию и ждал сильного оживления, которое, по его мнению, было неизбежным. Он сидел и ждал оживления, которое может стимулировать акции к подъему на прежние высоты.

Также Ливермор знал, что людям нравятся выгодные сделки. Это в человеческой природе — пытаться купить актив, когда он дешев и продать, когда он дорог. Люди часто считают, что актив дешев, потому что его цена ниже, чем несколько дней назад, хотя на самом деле он может снижаться и дальше.

Биржевые пулы и скандалы

Ливермор знал, что мудрый трейдер ждет, пока твердо установится нижний уровень и осуществляет пробные сделки прежде, чем вступить в игру и купить актив.

Общая масса людей более склонна верить, что то, что происходит, будет продолжаться, независимо от того, что произошло, а пулы зависели от этого. Актив, цена на который внезапно оживилась, будет продолжать расти в цене. Обычно это подкреплялось тщательно сфабрикованными сделками, запускаемыми своим человеком согласно определенному плану.

Ливермор знал, что продавать на снижающемся рынке, было извечным способом добиться распродажи. Разбуди спящий актив, позволь телеграфной ленте рассказать спекулянтам и инвесторам, что актив ожил, дай телеграфной ленте возможность подсказывать. Большинство продает во время снижения, а не во время повышения. Это был ключ к манипулированию активом и достижению распродажи больших количеств акций большими операторами пулов - и это остается ключом с тех времен, поскольку человеческая природа никогда не меняется.

Это одна из причин, почему как опытные, так и неопытные фондовые спекулянты подвергаются манипуляции и часто обманываются. Они уверены, что хорошо осведомленные люди сбывают свои акции во время его стремительного роста. Они часто ошибаются. Большая часть акций пула или людей, владеющей конфиденциальной информацией, обычно сбывается общей массе после того, как актив достиг гребня, новых высот и перекатился через них, начиная свой спад. Это часто является причиной того, почему акция не может достичь новой высоты - просто на рынке слишком велико предложение. Очень часто именно информированные распродажи делают для акции невозможным рост цены.

Ливермор хорошо об этом знал по своим собственным сделкам. Это было одной из причин, почему новые высоты были для него так важны. Настоящая новая высота означала, что актив пробился сквозь чрезмерное предложение акций - и теперь его вновь накапливают и, что самое важное, линия

Глава 8.

наименьшего сопротивления направляется резко вверх. Он был почти единственным, кто так думал в 1920-е годы. Когда большинство людей видели, что актив достиг новой высоты, они немедленно его продавали и искали более дешевый актив.

Ливермор давно осознал, что фондовый рынок никогда не бывает очевидным. Он был устроен так, чтобы дурить большинство людей большую часть времени.

Его правила были основаны на противоестественной логике: быстро сокращайте свои расходы; давайте своим прибылям плыть по течению, если только у вас нет серьезной причины закрыть позицию; действовать следует с ведущими фишками, которые меняются с каждым новым рынком; новые вершины следует покупать в переломные моменты; дешевые активы зачастую не представляют собой выгодных сделок, поскольку вероятность того, что они вырастут в цене, невелика. Фондовый рынок - это циклическое явление. Он никогда не поднимается все время, и никогда не опускается все время, но когда он меняет направление, то остается в этом новом тренде до тех пор, пока его не остановят. Ливермор никогда не противодействовал тренду.

В июне 1922 года Нью-йоркская фондовая биржа внесла бакалейные магазины "Пигли Уигли" в свои списки для заключения сделок. Основателем и владельцем этой сети розничных магазинов был Кларенс Сандерс, тучный 40-летний человек из Мемфиса, Теннесси. Были выпущены акции и актив сразу же дрогнул, значительно снизившись в цене.

Сандерс, расстроенный по поводу биржевой цены, собрал 10 миллионов долларов . и пришел на Уолл-Стрит, чтобы поднять цену фонда. Он сразу пошел к Ливермору. В результате их партнерства появился последний корнер в истории Уолл-Стрит.

"Господин Ливермор, я хочу поднять цену своего фонда. У меня есть средства в размере 10 миллионов долларов, которыми можно воспользоваться для достижения этой цели. Возьметесь?"

"Сейчас он продается по 35 долларов. Он стоит больше?"

Биржевые пулы и скандалы

"Да, он был выпущен по 50 долларов и это сильно заниженная цена".

"Сколько акций на рынке?" - спросил Ливермор.

"Флоут двести тысяч. Остальное - у меня".

"Когда вы хотите начать?"

"Хоть завтра".

"Дайте мне несколько дней, господин Сандерс, чтобы все проверить".

"Хорошо. Вы не сказали, сколько будут стоить ваши услуги".

"Обычно я не беру платы, я просто беру расписание коллов по фонду. Но это уникальная ситуация, поэтому давайте договоримся о справедливом вознаграждении позже".

Ливермор проверил ситуацию на рынке, и они встретились несколько дней спустя.

"Хорошо, господин Сандерс, я думаю можно заключать сделку. Я хочу двадцать процентов роста стоимости фонда".

"Это справедливо. Вы можете начать прямо сейчас?"

"Я начну завтра".

На следующий день, воспользовавшись 10- миллионным фондом Сандерса, Ливермор спокойно начал скупать акции на открытом рынке. К концу первой недели он купил 105 000 акций из общего флоута в 200 000. Он вернулся к Сандерсу.

"Господин Сандерс, у меня получилось купить больше половины флоута, и цена не пошевелилась. Она по-прежнему составляет 35 долларов".

"Что это значит, черт побери?!"

"Это значит, что к вашему активу нет интереса".

"Проклятие! Будет! Воспользуйтесь деньгами, которые я вам дал. Они же для того и предназначены! Акция стоит намного больше, чем 35 долларов. Продолжайте работать!"

Ливермор вновь вернулся на рынок, и к марту 1923 года

Глава 8.

он поднял цену до 70 долларов. Теперь он стоял перед самым серьезным решением всей своей карьеры. Уолл-Стрит среагировала на то, что по "Пигли Уигли" сформирован корнер. Но большинство трейдеров думали, что это работа пула, возглавляемого неопытным владельцем, Сандерсом, пытающимся избавиться от своего фонда. В результате эти опытные трейдеры начали играть на понижение фонда, занимая его сейчас, чтобы затем отдать, когда придет время выкупать его назад.

Ливермор обнаружил проблему к тому времени, когда он собрал 198 000 акций для Сандерса из флота в 200 000 акций. Проблема была в том, что его друзья на Уолл-Стрит были в очень уязвимой позиции. Они могли разориться. Он зашел навестить Сандерса.

"Ливермор, вы проделали серьезную работу. Вы добились того, чтобы цена фонда выросла выше 70 долларов, и на рынке больше нет фонда, который можно было бы купить. Я хочу, чтобы вы потребовали поставки всех акций, которые были заняты, чтобы закрыть позиции, которые были проданы без покрытия".

"Это приведет к росту цены до..."

"Любого уровня, до какого мы захотим!" - усмехнулся Сандерс. - "Пока я не решу продать этим чопорным свиньям немного из своего фонда".

"Я не буду этого делать. Это неразумно".

"О чем вы говорите? Что значит "не буду"? Мы заключили сделку!"

"Слишком много моих друзей разорится. Я не заключал сделки на то, чтобы уничтожить своих друзей".

"Вы с ума сошли, Ливермор? Как вы можете считать друзьями тех, кто играл на понижение актива, которым вы управляете?"

"Это часть игры, господин Сандерс. Все уравнивается".

"Может быть, это часть *вашей* игры. Но не *моей*."

Они

Биржевые пулы и скандалы

игнорировали мой фонд, и теперь они заплатят за это". Он внимательно посмотрел на Ливермора, но тот оставался безучастным. - "И, Ливермор, что вы имели в виду, сказав, что "это неразумно", повышать цену?"

"Это приведет фонд к внезапному скачку цен. Другие трейдеры узнают, что это искусственно созданная ликвидация позиций играющих на понижение спекулянтов с убытком, и что на самом деле на ваши акции нет настоящего спроса, поэтому они отложат актив в сторону, и, в конце концов, он рухнет как камень".

"Пустые слова! Вы сейчас говорите так из-за друзей, потому что я взял их за горло и собираюсь свернуть им шею. Они меня не жалели, и это моя единственная игра на Уолл-Стрит. Я не такой крупный игрок как вы, у кого есть сотни вариантов, из которых можно выбрать. Кроме того, вы получаете двадцать процентов от суммы прибыли, когда стоимость фонда превышает 35 долларов. Мы можем сделать так, что цена фонда вырастет выше 100 долларов. Это целое состояние".

"Оставьте его себе. Я выхожу из игры, если вы потребуете поставки акций".

"Вы никогда не слышали, что Дэниэл Дрю говорил о людях, которые продают без покрытия? "Тот, кто продает то, что ему не принадлежит, должен выкупить это или сесть в тюрьму".

"Да, я уже слышал это раньше, господин Сандерс, и я также слышал следующее: "Не рой другому яму, сам в нее попадешь". Я собираюсь работать здесь еще долго-долго".

"Ну что ж, если это ваше последнее слово, тогда удачи вам. Спасибо за помощь, извините, что не получили за труды денег".

"Ничего, будут и другие сделки. До свидания, господин Сандерс". - Ливермор вышел из офиса Сандерса.

На следующий день Сандерс сделал то, что и собирался. Он потребовал поставки всего фонда, который находился в займах, чтобы закрыть короткие позиции. За несколько часов фонд вырос в цене с 70 до 124 долларов.

Глава 8.

Но на Уолл-Стрит родился мистический слух, что Сандерс совершил корнер по фонду. Это было против новых биржевых правил. Слух достиг совета управляющих, которые в тот же день вмешались и приостановили торги по "Пигли Уигли". Фонд рухнул как камень до 82, поскольку слух оказался правдой. С друзьями Ливермора все было в порядке, они были в безопасности.

Позднее Сандерс обанкротился. Но он никогда не прекращал говорить о том, как он держал победу над рынком в своих руках, и как сильно его скрутил этот мошенник Ливермор со своими подлыми друзьями.

Ливермор всегда был загадкой для прессы. Он никогда не подтверждал и не отрицал слухи, преследующие его сделки. Предполагалось, что он потерял 8,5 миллионов долларов на "Мексикан Петролеум" ("Мексикан Пит"), потому что он играл на понижение этого актива на вышедшем из-под контроля бычьем рынке. Актив непрерывно рос в цене и вырос на 75 пунктов, и как сообщалось, поймал многих инвесторов в ловушку на неправильной стороне рынка. По слухам, Ливермор вошел в список пострадавших.

"Господа, господа, я не буду ни подтверждать, ни отрицать то, о чем вы меня спрашиваете по "Мексикан Пит", - сказал он *"Нью-Йорк Таймс"* 29 июня 1922 года.

"Почему, сэр?" - спросил один репортер.

"Потому что я не хочу испортить хорошую шутку".

"Да нет уж, портите, господин Ливермор, расскажите нам, что случилось. Мы слышали, что вы с друзьями потеряли восемь с половиной миллионов долларов, и что вы решили вопрос частным образом, чтобы выбраться из ловушки, в которой вы оказались".

"Нет, мне слишком весело, чтобы все испортить. Я получаю слишком много удовольствия, чтобы беспокоить вас фактами", - улыбнулся Ливермор. - "Послушайте, ребята, вы напечатали информацию, что фонд ушел от меня наверх в тот день, когда я посещал службу памяти Лилиан Расселл. Я никогда не ходил на подобные мероприятия, но в тот день я ушел из

Биржевые пулы и скандалы

офиса в пять. У меня есть свидетели, которые могут это подтвердить, о чем я уже говорил вам вчера, но вы все равно напечатали то, что хотели".

"Просто расскажите о "Мексикан Пит" и о том, какие убытки вы понесли, господин Ливермор", - сказал репортер *"Таймс"*.

"Вы напечатали, что я уладил дело с группой "Мексикан Пит", чтобы закрыть свои короткие позиции по 225 долларов за акцию. Эту информацию вам дал кто-то на бирже. В то же самое время, в четыре вечера, когда я, по вашим предположениям, улаживал дела с "Мексикан Пит" со своим юристом, своим другом, присутствующим здесь господином Догени (E.L.Doheny), я на самом деле был в Пафкипси и наблюдал за регатой. И у меня есть свидетели, чтобы подтвердить и это".

"Значит, вы все отрицаете?" - закричал репортер.

"Того, что я сказал для любого здравомыслящего человека достаточно, чтобы сделать свои собственные выводы касательно того, был ли я среди тех, кто попался в ловушку, играя на понижение "Мексикан Петролеум". Но я вынужден сказать, что помимо всего прочего, если бы я действительно был среди тех, кто попался, играя на понижение "Мексикан Петролеум", я бы принял свое поражение на рынке и выкупил бы обратно акции, чтобы закрыть свою позицию, независимо от того, какова была бы цена. Господа, я никогда в жизни не решал вопросы частным образом, и не собираюсь этого делать".

"А как насчет истории, опубликованной вчера, о том что вы попались с сотней тысяч акций, господин Ливермор?"

"Репортер, который написал эту статью, должно быть, неопытен и не разбирается в том, как решаются вопросы на Уолл-Стрит. По крайней мере, он должен был наделить меня достаточным интеллектом, чтобы не продавать без покрытия почти все находящееся в обращении количество акций "Мексикан Петролеум". Если бы этот репортер действительно знал, сколько акций "Мексикан Пит" я приобрел в тот день, когда предполагалось, что я нахожусь в Хипподроме, такие нелепые истории не были бы напечатаны".

Глава 8.

В течение 1920-х годов подобные истории постоянно появлялись в прессе. Ливермор помогал многим газетам продаваться, несмотря на то, что он пытался избежать огласки. Это только делало прессу еще более ненасытной в желании узнать о нем больше.

Одна из историй, которая никогда не была разоблачена в печати, потрясла его сына Пола. Он попросил своего отца рассказать ему что-то, чего никто больше не знает.

"Хорошо, сынок. После того, как закончилась Мировая война, в 1918 году, до того как ты родился, я почувствовал, что хлопок скоро упадет в цене, поскольку военный спрос иссякнет. Но я также считал, что спрос опять наберет обороты позже, когда нация вновь станет на ноги.

"Итак, в 1919 году - тихо, тайно, воспользовавшись сотней брокеров - я стал скупать хлопок. Цена упала, как я и ожидал, и через примерно восемнадцать месяцев я осознал, что я получил почти полный корнер по хлопку. Я купил почти каждый первый брикет хлопка. Это не укрылось от глаз правительства США.

"Как только у меня собралась полная позиция, я получил звонок от министра сельского хозяйства немедленно явиться в Вашингтон и встретиться с президентом Уилсоном. Я сел на поезд до Вашингтона и сразу пошел в Белый Дом, где ждали министр и президент. Меня провели прямо к президенту.

"После того, как мы обменялись приветствиями, Президент Уилсон начал говорить: "Господин Ливермор, мы обратили внимание, что вы осуществили корнер рынка хлопковых фьючерсов в Чикаго. Это правда?"

"Да, господин Президент", - сказал я.

"Теперь мы знаем, насколько вы умный человек, цена на хлопок хороша и достаточно низка сейчас, и вы совершенно правильно рассчитали, что проектируемый спрос на хлопок в ближайшем будущем будет высок, по мере того как народ оправится после войны и начнется настоящее благоденствие".

"Да господин Президент".

"Уверен, что вы понимаете ситуацию с инфляцией,

Биржевые пулы и скандалы

господин Ливермор, а поскольку у вас корнер по хлопку, то по мере роста спроса вы сможете установить свою цену", - сказал министр сельского хозяйства.

"А инфляция нам не нужна, господин Ливермор. Рост цен на такие важные товары как хлопок будет оказывать очень дурное влияние на ситуацию, когда народ пытается встать на ноги, не так ли?" - добавил президент.

"Да, сэр", - сказал я.

"Позвольте задать вам вопрос, господин Ливермор, вопрос, ответ на который меня интересует больше всего".

"Да, сэр", - сказал я и ждал.

"Почему? Зачем вы зажали в угол рынок хлопка?"

"Чтобы убедиться в том, что я смогу это сделать, господин Президент".

"Вы осуществили корнер по всему рынку хлопка Соединенных Штатов, чтобы просто убедиться, что вы сможете это сделать, господин Ливермор?" - выпалил министр сельского хозяйства.

"Да, сэр. Сначала он несколько отбил от рук, а затем мне просто захотелось убедиться, смогу ли я это сделать, вот и все".

"Ну что ж, господин Ливермор, сколько времени у вас уйдет, чтобы вернуть все на свои места, до того как другие трейдеры выяснят, что здесь произошло и начнут завывать цену?" - спросил президент.

"Нисколько, сэр, одной вашей сегодняшней просьбы достаточно".

"Как, как вы это сделаете?" - спросил министр.

"Я продам все так же, как купил, методично, и продам я все практически по той же цене, по которой я все купил. Мне не нужно ничего, что может повредить стране".

"Мы пожали друг другу руки и я выполнил свое обещание. Но я всегда улыбаюсь, когда вспоминаю эту историю. Никто кроме министра сельского хозяйства,

Глава 8.

президента и меня самого никогда не узнает о том, что произошло. А теперь знаешь и ты, сынок".

Именно в 1920-е годы Ливермор приобрел свою коллекцию оружия. Огнестрельное оружие всегда завораживало его. После того, как дом в Эверморе был закончен, он построил там тир. Тир был расположен на уровне пляжа. Он велел прорыть длинный коридор, начинающийся на краю, где заканчивался пляж, и начинались холмистые лужайки. В высоту он достигал около 6 футов, простирался на 100 футов в длину и имел форму буквы Y. Стенки поддерживались бревнами, а в конце тира стояла стена из тяжелого дерева, за ней находился песок, а затем стальной лист толщиной в 1 дюйм, призванный останавливать пули.

У него была большая коллекция пистолетов, дробовиков и ружей, и он проводил много времени с Дороти и мальчиками, рассказывая им об огнестрельном оружии. Пол, опытный меткий стрелок, мог разобрать автоматический пистолет 45 калибра и собрать его за считанные минуты, когда ему было 11 лет. Джесси-младший и Мышка тоже были великолепными стрелками.

Ливермор держал свои пистолеты запертыми в библиотеке, вместе со своей обширной коллекцией мощных ружей и дробовиков. Ливермор часто ходил на охоту в леса, окружавшие его дом в Лейк Плэсиде. У него также была большая коллекция классических дробовиков "Пурди", изготовленных для него в Англии для охоты на птиц.

Ливермор также построил тир, в котором стрелял по мишеням в сторону пролива Лонг Айленд. Он часто стрелял по мишеням по 5 долларов за штуку, иногда стреляя с бедра, разбивая мишени в мелкие осколки.

Дороти также была хорошим стрелком, особенно из ружья. Она могла любому дать фору в тире. Она не боялась оружия.

Однажды мальчики зашли в библиотеку и подвальную оружейную комнату и подсчитали оружие: в доме было 405 штук оружия разных видов. Ливермор говорил мальчикам, что тир помогает ему расслабиться.

Биржевые пулы и скандалы

Ливермор постоянно находился в состоянии стресса, работая на рынке.

У Ливермора были прямые линии, соединяющие его более чем с 50 брокерскими конторами. В 1923 году он управлял пулом, о котором впоследствии пожалел - с компанией "Мэммот Ойл", которая была замешана в скандале с нефтяным месторождением "Типот Дом". В октябре 1922 года к Ливермору пришли два близких друга, Э. Догени и Гарри Синклер. Они хотели продать 151 000 акций фонда общей массе трейдеров по 40 долларов за акцию. Они хотели, чтобы Ливермор спроектировал распродажу, одновременно пытаясь создать благоприятные рыночные условия для фонда.

"Мэммот" была филиалом "Синклер Ойл", который получил прибыльные контракты на добычу нефти от морского ведомства США - с помощью, как выяснилось позднее, прямой помощи Альберта Фола (Alvert Fall), министра внутренних дел.

Первоначально намеченная сумма подписки при эмиссии "Мэммот" была немедленно превышена, как только люди узнали, что фондом управляет Ливермор. В первый же день продажи открылись на уровне 8000 акций по 43 доллара за штуку; день завершился с общим объемом продаж в 40 000 акций с ценой закрытия в 40,75 доллара. Продажа шла хорошо, и 151 000 акций были распроданы людям в течение трех дней.

Но 16 февраля 1924 года разразился скандал "Типот Дом". Скандал потряс рынок. Цена "Мэммот Ойл" обрушилась. Ливермор находился в Палм-Бич в гостинице "Брейкерз", когда появились новости. Он находился там с 28 декабря 1923 года. Вместе с ним путешествовал частный телеграфный оператор.

Он приехал в Палм-Бич в своем частном железнодорожном вагоне. Вагон был оформлен богато, с тремя спальнями, кухней и большими гостиниными и столовыми зонами. У каждого из мальчиков была своя няня, они ехали в обычных купейных вагонах поезда, точно так же как шеф-повар и дворецкий. Ливермор всегда держал вагон в состоянии готовности на сортировочных станциях Нью-Йорка. Когда он был в Палм-Бич, вагон стоял на сортировочной

Глава 8.

станции в Майями. Он также пользовался им, когда ехал домой в Лейк Плэсид, или когда ездил в Чикаго, чтобы посетить зерновые "ямы" во время сильной спекуляции.

В скандал "Типот Дом" были вовлечены два члена Кабинета: министр внутренних дел Фолл и министр Военно-морских сил Денби. Это была тщательно разработанная афера. Министерству внутренних дел было передано право собственности на морские нефтяные месторождения; морские залежи угля на Аляске были переданы таким же образом. После того, как прошло некоторое время, Министерство внутренних дел, возглавляемое министром Фоллом, передало эти месторождения в аренду на выгодных условиях частным предприятиям, включая "Мэммот Ойл".

Вся администрация президента Кулиджа была поставлена под угрозу. Переписка и другая документация явно указывали на мошеннические ставки. При появлении этих новостей "Мэммот" стал стремительно падать, а затем за ним последовал весь рынок.

Ливермор уже продал свои акции "Мэммот Ойл" и играл на понижение, когда разразился скандал. Он продал без покрытия ряд других акций. Но его имя было упомянуто в качестве участника этого скандала, и его вызвали повесткой в федеральный суд.

16 февраля 1924 года, *"Нью-Йорк Таймс"* активно освещала произошедшее:

Каждый новый день приносит новые сенсационные обстоятельства в слушания по нефтяному делу; оно подорвало уверенность многих людей в фондовом рынке. Если эта следственная лихорадка сенаторов и конгрессменов продолжится и приоткроет пути для расследования других дел, то она пошатнет уверенность еще в большей степени. Я думаю, что пытаться оставаться оптимистом на фондовом рынке в настоящее время очень глупо.

"Таймс" на следующий день продолжила:

Вчера склонные к спекуляциям биржевики восприняли сообщение Джесси Ливермора как истинную правду и тут же стали играть на понижение. В полдень снижение шло на полной скорости и затронуло все классы акций.

Биржевые пулы и скандалы

Разразился скандал. Ливермор оставался в Палм-Бич и некоторое время уклонялся от явки в суд, но в конечном итоге предстал перед комиссией Конгресса. Он дал показания и его больше не побеспокоили. Для Догени и Синклера все было не так просто, им обоим было предъявлено обвинение во взяточничестве. Синклера в конечном итоге приговорили к девяти месяцам тюрьмы, в то время как с Догени были сняты все обвинения. Фоллу был вынесен приговор во взяточничестве. Он стал первым членом Кабинета, отправившимся в тюрьму.

Последним комментарием, который Ливермор дал прессе по этому делу был следующий:

В будущем в Вашингтон следует посылать людей более высокого калибра. Эта страна - страна бизнеса, и во главе различных ветвей власти этой страны должны стоять наиболее успешные бизнесмены.

Впоследствии Ливермора обвинили в том, что он пытается манипулировать прессой, чтобы воздействовать на крутое снижение рынка вниз во время скандала. Его ответ был опубликован 8 марта 1924 года в очередном выпуске *"Нью-Йорк Таймс"*:

Господин Ливермор предлагает вознаграждение в 25 000 долларов, тому, кто предоставит доказательства того, что он отправил или составил любое из приписываемых ему различными слухами сообщений, пытающихся оказать воздействие на рынок.

Появились новые слухи, и Ливермор направил в прессу телеграмму из гостиницы "Брейкерз" в Палм-Бич:

Я настоятельно отрицаю слухи, усердно распространяемые по стране, о том, что я должен был сегодня днем сделать какое-то заявление. Я никому не посылал никаких сообщений или телеграмм и не делал никому заявлений в частном порядке; следовательно, появившиеся вчера слухи являются плодом воображения какого-то бесчестного лица или лиц. Три недели назад, 14 февраля, ко

Глава 8.

мне обратились два брокера и один известный коммерсант, они спрашивали меня о моем личном мнении о ближайшем будущем фондового рынка. Я направил им краткую и точную информацию о своем видении ситуации и одновременно обозначил, что это конфиденциальная информация, предназначенная лично для этих лиц.

Кто-то без моего разрешения опубликовал это сообщение, и оно было передано по частному телеграфу, а затем - в газеты. Поскольку была нарушена тайна личной и частной переписки, я больше не буду давать никаких комментариев кому бы то ни было.

Ливермор становился экспертом в вопросах общения с прессой и ее использования к собственной выгоде. Его тайная и скрытная деятельность на Уолл-Стрит лишь способствовала росту его привлекательности, загадочности и очарования, подбрасывая дров в огонь человеческого любопытства и способствуя продажам все большего количества газет.

Последней эмиссией, которой он управлял, стал изначальный публичный выпуск "Де Форест Рэйдио Компани". 8 ноября 1921 года эмиссия в 75 000 акций была предложена по цене 21 доллар за акцию. Сумма подписки на эмиссию была сильно превышена, а позже акции появились на черном рынке Нью-Йорка.

В 1924 году на Уолл-Стрит царил возбуждение в связи с появлением коммерческого радио, а акции "Де Форест" появились как раз вовремя, чтобы совпасть с перегретым спросом на высокотехнологичные радио-бумаги.

Позднее компания обанкротилась.

Тем временем Ливермор наслаждался жизнью в своем любимом Палм-Бич. Его яхта была пришвартована там, и он был готов к большой рыбалке.

В январе 1925 года он вместе с шестью гостями на своей яхте отправился во Флорида-Киз. В Киз Ливермор поймал на крючок большую акулу. Он боролся с рыбой, будучи привязанным к специальному стулу в течение 55 минут. Внезапно леска словно

Биржевые пулы и скандалы

сошла с ума, он ослабил хватку и потерял сознание прямо на этом стуле. Капитан с командой внесли его в каюту.

Он был вынужден оставаться в своей каюте в течение трех дней, выздоравливать. Но это не испортило рыбалки. Общий улов, как сообщалось, составил 256 рыб, в числе которых был гигантский скат, которого они поймали при помощи гарпуна в Гольфстриме. Скат тянул лодку за собой пять миль, прежде чем его вытащили. Он весил 590 фунтов и в ширину составлял 22 фута. От головы до хвоста он был длиной в 30 футов.

Но жизнь состояла не только из веселья. В воздухе всегда висела угроза для тех, кто был известен своим несметным богатством. 15 марта 1925 года госпожа Луиза Голдштайн, жена помощника окружного прокурора Кингз, сидела в крытой галерее гостиницы "Брейкерз" и дремала. Шел сильный дождь. Ее разбудили голоса двух мужчин, оживленно спорящих на повышенных тонах.

"Да что для него миллион долларов?" - спрашивал один из мужчин. - "Он за одну спекуляцию на фондовом рынке столько получает".

"Мы могли бы, например, поймать старшего мальчишку, Джесси - младшего. Он резвый парень и все время бегает по округе без присмотра. Его очень легко будет схватить".

Госпожа Голдштайн теперь полностью проснулась, встала со стула. Она знала Ливермора и знала, что эти двое говорят о нем и о его сыне. Она подошла к ним в галерее так, чтобы рассмотреть поближе их лица. Мужчины взглянули на нее и отвернулись, подняв воротники и поглубже надвинув шляпы. Они встали со своих стульев и спешно покинули галерею, выйдя на улицу под проливной дождь.

Госпожа Голдштайн немедленно передала разговор Ливермору, а он тут же послал телеграмму в Нью-Йорк, чтобы оттуда в Палм-Бич прислали сыщика, чтобы тот до конца сезона присматривал за мальчиками.

Сыщик так и не доехал до Палм-Бич.

18 марта Даш с мальчиками возвращались из

Глава 8.

автомобильной поездки к Эверглейдз и Роллз. Даш вел машину, а мальчики сидели с ним рядом. Первым, что он увидел, когда они подъехали к "Брейкерз", был дым. Огромные черные клубы дыма поднимались над дальним концом гостиницы. Даш припарковался и подошел к громадному газону перед гостиницей, чтобы вместе с мальчиками наблюдать за пожаром.

Дороти находилась в толпе и подбежала к мальчикам.

"О, слава богу, что вас не было дома, что вы были с Гарри".

"Но с нашей стороны гостиница не горит", - сказал Джесси-младший.

"Она тоже загорится", - сказал Даш.

В это время приехал Ливермор. Он ездил на яхту и с командой готовился к круизу к Флорида Киз. "Что случилось?" - спросил он.

"Это место - просто огненная ловушка в лучшем виде,

Джей

Эл, гряда старого высохшего дерева в тропиках. Оставалось только ждать несчастного случая".

"Джей Эл, я надеюсь, твой багаж будет в порядке. Я упаковала его перед круизом".

"Мы всегда можем купить новые вещи, Мышка", - сказал он.

"Но на всех чемоданах наши инициалы, и они так хорошо подходят друг к другу". У них было 12 чемоданов "Льюиса Витгона" ручной работы с монограммами. "Я попросила начальника коридорный попытаться!" - продолжала Дороти.

"Попытаться что?" - спросил Ливермор.

"Попытаться вернуться и спасти их", - ответила Дороти.

"Джей Эл, посмотрите". Даш показывал на угол здания, где размещался их номер. "Посмотрите на то окно, я не могу поверить".

"Багаж выбрасывали через окно четвертого этажа. Когда он упал на лужайку, его подобрала команда коридорных, которые вынесли его из зоны пожара к берегу.

"Мышка, думаю это наш багаж. Я ошеломлен", - сказал Ливермор. - "Мышка, оставайся с мальчиками, пока мы с Гарри

Биржевые пулы и скандалы

пойдем посмотрим, может быть, нужна наша помощь". Мужчины ринулись к углу здания. Они добежали туда тогда, когда коридорные укладывали последний из 24 чемоданов на берегу.

Даш добежал первым и осмотрел багаж. "Это невероятно, чемоданы упали с высоты четвертого этажа, ударились о землю, их отбросило, потом их положили на песок, а на них ни единой отметины".

Ливермор осмотрел багаж. "Ты прав, Гарри. Удивительно, что Мышка попросила их вернуться назад в огонь и они действительно это сделали, удивительно, что багаж все это пережил".

"Ни царапинки, ни вмятинки. Вам следовало бы купить акции этого "Льюиса Витгона".

Ливермор улыбнулся. "Я подумаю над этим Гарри, но есть одна проблема".

"Какая, ДжейЭл?"

"Эта штука не изнашивается. И не ломается. Никаких повторных продаж?"

Они рассмеялись и подали Дороти знак, что все в порядке.

"Бейкерз" заново отстроили в рекордные сроки, за один год. "Шульц и Уивер", та же фирма, которая спроектировала "Уолдорф Асторию" в Нью-Йорке и гостиницу "Билтмор" в Корал Гейблз, спроектировала новую модернизированную гостиницу "Брейкерз". К 1927 году многие люди считали эту новую гостиницу "Брейкерз" самым лучшим местом для отдыха в Соединенных Штатах. Ливерморы были с этим согласны и сняли номер из нескольких комнат в новой гостинице задолго до ее открытия.

Для Ливермора это была активная весна. 9 апреля 1925 года он получил травму в своем особняке в Кингз Пойнт. Он осматривал новое, только что возведенное крыло своего особняка, поднялся по слабо освещенной лестнице и упал с высоты 20 футов. Его положили в лимузин и срочно доставили в его дом по адресу Западная семьдесят шестая улица, дом 8 на Манхэттене.

К нему домой вызвали терапевтов, где ему поставили

Глава 8.

диагноз - сломаны правая рука и несколько ребер. Диагноз был подтвержден рентгеновским снимком, был прописан постельный режим.

Ливермор не торговал на рынке до 25 августа 1925 года. Он вел дела из дома в Лейк Плэсид. Ходили слухи, что у него длинная позиция на 50 000 акций "Ю.Эс. Стил" и важная позиция в "Уайт Моторс". Ливермор отказался подтвердить эти слухи.

27 октября 1927 года Ливермор купил новую квартиру в Нью-Йорке по адресу Пятая авеню, дом 825, между Шестьдесят третьей и Шестьдесят четвертой улицами. Эта квартира станет его нью-йоркской резиденцией. Дороти была полностью поглощена новой квартирой и вместе со своей матерью, как всегда, тратила много времени, сил и денег на то, чтобы обставить их новый дом.

ГЛАВА 9

Бостонский Билли

Все эти деньги кажутся мне серьезным бременем.

Джон Пол Гетги младший

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29 МАЯ 1927 ГОДА АРТУР БЭРРИ,

Джеймс Монаган, известный как "Бостонский Билли", Эдди Кейн, бывший шофер Ливермора и Анна Блейк, привлекательная молодая блондинка с короткой стрижкой, которая была подругой Бэрри, сидели вокруг полуночного костра в Эверморе, поместья Ливерморов. Подробности последовавших через несколько часов после этого трагических событий были последовательно описаны как в *"Нью-Йорк Таймс"*, так и в *"Дейли Ньюс"* с 31 мая 1927 года по 27 декабря 1929 года.

Мужчины сидели на корточках на небольшом открытом клочке земли под большим дубом. Блейк сидела на траве. Они видели мерцание залитой лунным светом воды перед собой и длинный волнолом, к которому был привязан "Крис-Крафт". Яхта Ливермора стояла на якоре в более глубоких водах, примерно в 100 ярдах от волнолома. Слева от них за лесом они могли видеть массивный дом. Они ждали, когда погасят свет. Они знали, что там идет праздничный ужин. Они даже знали, какие гости присутствуют на ужине: миллионер - продавец шелка Гарри Аронсон с женой, близкие друзья Ливерморов, которые на яхте приехали из Нью-Йорка на выходные. Кейн, бывший шофер Ливермора, рассказал Монагану о небольшой вечеринке и плане размещения комнат в особняке Ливерморов.

Глава 9.

Бэрри и Монаган были одеты в темно-серые деловые костюмы, рубашки, галстуки и фетровые шляпы. Они были чисто выбриты. Им было 25 лет. Ливермор позднее прокомментировал, что они выглядели скорее как клерки с Уолл-Стрит, нежели чем как воры. Бэрри был мускулист и крепок; Монаган был обычного роста и веса, около 5 футов 10 дюймов ростом и весом в 160 фунтов, но из них двоих он был более жестоким.

Они сидели вокруг костра и жарили хот-доги. Они даже принесли маленькую сумку для пикников со сдобными булками и напитками. Они спокойно разговаривали и ждали, когда часы пробьют 3:30 ночи.

"Так что, в сейфе может быть драгоценностей на миллион?" - спросил Бэрри.

"Да, точно. Этот парень Ливермор с ума сходит по своей жене и подарил ей драгоценностей на миллион", - сказал Кейн. Они все от Гарри Уинстона и "Ван Клиф энд Арпелс", первый сорт, камни очень легко вытащить из оправы".

"Легко сбыть", - сказал Монаган, вгрызаясь в свой хот-дог и прихлебывая пиво из бутылки.

Кейн продолжил: "Говорят, что Ливермор настолько боится разориться, так как он раньше разорялся, что он надарил своей старухе драгоценностей с тем расчетом, что если он разорится снова, он сможет взять накопления в драгоценностях и заложить их, получив, по крайней мере, миллион чистыми. Ювелирные украшения - это его ставка для того, чтобы начать все сначала. Ходят слухи, что он уже это делал, то есть закладывал их у крупного ювелира, Гарри Уинстона, который изначально их сделал".

"Высококласный ломбард. Купи жене драгоценности, а затем заложить их тому же ювелиру. Эти богачи весьма остроумные, но они такие же как все, когда попадают в беду. Они забирают свои подарки и закладывают их", - сказала Блейк.

"Ты это по опыту знаешь, а, Анна?" - спросил Монаган.

"Заткнись, Билли", - сказал Бэрри. - "Откуда ты все это знаешь, Эдди?"

Бостонский Билли

"Эй, домашние слуги все знают о своих господах. Ты что, не знал?"

"Да, что-то слышал", - сказал Монаган. - "Это не первое мое дело".

Банда украла дорогой канареечно-желтый родстер "Крайслер" из гаража Уолтера Реслера, одного из соседей Ливермора. Сам Реслер одолжил машину на день у своего друга Джорджа Оунза. Это была привлекающая внимание, широко известная машина в Грейт Нек. Они спрятали ее недалеко от дороги, возле входа в усадьбу Ливермора.

Они смотрели на пламя костра, а в особняке тем временем погасли все огни. Несколько часов спустя, в 3:45 утра, пока было темно, они наблюдали, как последние угольки костра с шипением гаснут, когда они вылили на них остатки пива. Бэрри и Монаган встали, поправили галстуки и фетровые шляпы и направились к особняку. Кейн и Блейк тоже встали.

Монаган взял свою лестницу, которая лежала возле дерева. Она была примерно 4 фута в длину и 2 фута в ширину. Это была металлическая лестница, которую можно было разобрать на пять 4-футовых секций и легко собрать, так чтобы она вновь составила свою полную длину 20 футов. Лестницу специально придумали для Монагана и сделали по его заказу. Он пользовался этой лестнице и в других темных делах. Бостонский Билли всегда оставлял после себя лестницу после дела, как свою метку.

Они подошли к солярию, который, как они знали, располагался под спальней хозяина. Монаган раскрыл металлическую лестницу и зафиксировал все секции. Они тихо облокотили лестницу на стену здания и взобрались по ней. Позднее один из отпечатков ноги Блейк найдут на мягкой земле возле клумбы.

Бэрри и Монаган взобрались на балкон. Монаган достал нож мясника, тихо раскрыл латунный зажим, и они вошли в холл, который вел в переднюю спальню Ливерморов. Нож мясника позднее будет найден в кустах. Кейн и Блейк вернулись к спрятанной машине и стали ждать сигнала.

Глава 9.

Дороти Ливермор лежала в кровати, но не спала. Она услышала шум. Она толкнула мужа в бок. "Джей Эл, ты слышал?"

"Нет, Мышка, спи".

"Я уверена, что что-то слышала. Прислушайся". Они стали слушать вдвоем и оба услышали шум.

"Я пойду посмотрю, в чем дело", - сказала она.

"Я возьму револьвер".

Дороти встала с кровати и накинула халат. Она вошла в холл, который вел к их массивным уборным и их личным ванным комнатам. Темная фигура в шляпе и с револьвером черным силуэтом вырисовывалась в коридоре.

"Я могу вам помочь?" - спокойно спросила она Бэрри.

"Возможно. Возможно, вы можете мне помочь.

Возвращайтесь-ка назад в свою комнату и скажите своему мужу оставаться в постели".

Дороти сделала так, как ей велели.

Ливермор сидел на краю кровати. Он тихо поднял трубку телефона и положил телефон со снятой трубкой на столик, надеясь, что оператор услышит, что происходит.

"Я думаю, вам следует взять, что вам нужно, и уходить", - сказала Дороти грабителям. - "В доме спят два моих маленьких сына и я не хочу, чтобы они пострадали".

"Они не пострадают, просто не высовывайтесь и сидите тихо", - сказал Бэрри.

"Где спят гости?" - спросил Монаган.

"Дальше по коридору, четвертая дверь слева", - сказала Дороти.

"Я пойду туда. А ты придержи этих двух здесь", - сказал Монаган.

Он прошел дальше по коридору, зашел в комнату и разбудил Аронсонов. Он приставил дуло револьвера к виску госпожи Аронсон. "А теперь, сэр, отдайте мне свои платиновые

Бостонский Билли

часы, вот то кольцо с сапфиром, встаньте, подойдите к туалетному столику и отдайте мне булавку для галстука с жемчугом и наличные, которые лежат на столике". Аронсон сделал то, что ему велели. Монаган пересчитал деньги. Там было 200 долларов. Он отсчитал две банкноты по 1 доллару каждая. "На, возьми такси до дома", - сказал он, вручая деньги Аронсону. - "А теперь, если тебе дорога жизнь твоей жены и жизни господ Ливерморов, будешь лежать здесь, пока они за тобой не придут".

Монаган вернулся в хозяйскую спальню и присоединился к Бэрри.

"Надеюсь, вы не причинили вреда нашим гостям", - сказала Дороти.

"Да. Ваши гости в порядке, в полном порядке. Я даже оставил им два доллара на такси до дома".

"Два доллара? Они живут в городе", - сказала Дороти

Мужчины засмеялись, даже Ливермор. - "Ну, они же могут на такси доехать до станции, а?" - сказал Монаган, улыбаясь. - "Давайте посмотрим на ваши руки".

Бэрри держал дуло пистолета направленным на ее руку, в то время как Монаган снимал с ее пальца красивое кольцо с голубым сапфиром. Затем Монаган подошел к Ливермору, снял похожее кольцо с его пальца и сказал: "Эй, почти одинаковые, как мило".

"Ой, пожалуйста, не забирайте их, это подарки на Рождество!"

"Монаган посмотрел на кольца и вздохнул, затем посмотрел на Дороти, которая плакала. "Извините, мадам", - сказал он, и вернул два кольца стоимостью больше 15 000 долларов.

Монаган продолжил: "Нам больше интересно то, что находится в сейфе. Откройте его, господин Ливермор".

"Там ничего нет", - сказал тот.

"Мы просто посмотрим", - добавил Бэрри, по-прежнему наставляя револьвер на Дороти.

Глава 9.

"Я не вижу цифр без очков", - сказал Ливермор.

"А где очки?" - сказал Монаган.

"В гардеробной".

"Проводите меня туда", - сказал Монаган, наставляя револьвер на плечо Ливермора. Он проводил Ливермора до гардеробной и они вернулись с очками.

Вор подвел Ливермора прямо к портрету, который висел перед тайным сейфом. Он отодвинул портрет. "Открывайте!"

Ливермор нацепил свои очки и попытался его открыть, но его руки так сильно дрожали, что у него не получалось набрать нужную комбинацию цифр. "У меня ничего не получится", - сказал он.

"Отойдите, сэр", - скомандовал Монаган. - "Я сам. Минуточку". Он вышел и спустился вниз по лестнице, чтобы взять набор инструментов для взлома. Через несколько секунд он вернулся. При помощи молотка и зубила он легко вскрыл сейф, как будто бы это была детская игрушка. Он вынул некоторые бумаги и с отвращением отбросил их в сторону. "И все? Только эти бумажонки?"

"Это все!" - зарыдала Дороти. - "А теперь возьмите все и, пожалуйста, уходите".

Воры быстро прошли через спальню и гардеробную. По всему дому были разбросаны драгоценности. Они взяли жемчужное ожерелье стоимостью 80 000 долларов, кольцо Дороти с сапфиром и бриллиантом, стоимостью в 15 000 долларов. У них уже было 200 долларов наличными, взятые у Аронсона, жемчужная булавка для галстука стоимостью в 2000 долларов и кольцо с квадратным бриллиантом, стоимостью 1000 долларов. Драгоценности Ливермора были должным образом оценены и застрахованы на 80 процентов их стоимости.

Воры оставили сапфиры стоимостью 20 000 долларов, лежавшие на туалетном столике. Они также не заметили золотые и бриллиантовые запонки Ливермора. По мере того, как они собирали драгоценности, они их обсуждали, описывая их и оценивая их стоимость, а потом бросали их в сумку.

Бостонский Билли

В совокупности они находились в доме в течение часа, неторопливо переговариваясь и осматривая комнаты. Полиция позднее прокомментировала, что в большинстве подобных ограблений воры находятся внутри не более 10 минут.

Воры ушли из дома при помощи стальной лестницы и поспешили к концу подъездной дорожки, где в родстере "Крайслер" их ждали Блейк и Кейн. Они впрыгнули в машину и помчались прочь по направлению к железнодорожной станции Мэнхэссет.

Госпожа Джон Гернан, которая жила около железнодорожной станции, видела мужчин и женщину между 5:30 и 5:45 утра в воскресенье. Она наблюдала за группой из своего окна. Она сказала *"Нью-Йорк Дейли Ньюс"* 31 мая 1927

года: "У меня бессонница и я не спала с раннего утра в воскресенье. Я услышала автомобиль и выглянула в окно. Я увидела канареечно-желтый автомобиль марки "Крайслер", в котором сидело трое мужчин и девушка-блондинка. У нее была короткая стрижка. На ней была спортивная куртка и не было шляпы. Она казалась совсем юной, около 18 лет. Из-за того, что время было раннее, я удивилась, что девушка делает в столь ранний час в компании трех мужчин. Я видела как они поехали по направлению к железнодорожной станции, остановили машину и вышли. Они пошли по направлению к станции и исчезли у меня из виду".

Госпожа Гернан была наблюдательной: "Я не слышала, чтобы проходил поезд, но я не прислушивалась. На самом деле я вернулась в постель и заснула. Я узнала, что-это была та самая машина, которую украли из гаража Уолтера Реслера, машина, которая принадлежала Джорджу Оунзу, поскольку позже в тот же день, после того, как полиция ее нашла, я увидела, как приехал владелец и забрал ее".

Чего не могла видеть госпожа Гернан, так это того, как банда угнала машину такси и уехала на ней в Нью-Йорк, где они ее и бросили.

В понедельник с расшатанными грабежом нервами, Аронсоны спешно уехали в Нью-Йорк. Они планировали

Глава 9.

остаться на День Памяти, но передумали. Ливермор дал им свой "Роллс-Ройс", чтобы их довезли до города.

Дороти не хотела, чтобы ее праздник был испорчен. Она позвонила своим друзьям в Нью-Йорк и к полудню шесть гостей плюс дети Ливерморов и их няни сели на роскошную яхту Ливермора. На яхте были предприняты все меры предосторожности. Они уехали с частного пирса за поместьем, никому не сказав, когда они вернутся.

Тем временем Перси Рокфеллер, которого ограбили на 19 000 долларов во время ужина, на который заявился Бостонский Билли в прошлый раз, нанял детективное агентство Бернса, чтобы оно провело независимое от полиции расследование. Узнав об ограблении Ливермора, Бернс немедленно послал на место происшествия детектива, Майкла Ринконса, к которому присоединились детективы Пол Кроули и Джесси Мейфорт из полицейского отдела округа Нассау. Все трое мужчин были серьезно вооружены, и они стали патрулировать поместье Ливермора.

Капитан детективов Гарольд Кинг из полицейского отдела округа Нассау был назначен основным следователем, ответственным за дело. На Лонг-Айленд и в Нью-Йорке произошла целая серия подобных ограблений. Полиция подозревала банду Бостонского Билли в похищении более 1 миллиона долларов в виде драгоценностей и наличных за предшествовавшие три года. Банду подозревали в ограблении Перси Рокфеллера в Гринвиче, Коннектикут; Вильяма Дюрана из Дила, Нью-Джерси, самого большого акционера "Дженерал Моторс"; Джошуа Косдена в Порт Вашингтон, Лонг Айленд, которого ограбили во время визита принца Уэльсского; и нескольких других состоятельных и влиятельных людей.

От полиции Ливермор узнал, почему снятая телефонная трубка не помогла. Переключатель телефона был установлен на межкомнатное общение, поэтому связь могла осуществляться только с другими телефонами в доме, а все слуги спали.

В среду, 1 июня, Ливермор читал свою почту. Почтовая марка была из Бруклина: "Сегодня вечером мы вновь тебя

Бостонский Билли

навестим и придем мы по делу". Подпись: Господа грабители. Письмо было написано карандашом.

В тот вечер слуга взял трубку; на другом конце был мужской голос.

"Господин Ливермор дома?" - спросил мужчина.

"Нет", - ответил слуга.

"Скажите господину Ливермору, что дело примет серьезный оборот, если он не обратил внимание на наше предупреждение".

После получения письма капитан Кинг послал четырех переодетых офицеров в поместье Ливермора для обеспечения безопасности. На Ливермора также работали его частные детективы.

5 июня, через шесть дней после ограбления Ливермора, полиция получила наводку. В полицейский отдел округа Нассау позвонили и сообщили, что подозреваемый в совершении ограбления Ливермора находится в поезде, движущемся на восток, который должен прибыть в Ронконкому в 7:13 вечера. Ронконкома находилась в 50 милях от станции "Пенсильвания" по основной ветке железной дороги Лонг Айленда, в конце Мотор Парквей на Лонг Айленде.

Поезд пришел на станцию в Ронконкому вовремя. Его ждали три детектива округа Нассау, возглавляемые капитаном Кингом и один детектив округа Саффолк. Они ждали на пассажирской платформе.

Артур Бэрри и Анна Блейк вышли из поезда. Детективы приготовились к атаке, быстро двигаясь в сторону пары. Когда Бэрри увидел четырех детективов, он сунул руку в карман и вытащил пистолет. Затем он стал убегать и ринулся назад к поезду. Блейк осталась на платформе. Один из детективов двинулся по направлению к ней. Трое оставшихся детективов вытащили оружие и последовали за Бэрри, они бежали по вагонным проходам, из вагона в вагон, в неистовой погоне. Наконец они загнали его в угол. Держа его под прицелом, капитан Кинг закричал: "Сдавайся или мы тебя пристрелим".

Глава 9.

Бэрри сдался.

Тем временем на платформе детектив подошел к Блейк, а она попыталась избавиться от маленькой картонной коробки. Детектив вырвал коробку у нее из рук и надел на нее наручники. Внутри коробки находились украденные драгоценности, стоимостью 15 000 долларов.

Детективы поспешили посадить пойманных подозреваемых в машину, на которой они приехали из Минеолы, Лонг Айленд, и отправились в путь по направлению к дому Блейк.

Неистовая погоня и демонстрация оружия привели к тому, что пассажиры и начальник станции решили, что детективы, одетые в гражданскую одежду, на самом деле были грабителями, которые напали на пару невинных пассажиров и похитили их. Пассажиры предупредили об опасности начальника станции, который немедленно позвонил в полицию округов Саффолк и Нассау и проинформировал их, что на станции в Ронконкоме произошло ограбление, и были похищены люди. Он описал это как ограбление и похищение в духе старых времен и в стиле Дикого Запада. Проверив сообщение, полиция округов Саффолк и Нассау была поднята по общей тревоге, и в розыск были объявлены "Форд" или "Чеви" с нью-йоркскими номерами 2Z33. Тревогу отменили, когда выяснилось, что эти регистрационные номера были выданы окружной прокуратуре округа Нассау.

Тем временем детективы быстро прибыли в дом Блейк, где также был арестован брат Бэрри.

На следующий день, 6 июня, в комнате на верхнем этаже в здании суда округа Нассау в Минеоле Артур Бэрри подписал признание в том, что он с сообщником, которого он знал под именем Билл или Граф "Бостонский Билли" Уиллиамс, на прошлой неделе совершил ограбление в размере 100 000 долларов в поместье Ливерморов. Бэрри заключил сделку с окружным прокурором округа Нассау, Элвином Эдвардсом. Эдвардс пообещал, что в обмен на чистосердечное признание и подробное изложение всего произошедшего, он освободит

Бостонский Билли

напарницу Бэрри, Блейк, и его брата, Уильяма Бэрри. А также он обещал снять все обвинения против них, поскольку Бэрри настаивал, что они никак не связаны с преступлениями, в которых он участвовал.

После того, как Бэрри подписал признание, группа детективов отправилась в Нью-Йорк. Они осуществили облаву в меблированных комнатах в Вест-Сайде на Манхэттене, возле Централ Парк, но на несколько минут упустили Бостонского Билли Монагана. Бэрри предоставил этот адрес как часть своего соглашения с прокурором.

Джесси и Дороти Ливерморов пригласили в офис окружного прокурора в Минеоле вскоре после того, как было подписано признание. Они не смогли опознать Бэрри как участника ограбления, поскольку во время ограбления было темно. Но события, сопровождавшие ограбление, и обстоятельства ареста Бэрри убедили их в том, что он был одним из грабителей.

Например, Бэрри напомнил Дороти, что когда она попросила у него сигарету, он дал ей ее и даже зажег; и что он вернул ей ее розоватое кольцо с сапфиром, когда она попросила его не красть, и что он сказал: "Надеюсь, оно принесет вам удачу".

Полиции также удалось идентифицировать наручные часы стоимостью 800 долларов, которые были украдены из резиденции в Рамсоне, Нью-Джерси. Это была первая ниточка, связывающая ограбление Ливерморов с серией других ограблений.

В своем признании Бэрри сообщил, что познакомился с Монаганом на станции "Пенсильвания" и что Монаган показал ему газетную статью, сообщающую о том, что у Ливерморов на вечеринке в тот вечер будут гости. Они поехали на станцию "Грейт Нек" и пешком дошли до поместья Ливерморов. Бэрри пояснил: "Я ввязался в это дело с Билли, чтобы ограбить этот дом, я знал, что это противозаконно. Я искренне пожалел об этом, когда обнаружил, что господа Ливерморовы так достойно ведут себя в стрессовых ситуациях. Но, тем не менее, я продолжил делать свое дело".

Глава 9.

Бэрри продолжил объяснять, что они нашли родстер "Крайслер" в доме соседа и украли его. Он объяснил, что они приехали на железнодорожную станцию "Грейт Нек" и опоздали на поезд, поэтому они угнали такси из Оверленда, стоявшее без водителя на станции, и поехали на окраину Нью-Йорка, где они его и бросили.

Полиция проверила отпечатки Бэрри и явилась с ордером на его арест в Массачусетсе и Коннектикуте. Они также обнаружили, что в 1923 году в Скарсдейл, Нью-Йорк, ему было предъявлено обвинение в убийстве патрульного полицейского сержанта Джона Харрисона, но Бэрри утверждал, что это его сообщник застрелил его, и обвинение в убийстве было снято, а вместо него предъявлено обвинение в угрозе физическим насилием. Он был приговорен к трем месяцам лишения свободы, но он не мог вынести заключения. Он сбежал, когда до конца срока отбытия ему оставалось всего лишь 15 дней. Его друг тайно принес ему в тюрьму пилу.

Пресса описывала Блейк как привлекательную блондинку примерно 35 лет, немного выше 5 футов, одетую в черную шелковую кофту поверх необыкновенно длинного черного платья, увенчанную плотно прилегающей черной шляпой с золотой вышивкой. Им с Уильямом Бэрри не было предъявлено обвинений, как и было оговорено в сделке с прокурором.

Полиция тщательно проработала переданную им Бэрри информацию и полицейские были поражены, так как количество раскрываемых с его помощью ограблений продолжало расти - с 8 до 15, с 15 до 22 домов. Список ограбленных людей выглядел как табель о рангах: Перси Рокфеллер; Уильям Дюран из "Дженерал Моторс"; Уиллер, глава "Америкэн Кэн Кампании"; Альфред Берольцхаймер, глава "Игл Пенсил Кампании"; и полковник в отставке Джон Стиллвелл.

Также выяснилось, что единственным, кто мог дать внутреннюю информацию о поместье Ливермора, был бывший водитель, Эдди Кейн. Был выписан ордер на его арест.

На этом этапе полиция, в конце концов, раскрыла, как они выследили Бэрри и Блейк. Они получили два анонимных

Бостонский Билли

звонка, которые, как было установлено, были осуществлены с таксофона в Бронксе, один - во вторник ночью, а другой - в среду ночью, до ареста в воскресенье. Звонивший не назвал себя. Он рассказал окружной полиции Нассау о расколе внутри банды из-за дележа награбленного, добытого во время ограбления поместья Ливерморов, включая информацию о том, что один из членов банды во время драки получил удар по голове железным прутком. Звонивший назвал имя Бэрри и раскрыл время и направление их поезда. Он также предоставил описания Бэрри и Блейк.

Бэрри продолжали допрашивать на предмет убийства сержанта Харрисона. Он утверждал, что именно Монаган совершил убийство. Когда Монаган прочитал об этом в газетах, его это взбесило, и он послал в "Нью-Йорк Таймс" написанное от руки письмо. Он описал Бэрри как "лживую крысу, которая готова посадить собственного брата на электрический стул". Монаган также утверждал, что у него есть доказательства того, что Бэрри убил сержанта Харрисона.

Число ограблений продолжало расти. Бэрри в сопровождении полиции отправился на осмотр 22 домов в округе Вестчестер, где они с Монаганом получили добычу размером более 500 000 долларов, в основном в виде ювелирных украшений. В одном из домов в Рай господин Мюррей, жертва ограбления, сказал Бэрри: "Я хочу поблагодарить вас за то, что вы вели себя как джентльмен во время ограбления. Вы помните, что вы сделали с булавами колледжа, которые были в вашей добыче?"

Бэрри указал на место на траве за кустами и сказал: "Мы выбросили их там. Для нас они не представляли ценности".

Когда полиция ушла, Мюррей на коленках ползал по траве, ища булавы.

Полицейские привезли Бэрри в Скарсдейл, где были восстановлены подробности убийства офицера Харрисона. Монагана описывали как бандита, алкоголика, великого женолюба.

Окончательная стоимость добычи в результате всех грабежей выросла до 2 миллионов долларов за трехгодичный

Глава 9.

период. 6 июля Бэрри был приговорен к 25 годам лишения свободы и каторжным работам. Когда ему огласили приговор, он взглянул на свои гладкие белые руки и улыбнулся улыбкой решительного человека.

Блейк подбежала к нему, обвила руками его шею и пылко поцеловала его в губы, сунув ему в руки пачку банкнот на тюремные расходы. Когда его уводили, она залилась слезами. Бэрри обвинял Монагана в том, что тот его предал. Он сказал, что как раз собирался уплыть в Европу и начать новую жизнь с Блейк, когда его арестовали.

7 июля детектив Гордон Херли полиции округа Нассау ждал у заднего выхода из бунгало в Сайнд Вью, Коннектикут. Детектив Чарльз Шератон из агентства Бернса стоял у переднего входа. Шератон был нанят Перси Рокфеллером после того, как его под дулом пистолета ограбили. Шератон шел по следу Монагана вот уже семь месяцев. Он упустил уже несколько возможностей поймать Монагана. Он не собирался вновь его упускать.

По предварительно оговоренному сигналу они вышибли переднюю дверь. Монаган был дома. Он вскочил, чтобы схватить пистолет и побежал через весь дом к задней двери. Детектив Херли стоял у задней двери и спокойно прострелил Монагану ногу, когда тот перебежал от стенки к стенке в проходе. Монаган рухнул и взвыл от боли. Его доставили в больницу "Мемориал Ассошиэйтед", где ему была оказана медицинская помощь.

8 больнице Монаган признался в совершении нескольких ограблений, но не в ограблении Ливерморов. Он также отрицал то, что убил патрульного сержанта Харрисона из Скарсдейла, в чем его обвинял его бывший напарник Бэрри. После ареста Монаган сообщил полиции, что он жадно читал светские новости. Это давало ему информацию. Он выяснял, какие семьи устраивали вечеринки, когда они их устраивали и какие гости были приглашены.

Очевидцы позднее подтвердили, что именно Монаган грабил их дома.

Бостонский Билли

Его мать, Мэри Монаган, приехала навестить его в тюрьме. Когда они встретились, он сломался и разрыдался. Она сказала: "Надеюсь, с тобой все будет в порядке, когда ты выйдешь из тюрьмы, сынок".

Он ответил: "Что ж, мама, посмотрим. У меня хороший адвокат".

Позднее она сказала репортерам: "Возможно, он преступник, но я все равно его люблю". Она заплакала: "Я верю, что Господь поможет ему пройти через все это. Я буду его поддерживать, и если надо, отдам ему свой последний грош".

На следующий день Бэрри привезли из тюрьмы Синг-Синг для дачи показаний против Монагана на суде. Бэрри настаивал, обвиняя Монагана в убийстве сержанта полиции Скарсдейла. Но Монаган обвинил в убийстве Бэрри, сказав: "Бэрри просто пытается обвинить во всем меня, чтобы снять обвинения с себя".

Окружной прокурор округа Нассау Эдвардс решил просить суд округа Нассау предъявить Джеймсу Монагану по прозвищу "Бостонский Билли" обвинение в преступлении четвертой степени по законам Бомса, что означало пожизненное заключение без права на досрочное освобождение для Монагана, если он будет осужден. У Монагана было уже три предшествовавших уголовных приговора в Массачусетсе и он разыскивался как укрывающийся от правосудия за побег из тюрьмы.

21 июля проверка ложек, используемых заключенными, выявила, что одной ложки не хватает. Камеру Монагана обыскали и охранники нашли ложку, которая была вставлена в устройство, которое можно было использовать для того, чтобы открыть замок. Шериф округа Нассау немедленно приказал поместить Монагана в одиночную камеру. Монаган отчаянно сопротивлялся. Но, в конце концов, он сдался. Он закричал: "Я с ума сойду в одиночке! Выпустите меня отсюда".

"Если дела пойдут хуже", - сказал шериф Стронсон. - "Я посажу его в смиренную рубашку".

Глава 9.

На следующий день, будучи закрытым в одиночной камере, Монаган поджег свой матрас. Тогда шериф поставил охранника у его камеры.

В день, когда должен был начаться суд, 29 июля, Монаган признал себя виновным в совершенных грабежах. Обвинение в убийстве патрульного сержанта Харрисона из Скарсдейла было снято. Монаган был приговорен к 50 годам тюрьмы. Когда он зашел в зал суда для того, чтобы услышать приговор, люди слышали, как он говорил: "Ну вот и все. Думаю, мне даруют жизнь, но скоро я выйду".

Его угроза убежать была принята всерьез. Под усиленной охраной его отправили в тюрьму Синг-Синг, и усиленная охрана сохранялась до тех пор, пока тюремный паром не доставил его в Колледж Пойнт. По пути туда Монаган снова поклялся, что сбежит из тюрьмы.

6 января 1929 года после двух лет поисков детективы округа Нассау в Кеноше, Висконсин, поймали Эдди Кейна, бывшего водителя, связанного с ограблением Ливермора. 7 января Кейн сознался в содеянном. 22 мая Кейн был приговорен к пяти годам в государственной каторжной тюрьме.

И Дороти, и Ливермор были шокированы, узнав, что Кейн помогал грабителям. Они отказывались верить в то, что он был замешан в этом, до тех пор, пока он в конце концов не сознался в преступлении.

Сообщение о возможно планируемом похищении его детей в Палм-Бич в марте 1925 года и ограбление 1927 года бандой Бостонского Билли, а также последовавшие за этим угрозы со стороны банды и долгое преследование грабителей, ввело Ливермора в состояние глубокой депрессии и желание защитить свою семью.

Но это не остановило Дороти от проведения крупных вечеринок во всех случаях, когда ей того хотелось.

ГЛАВА 10

Крах 1929 года

В крахе 1929-го года нет ничего уникального. Такие крахи происходят каждые 20-30 лет, поскольку именно столько составляет финансовая память. Это приблизительно то время, которое необходимо для того, чтобы на рынке появились новые простофили, которые будут считать, что у них есть новый и прекрасный задел на будущее".

Джон Кеннет Гелбрейт, "Великий Крах 1929 года ".

*НЕОЖИДАННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НА
НЕКОТОРОЕ* время отвлёк от дел Ливермора,

сконцентрировавшего внимание на бурном кипящем бычьем рынке начала 1929 года.

4 апреля 1929 года инвесторы предъявили иск в размере 1,45 миллиона долларов "Мизнер Девелопмент Корпорейшн", в которой Ливермор и Коулмен Дюпон являлись директорами. Инвесторы утверждали, что они потерпели убытки во время краха земляного бума в Бока Рэтон. Эту группу рассерженных инвесторов возглавлял Максимилиан Моргентау, сын бывшего посла в Турции, Генри Моргентау.

Моргентау составил иск на 870 страницах. Это был самый большой иск, когда-либо составленный до того времени. В иске говорилось, что "Мизнер Девелопмент Корпорейшн" осуществила подлог. Там констатировалось, что земельные участки Бока Рэтон, Флорида, были представлены в ложном свете, и что "Мизнер Девелопмент Корпорейшн", учредитель застройки, действовала, не получив предварительной информации о продажах недвижимости и управлении.

Далее в иске указывалось, что преступные действия были начаты 12 апреля 1925 года, когда учредители назначили президентом Эдисона Мизнера, архитектора без опыта работы в строительстве недвижимости. Затем Мизнер назначил своего

Глава 10.

брата, Уилсона Мизнера, драматурга, не обладающего должной квалификацией в сфере недвижимости, секретарем компании.

Иск получил большой резонанс в прессе. Директора корпорации быстро и в частном порядке все уладили. Подробности расчетов так и не были разглашены. Все дело быстро сошло со страниц газет.

Проблема началась в 1925 году, когда у Эдисона Мизнера, знаменитого архитектора из Палм-Бич, появилась блестящая идея застроить Бока Рэтон, неразработанный участок к югу от Палм-Бич. Мизнер хотел построить самую красивую в мире в архитектурном отношении спортивно-игровую зону. В первый год он хотел построить величественную гостиницу на 1000 номеров, поле для поло и казино, а после этого продолжить проведение массивной застройки, которая включила бы в себя строительство еще трех крупных гостиниц.

Синдикат "Мизнер Девелопмент Корпорейшн" был сформирован для того, чтобы следить за амбициозным строительством и финансировать его. Группа состояла из светил финансового и общественного мира, а также мира развлечений, таких как Гарольд Вандербильт, Парис Зингер, Джесси Ливермор, Ирвинг Берлин, Вандербильт II, Эддисон и Уилсон Мизнеры, Элизабет Арден, Коулмен Дюпон и Родман Уонамейкер, и многих других.

Синдикат приобрел две мили пляжной территории вокруг бухты Бока Рэтон и 1600 акров земли. К продаже инвесторам были предложены ценные бумаги нового синдиката на сумму в 500 000 долларов вместо изначальных 5 миллионов. Это количество было распродано меньше, чем за неделю. Цены на землю на территории, окружающей зону предполагаемого строительства, взлетели вверх. '

15 мая 1925 года в
следующее объявление:

"Палм-Бич Пост"

появилось

Владельцы и
управляющие

"Мизнер Девелопмент
Корпорейшн" - группа очень богатых людей с
неограниченными средствами - предлагают при помощи

творческого гения Эдисона Мизнера построить то, что скорее всего станет самым чудесным курортным городом в мире. Совместное благосостояние акционеров, вероятно, составляет порядка одной трети всех состояний Соединенных Штатов. Разумно будет предположить, что всякий покупатель земельного участка, вероятно, быстро получит крупную прибыль.

Имена известных лиц, поддерживающих данный проект, использовались во всех рекламных объявлениях и во всех маркетинговых ходах, продвигавших корпорацию. 6 августа были выбраны директора. Дюпон, недавно избранный сенатором от Делавэра, теперь стал председателем совета директоров, а Ливермор был назначен главой финансовой комиссии. У Ливермора и финансовой комиссии не ушло много времени на то, чтобы выяснить, что происходит, и возразить против использования их имен при продвижении проекта застройки. Они усиленно осуждали это обсуждение своих имен в том ракурсе, как будто они лично гарантировали финансовый успех проекта.

Они также возражали против того, чтобы обещать новым покупателям земли, что будет построено еще три гостиницы, включая "Ритц-Карлтон", а также три поля для гольфа, поля для поло и километры отличных мощеных улиц на всей территории застройки.

В конце концов, еще до конца года, 24 ноября, Дюпон подал в отставку, сообщив прессе, что в проекте не применяются правильные методы ведения дел, хотя у проекта великие возможности. Ливермор и еще несколько директоров также подали в отставку.

Эти отставки и проблемы в прессе вызвали немедленное завершение земляного бума в Бока Рэтон. В первые шесть месяцев деятельности, маркетинговая компания достигла уровня продаж более чем в 25 миллионов долларов. Но из-за раскола в совете директоров и негативных комментариев Дюпона, появившихся в *"Нью-Йорк Таймс"*, продажи резко прекратились и проект закрылся.

Глава 10.

Это преподавало Ливермору еще один хороший урок: придерживайся того, в чем разбираешься, чем, в его случае, являлся фондовый рынок. Он снова стал работать, чтобы возместить себе ущерб от флоридской сделки с землей, сделки, которая, как сказали ему его знаменитые друзья в Палм-Бич, просто не может провалиться.

С зимы 1928 года до ранней весны 1929 года, Ливермор был законченным быком на вышедшем из-под контроля бычьем рынке, но он ждал, когда рынок подаст сигнал о повороте, неизбежном повороте, и ждал, когда нужно будет продавать свои длинные позиции. Опыт научил его, что всегда лучше продать раньше на сильном рынке, особенно когда у тебя внушительная линия активов, которую следует продать.

В начале лета 1929 года, в разгар по-прежнему бычьего рынка, Ливермор в конце концов продал все свои длинные позиции. Он составил список ведущих акций, которые, на его взгляд, были чрезмерно раздуты.

Линия наименьшего сопротивления изменилась с растущей на колеблющуюся. Он задавал себе вопрос, было ли это колебательное движение просто корректировкой после резкого скачка вверх на бычьем рынке, или же началом серьезного изменения всего рынка в целом. Изменился ли тренд рынка? Изменялся ли он у всех на глазах, и был ли фактор жадности слишком силен, чтобы воспрепятствовать тому, что люди увидели вершину?

Весь опыт Ливермора и инстинкты кричали ему о том, что это пик. Но он знал, что основное - это сроки. Вопрос был не в том, наступит *ли* пик; а в том, *когда* он наступит. До этого

он ошибся, вступив в игру слишком рано, только для того, чтобы выяснить, что он был прав, но сделал ход слишком рано. Он решил следовать разработанному им самим методу пробных шагов и открывать на рынке небольшие короткие позиции.

Действуя из своего военного штаба, офисного номера в Хекшер Билдинг по адресу Пятая Авеню, дом 730, он начал свою тайную деятельность. Постоянно меняя брокеров, используя не менее 100 брокеров, чтобы замаскировать свои

ходы в течение следующих шести месяцев, никому не рассказывая о своей стратегии, используя тайные символы на доске, держась подальше от прессы до тех пор, пока не будут открыты все его позиции, он проверял рынок.

Он осуществлял пробные операции, продавая несколько активов без покрытия, открывая маленькие позиции. Рынок продолжал двигаться вверх, и ему приходилось их закрывать, теряя при этом более 250 000 долларов, маленькую часть своего капитала. У него каждый день на длинном помосте работала полная команда из шести человек, записывающих значения на доске. Он активно работал по прямым телеграфным линиям с рынками Лондона и Парижа. Прямая линия с Чикаго показала ему, что цены всех основных товаров падают до небывало низких уровней по всему спектру. Из-за постоянных и непрекращающихся проблем в экономике, как в Соединенных Штатах, так и за рубежом, он чувствовал, что мир приближается к серьезной дефляции.

Он разместил второй ряд проб, снова проверяя свои усиливающиеся подозрения, но они не удержались, и ему пришлось закрыть их, когда рынок двинулся против него. Но затем, в конце лета, он вновь разместил свои пробы, уже в третий раз. Они удержались.

Внезапно они стали прибыльными - прибыли были небольшими, но, по крайней мере, они были прибыльными. Теперь он был полностью уверен, что был прав.

Его терпение окупилось. Это было одной из причин, почему он любил рыбалку, если ты делал все правильно, был настойчив и терпелив, в конечном итоге, тебе попадалась рыба. Теперь у него на крючке была рыба, ему нужно было лишь подтянуть ее к себе. На этот раз он знал, что прав. И он был готов субсидировать свою игру позициями крупного размера.

Его знали как Мальчика-Игрока, Великого Медведя Уолл-Стрит и Одинокого Волка Уолл-Стрит. Он был готов жить, как подобает согласно своей репутации.

Летом 1929 года Ливермор открыл ряд коротких позиций, в то время как рынок был по-прежнему достаточно

Глава 10.

силен, чтобы принять его заявки. Для него было легко занять необходимый актив под свои короткие позиции, поскольку почти все играли на повышение и считали безумием продавать без покрытия. Лучше и придумать было нельзя: экономика была велика, ликвидность огромна, для предприятий в наличии было много денег, которые можно занять, никаких признаков инфляции - на самом деле цены на потребительские товары падали. Его друзья спрашивали его, почему он хочет продавать.

Ливермор наблюдал за всем этим, и его знаменитый инстинкт взял верх - его внутреннее чувство, которое, по его мнению, вовсе не было инстинктом. Скорее это была общая сумма всего его опыта и всех его знаний, которая наполняла его сны по ночам, лишая его сна - подсознательный грохот.

Когда рынок наконец достиг пика, появилось много сигналов. Он не просто выстрелил вверх, дошел до кульминации и рухнул. Совсем не так, как делали рынки раньше, он двигался непреклонно, медленно, как гигантский корабль в море, но рынок подавал сигналы, сигналы, которые Ливермор видел раньше: ведущие акции боролись, будучи неспособными достичь новых высот; опытные игроки продавали на сильном рынке, подпитывая жадность общества.

Люди в полную силу хлынули на рынок. Механики, парикмахеры, сапожники, разносчики газет, домохозяйки и фермеры, все торговали ценными бумагами на 10-процентной марже. Для них было очевидно, что выиграть, на фондовом рынке было проще простого; инвестируй деньги и процветай. Это был новый период в истории, время, непохожее на прошлое, время бесконечного благоденствия с простой формулой: покупай акции и богатей. Фонды движутся в одном направлении - вверх, вверх и вверх. Это была новая эра вечного процветания - и, что еще важнее, в этой игре могли участвовать и маленькие люди.

Ливермор наблюдал за тем, как от неистовой подпитки капиталом растут цены, хорошие акции продаются в 30, 40, 50, 60 раз дороже, чем их годовой доход. Это были те самые бумаги, которые обычно продавались по ценам в 8-12 раз

превышающим их годовой доход. Плюс, необузданные спекулятивные акции, подобные новым высокотехнологичным радио-компаниям. Это были ультрамодные, предпочитаемые активы.

Он также наблюдал за лидерами, акциями, которые вели рынок вверх. Он наблюдал за тем, как они застревали и корректировались, как им не удавалось достичь новых высот, как они откатывались назад, когда они сталкивались с волной распродаж, когда опытные биржевые торговцы вступали на рынок.

Осенью 1929 года Ливермор сидел в своем офисе и через большое окно наблюдал, как команда из шести ассистентов в наушниках отмечает на зеленой доске движение фондов. Символы звучали для него как музыка, но теперь это было неистовое крещендо, высшая точка в конце великой симфонии, годы, годы прекрасной музыки. Теперь конец войны был близок; темп нарастал, музыка выходила из-под контроля, находилась на грани безумия; аккорды звучали нестройно. Он вышел из офиса и часами сидел за своим длинным, сверкающим столом для совещаний из красного дерева. Он сидел в тишине, наблюдая за тем, как ассистенты двигались вдоль подмостков. По мере того, как он наблюдал, его решимость росла. Это был конец. Почти ежеминутно он заходил в свой личный кабинет и заключал сделку. Затем он говорил об операциях Гарри Эдгару Дашу, своему доверенному помощнику, который фиксировал сделку в журнале.

Часто в конце дня, как в игре, он наперегонки с Дашем производил расчеты по своему положению на рынке, подсчитывал точный баланс активов, с точностью до пенни. Ливермор в уме производил подсчеты и за секунды до того, как Даш уже собирался выкрикнуть ответ, выданный машиной, он поднимал руку и спокойно произносил цифру, цифру, которую он высчитал в уме. Даш просто кивал головой. Ливермор всегда был прав.

Затем разразилась буря.

Катаклизм обрушился со всей яростью, как только начались торги. В течение первых тридцати минут огромные

Глава 10.

блоки акций - по 50000 акций "Крайслер", "Дженерал Электрик", "Интернэшнл Телефоун энд Телеграф" и "Стэндэрд Ойл" за раз - были выброшены на рынок зажиточными индивидами и организациями по ценам, которые ошеломили наблюдателей. "Эй Ти энд Ти", который достиг пика в 310 долларов за акцию в пьянящие летние дни бычьего рынка, в результате головокружительного падения рухнул вниз до 204 долларов. "Ю.Эс.Стил" проскользнул 190, 180, 170 и продолжал снижаться. "Ар Си Эй", бывший фаворит, со 110, не пользуясь спросом, скатился до 26. Некоторые брокеры потеряли самообладание и без нужды ликвидировали контракты своих клиентов, придав дополнительную силу спирали, идущей вниз. Другие сошли с ума. Наблюдатели смотрели в немом ужасе на то, как один трейдер как сумасшедший с криком выбежал из операционного зала биржи.

Те, кто оставался среди кричащей, безумной толпы, приобрели затаившийся, испуганный вид загнанных зверей.

К полудню более 8 миллионов акций было продано,
а

торговый зал охватили неистовые скорости, когда все предыдущие торговые протоколы разлетелись вдребезги. Вскоре после этого члены контролирующей комиссии биржи созвали втайне совещание в тесном, прокуренном кабинете под операционным залом, и встревожено спорили о том, стоит ли полностью приостановить торги, пока не уляжется паника.

По новостным телеграфным линиям в то утро прошел ряд кратких срочных сообщений: "Федеральное резервное управление заседает в Вашингтоне с министром Меллоном. Кабинет созван на совещание. Президент Гувер совещается с министром торговли Ламонтом. Ведущие банкиры собрались в офисе Дж.П.Моргана-младшего, чтобы обсудить ухудшающуюся ситуацию". По мере того, как степень финансового краха становилась яснее - 15 миллиардов стоимости фондов растворились в воздухе, уничтожив сбережения инвесторов по всей стране — начало

стремительно
расти число человеческих жертв.

Бизнесмены, чьи компании обанкротились,
переживали сердечные приступы. Разоренные спекулянты

Крах 1929 года

выбрасывались из окон гостиниц, или закрывали все окна и включали газ, или глотали яд, или просто пускали себе пулю в лоб. После них, обломками крушений плодов тяжелого труда всей жизни, мечтаний и фатальных иллюзий, оставались следующие записки: "Все пропало. Скажите ребятам, что я не могу вернуть им долг".

Великий крах, когда ценные бумаги на биржах всей страны лавинообразно потеряли более трети своей стоимости, воспоминания о котором преследовали целое поколение. Крах, когда мечты сотен тысяч американских инвесторов - в основном принадлежавших к среднему классу, включая секретарей, клерков, старых дев и мелких бизнесменов - исчезли, разбились вдребезги вместе с их накоплениями, заработанные усердным трудом. Великий крах, который потряс страну, нанеся тяжелую психологическую травму, последствия которой были по-прежнему видны даже спустя десятилетия.

Уиллиам Клингэмэн,
"1929 год: Год Великого Краха "

Следующий день, Черный Вторник, был еще хуже: рынок упал на 11,7 процента за один день.

Ливермора лично обвиняли в крахе. Даже *"Нью-Йорк Таймс"* напечатала статью, приписывающую крах его сильной и непрерывной игре на понижение. И снова он был центром большой драмы, и его жизни угрожали.

Казалось, что звонки не прекращаются. Он лично отвечал на звонки. Он велел Дашу переключать сердитые звонки на него. Угрозы приходили также в письмах и телеграммах. Через некоторое время он перестал брать трубку. Но звонки его беспокоили из-за собственной безопасности и безопасности его семьи.

Ливермору горе других не доставляло никакой радости. Он удивлялся, как его жизнь дошла до такой печальной точки. Это был его самый великий день на рынке, самая великая победа. Почему же он чувствует себя таким опустошенным?

Глава 10.

В начале двадцатого века депрессия считалась состоянием мозга, вызванным эмоциональной нестабильностью или слабостью характера. Клиническая депрессия еще не была открыта. Теория о химическом дисбалансе как причине аномального поведения еще не родилась. В серьезных случаях депрессии на протяжении большей части века пациенты часто подвергались электрошоковой терапии. Электроды подсоединялись к черепу, и через него пропускался сильный заряд электричества, прижигая мозг. Нет доказательств, что подобная терапия что-то меняла к лучшему, кроме того, что она повреждала мозг пациента.

В 1930 году помимо депрессии у Ливермора возникли личные проблемы. Его жена Дороти, его возлюбленная Мышка, стала сильно пить, а ее мать стала ее вторым "я". Они вместе ходили за покупками и вместе путешествовали. Комнаты ее матери полностью занимали одно крыло особняка в Эверморе, и Дороти обращалась к ней за советом по всем домашним и личным вопросам. Их основным занятием была трата денег Ливермора, прежде всего на украшение различных его домов.

Мать Дороти также любила играть в азартные игры. Она была состоятельной и пользовалась своими деньгами. Она была хорошим игроком. Она чаще выигрывала, чем проигрывала.

Во время путешествия по Европе в 1930 году они ездили в Испанию, чтобы навестить американского посла, доброго друга Ливермора, Александра П. Моора. Ливермор прикрывал Моора во время его страстного романа с Лиллиан Расселл. Пока они были в Испании, Моор представил мать Дороти королю Испании, с кем она тут же завязала любовные отношения. Связь продолжалась несколько месяцев. Она оставалась в Испании, играла в казино почти каждый вечер и весело проводила время с королем.

Дороти считала, что это здорово, поскольку ее мать долгие годы оставалась вдовой. Ливермор и Моор были сбиты с толку этой связью и лишь молча качали головой.

Ливермор часто сердился на свою тещу. Он чувствовал себя отдаленным от жены, и он считал, что именно присутствие

ее матери является барьером между ними. Он никогда не был общительным, коммуникабельным человеком, он держал свои чувства при себе, поэтому он никогда не говорил об этих чувствах Дороти. Он на самом деле был эмоционально замкнутым человеком, подобно своим родителям - пуританам из Новой Англии. Сдержанность в выражении своих чувств пропитала всю его личность. Он считал необходимым действовать подобно тому, как действует игрок в покер, никогда не открывая своих карт и не реагируя эмоционально. Из-за своей неспособности и нежелания выражать свои эмоции, он находился в постоянном состоянии стресса. Единственное облегчение приходило тогда, когда он продавал свои позиции на рынке и брал отпуск, выходил в море на своей яхте, и с возрастом он делал это все чаще и чаще.

У него был и другой вид отдыха, тайного отдыха. Ливермор имел слабость - слабость к красивым женщинам. А у некоторых женщин была слабость к влиятельным мужчинам, неограниченным в деньгах, и соблазнительной ауре тайной жизни, проходящей гордой поступью по темным коридорам Уолл-Стрит и слабоосвещенным залам высоких финансов.

Он представлял собой загадочную, элегантную фигуру, всегда был безупречно одет в костюмы от Севиля Роу и очень ухожен. Каждое утро его брил личный парикмахер и ежедневно подравнивал его волосы. У Ливермора всегда был доступ к красивым женщинам через Фло Зигфельда и ему подобных. Он также знакомился со многими женщинами на бесконечных вечеринках, устраиваемых Мышкой и ее соседями на Лонг Айленд.

Ливермор начал все больше и больше ночей проводить у тайных любовниц в Нью-Йорке в рабочие дни. Появились слухи и они начали неувовимо распространяться в высших кругах общества Грейт Нек Лонг Айленда и пещерах Уолл-Стрит. Эти слухи в конце концов дошли до ушей Дороти. Она однажды подошла к своему возлюбленному Джей Элу.

"Джей Эл, мне о тебе рассказывают ужасные вещи".

"А именно?"

Глава 10.

"Другие женщины, красивые женщины, статистики, какой я когда-то была сама, которые состоят с тобой в связи".

"Послушай, Мышка..."

"Нет, я этого не потерплю и я отказываюсь это обсуждать!"

"Но ты сама начала этот разговор".

"Не пытайся сменить тему и сбить меня с толку. Я просто не хочу это обсуждать. Скажи мне, что это неправда, Джей Эл".

"Это неправда".

"На этом вопрос закрыт, и если бы даже это было правдой, я хочу, чтобы это было неправдой и покончим с этим".

"Не переживай, Мышка".

Она улыбнулась и взяла его за руку. Она ему не поверила, но надеялась, что он остановится. Она пила все больше, устраивала еще больше вечеринок в Эверморе, на яхте, в "Брейкерз" в Палм-Бич и в их доме в Лейк Плэсид.

Ливермор не остановился. Его любовные связи продолжались, но его частная жизнь никогда не мешала его деловой жизни, поскольку деловая жизнь была его реальной жизнью, жизнью, которую он по-настоящему любил, и игрой, в которую он не мог наиграться. Интеллектуальное решение проблем спекуляции было вершиной его жизни, жизненной силой, текущей по его венам. Оно вызывало в нем бесконечное волнение, также как сама по себе телеграфная лента бесконечно раскрывала перед ним свои секреты. Каждый секрет, который он обнаруживал, торгуя на рынке, был для него откровением, заставляя его чувствовать себя первооткрывателем, открывающим дверь в гробницу Тутанхамона и обозревающим ее тайны в первый раз.

*** Г Л А В А 1 1 ***

Знать, когда придержать и когда завернуть

*В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха.
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочится.*

Шекспир, "Юлий Цезарь"

Знать, когда придержать и когда завернуть

*В 1930-М ГОДУ ЛИВЕРМОР ПРОВОДИЛ ОЧЕНЬ
МНОГО ВРЕМЕНИ В*

"Бич Клуб" в Палм-Бич. Они с Эдом

Брэдли, владельцем клуба, давно стали друзьями. По закону азартные игры во Флориде были запрещены, когда Брэдли открыл клуб, но у него было молчаливое одобрение Генри Флэглера, железнодорожного барона и партнера в "Стэндэрд Ойл". Это было единственное по-настоящему необходимое одобрение.

В официальном акте о регистрации "Брэдлиз" было написано, что "Бич Клуб", объединяет людей для светского общения, включая игры и развлечения, о которых время от времени могут договариваться администрация и члены клуба.

Правила включали в себя возрастные ограничения - 25 лет, запрет на курение в зале, где проводились азартные игры, требование, что все долги должны выплачиваться в течение 24 часов, и строгие требования к одежде, требовавшие полностью вечерней одежды после 7 вечера, без исключений. Белый галстук и фрак были обычной формой одежды; смокинг был минимально дозволенной одеждой.

Неписаным правилом "Бич Клуб" было то, что в клуб не принимали жителей Флориды. Это правило было взято из практики Монте-Карло, где местным жителям не дозволяется заходить в казино. Но для Брэдли это было просто удобное в

Глава 11.

применении правило с точки зрения здравого смысла. Он не хотел, чтобы кто-либо из местных сильно пострадал с финансовой точки зрения, поскольку они могли поднять шумиху по поводу законности. Он все делал по своему личному усмотрению и принимал в клуб только тех местных, кого он считал подходящим для вступления в клуб. Это, конечно же, были богатые и влиятельные люди, которые помогали клубу оставаться открытым. "Брэдлиз Бич Клуб" функционировал в Палм-Бич с соблюдением этих и других правил более 45 лет.

Вечером января 1930 года, около 7 вечера, Ливермор вошел в казино, одетый в белый галстук и фрак. Ливермор любил одежду. Она хорошо сидела на его стройном теле. Фрак был шит специально для него в Англии. У него было 4 фрачных костюма, сшитых несколько лет назад, и все они остались без изменений. Вес Ливермора никогда не менялся.

Он пошел в игровой зал и обнаружил там своего близкого друга Уолтера Крайслера, по-прежнему одетого в одежду для гольфа, сидящим за колесом рулетки, полностью поглощенным вращением колеса и маленьким черным прыгающим шариком. Он сел рядом с ним. Крайслер поднял глаза и увидел что Ливермор одет в вечернюю одежду.

"Здравствуй, Уолтер"

"Привет, Джей Эл. Ты уже в вечернем. Что, уже так поздно?"

"Без десяти семь", - ответил Ливермор.

"Когда теряешь деньги, время летит быстро".

"Так плохо?"

"Около пяти штук на неправильной стороне".

Когда стрелки часов подошли к семи, к колесу рулетки подошел Брэдли. Крупье взглянул на него. Брэдли протянул руку к маленькому черному шарик. Крупье вручил его ему.

"Уолтер, почти семь. Тебе нужно сменить одежду".

"Мне нужно сменить судьбу. Эд, я здесь проиграл около пяти штук. Я хочу отыграться".

Знать, когда придержать и когда завернуть

"Когда переоденешься и вернешься назад. Мы придержим для тебя место. Мы открыты до четырех утра", - сказал Брэдли.

"Эд, слушай..."

"Уолтер", - Брэдли секунду, не отрываясь, смотрел на него. Он не привык, чтобы ему задавали вопросы. Но Крайслер тоже к этому не привык. Брэдли вытащил из кармана свой счастливый серебряный доллар. "Давай бросим жребий на то, что ты проиграл".

"Хорошо".

"Выбирай, Уолтер".

"Орел".

Брэдли бросил монету, она перевернулась, и когда она уже полетела вниз, он поймал ее в воздухе.

"Ты выиграл, Уолтер", - сказал Брэдли, не глядя на монету. Он кивнул крупье, чтобы тот вернул Крайслеру фишки, которые тот потерял.

После того, как Крайслер ушел, Ливермор и Брэдли уселись за маленький столик для коктейлей в столовой. Люди, приходившие в клуб поужинать не появлялись здесь до 8 вечера. Было тихо. Брэдли заказал свою газированную воду, а Ливермор обычный коктейль. Минуту они сидели молча.

Ливермор нарушил тишину: "Ты всегда добиваешься своего, Эд?"

"Не всегда, но мне не нравится, когда нарушают мои правила. У тебя же есть правила, а, Джей Эл?"

"Да, и, к сожалению, вынужден признать, что я иногда их нарушаю".

"Я слышал, что во время Краха ты их не нарушил".

"Нет, не в этот раз. На этот раз я играл по своим правилам, и все получилось".

"Азартный игрок и биржевой спекулянт должны играть по своим правилам, не так ли, Джей Эл?"

Глава 11.

"Да, но много времени уходит на то, чтобы их сформулировать, да?"

"Вся жизнь, потому что ты никогда не можешь сформулировать их до конца, как никогда до конца нельзя узнать человека".

"Эд, как можно разгадать другого человека, если и себя не можешь разгадать?"

Брэдли рассмеялся: "Тут ты прав. Мы живем сами с собой двадцать четыре часа в сутки, и для нас нет ничего более важного, чем мы сами, но все равно большинство из нас все еще ничего про себя не знает".

"И давай даже не будем говорить о женщинах".

"Нет, я уже достаточно озадачен всем вышесказанным".
Принесли новые напитки, и Брэдли поднял свой стакан. Они чокнулись за тост: "Выпьем за то, чтобы никогда не понимать женщин. В них должна быть загадка. И за удачу в этом деле, хотя бы иногда".

"Ваше здоровье", - ответил Ливермор.

Некоторое время они посидели в приятной тишине.
Ливермор ее нарушил: "Эд, без лести могу сказать тебе, что ты - один из величайших азартных игроков в мире. Ты играл по всей стране, и ты постоянно выигрываешь. Хочу задать тебе один вопрос".

"Давай".

"Как ты думаешь, что нужно, чтобы завоевать фондовый рынок?"

"Некоторое время назад я задавал тебе тот же самый вопрос, Джей Эл. Кроме того, что я знаю о фондовом рынке?"

"Пожалуйста, Эд", - Ливермор сделал глоток из своего бокала. - "Я знаю, что много лет назад ты выигрывал на товарном рынке в Чикаго довольно крупные суммы".

"Ну хорошо, я попытаюсь тебе ответить, Джей Эл".
Брэдли на минуту задумался, а затем ответил. "Я думаю, нужно три вещи. Правильно выбирать время. Когда выходить на

Знать, когда придержать и когда завернуть

рынок, когда уходить с рынка, когда придержать, когда завернуть. Затем управление денежными средствами. Нельзя допускать потери ставки, иначе вся игра будет кончена. И эмоциональная стабильность. Да; возможно, это самое важное, у тебя должна быть способность контролировать свои эмоции, когда ты играешь. Вот так".

"Звучит как принципы хорошего азартного игрока".

"Вся жизнь - игра, Джей Эл".

Ливермор улыбнулся. И на этот раз он поднял бокал.

"Как насчет тоста за людей, которые кое-как крутятся?"

"За тех, кто кое-как крутится и знает, когда остановиться". Они чокнулись. "Мне это нравится, Джей Эл. Да, очень нравится".

Для спекулянта сроки значат все. Вопрос никогда не стоит о том, *двинется ли* актив; вопрос всегда лишь в том, *когда* актив двинется вверх или вниз.

Крах 1929 года утвердил Ливермора в вере в то, что он называл *базисными точками*. Черный Вторник явился самой

крупной базисной точкой в истории фондового рынка - рынок упал на 11,7 процента за один день. Ливермор построил свою стратегию выбора времени на основе базисных точек.

Он попытался объяснить концепцию своим сыновьям, когда они подросли. "Ребята, *базисные точки* стали одним из моих настоящих ключей к рынку, методом заключения сделок, который формально был практически неизвестен во время спекуляций на фондовом рынке в 1920-е-30-е годы. Базисные точки - это инструмент для определения сроков, которым я пользуюсь, чтобы определить, когда выходить на рынок и когда уходить с него.

"Я разделяю базисные точки на две категории: первые я называю *обратными* базисными точками, вторые - базисными точками *продолжения*.

"Обратную базисную точку определить непросто. По

моему мнению, это изменение основного направления рынка,

совершенное, с психологической точки зрения, время в начале нового движения, изменение основного тренда. Для моего стиля заключения сделок не имеет значения, находится ли она в нижней или в верхней точке долгосрочного движения тренда. Главное, что нужно понимать в этом методе - это то, что обратная базисная точка отмечает определенное изменение направления. Базисная точка продолжения только подтверждает движение".

"Обратная базисная точка подает мне сигнал об оптимальном времени для заключения сделки. Обратные поворотные точки всегда сопровождаются сильным ростом количества сделок, высшей точкой покупки, которая сталкивается с валом продажи, или наоборот. Эта битва, война между покупателями и продавцами, приводит к тому, что фонд изменяет свое направление на обратное, чтобы достичь вершины или нижней точки во время спада. Это начало нового направления в тренде фонда. Этот подтверждающий рост объема заключаемых сделок часто завершает торговую сессию 100-500-процентным ростом среднего дневного объема сделок.

"Я обратил внимание, что эти обратные базисные точки обычно наступают после долгосрочных движений трендов. Это одна из причин, почему я всегда чувствовал, что для успеха в ловле больших колебаний необходимо быть терпеливым.

"Человеку, безусловно, необходимо терпение, чтобы быть уверенным, что он распознал обратную поворотную точку фонда. Я разработал тесты. Сначала, я посылаю пробный заказ - я покупаю малую долю позиции, которую я в конечном итоге приобрету, если окажусь прав в первой сделке. Я также проверял всю отраслевую группу, или, по крайней мере, еще один актив в группе, чтобы посмотреть, наблюдается ли в нем та же самая модель. Это было все необходимое мне подтверждение".

"Второй, очень важный тип поворотной точки, базисная точка *продолжения*, обычно встречается во время движения тренда как естественная реакция на фонд в определенном тренде. Это потенциальная дополнительная точка входа в

Знать, когда придержать и когда завернуть

продолжающемся движении, или шанс увеличить Вашу позицию, при условии, что фонд выйдет из базисной точки продолжения направленным в том же направлении, как и ранее, во время коррекции".

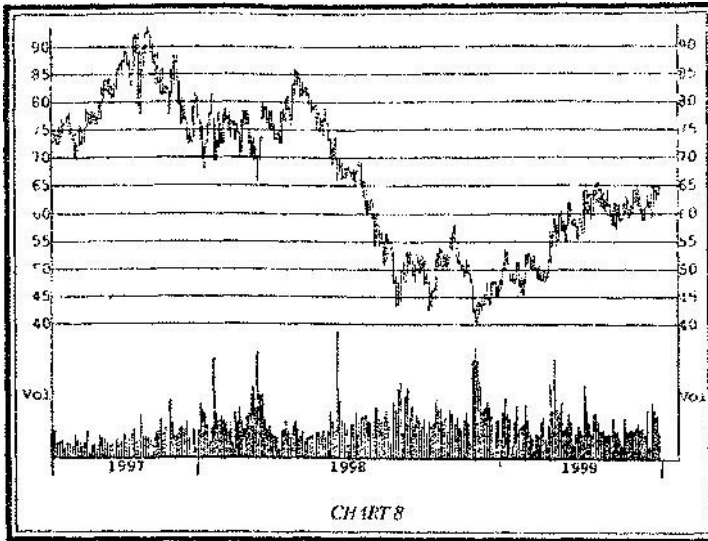

Рис. 11.1. "Шлумбергер, Лтд"., с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

Рисунок показывает две явные обратные базисные точки, продемонстрированные «Шлумбергер», нефтедобывающей и сервисной компанией. Первая, в конце 1997 года, привела к снижению цены, а вторая, в конце 1998 года, привела к росту цены. Компания также сформировала базисную точку продолжения в середине 1998 года, когда она достигла уровня 86 долларов, подтвердив свое снижение - в данном случае, до 40 долларов в конце 1998 года.

"Для меня цена фонда никогда не бывает слишком высокой для покупки или слишком низкой для продажи без покрытия. Ожидая сигналов от базисной точки продолжения, я получал возможность либо открыть новую позицию, либо докупить акций к текущей позиции, если я уже купил таковую. Я не преследую актив, если он от меня уходит. Я лучше подожду и заплачу больше, после того как актив

перегруппируется и сформирует новую базисную точку продолжения, потому что эта базисная точка продолжения является подтверждением и дает гарантию того, что актив, скорее всего, продолжит свое движение".

"Я также пользовался этой теорией базисных точек для того, чтобы обнаружить многие успешные механизмы продаж без покрытия. Я искал акции, которые снизились до уровня новых низших точек в течение последнего года или около того. Если они формировали ложную базисную точку - то есть, если они

искусственно снижались с этой новой низшей точки, а затем проваливались вниз, ниже этой новой низшей точки - они, скорее всего, продолжат опускаться вниз и дальше, и установят дополнительные новые низшие точки для этого движения.

"Если я правильно определял базисные точки, я мог осуществить свою изначальную закупку по правильной цене с самого начала движения. Это гарантировало то, что я никогда не оказывался в проигрышной позиции, а, следовательно, мог благополучно перенести обычные колебания акций, не рискуя при этом своим капиталом. Однажды актив сдвинулся с базисной точки, а я оказался в прибыли, я рисковал только своими потенциальными прибылями, а не своим драгоценным капиталом".

"Молодость, когда я разорвался из-за того, что покупал акцию в неправильное время во время ее движения, снабдила меня подсказками для разработки этой новой теории базисных точек. Если покупаешь до того, как установилась базисная точка, тогда, возможно, еще слишком рано. Это опасно, потому что фонд может так никогда и не сформировать должную базисную точку, чтобы явно установить свое направление. Если покупаешь больше, чем на 5-10 процентов выше, чем изначальная базисная точка, возможно, уже поздно. Возможно, ты уже опоздал, поскольку движение уже началось".

"Базисная точка делает единственный намек, необходимый для того, чтобы заключать сделки и выигрывать. Спекулянт должен быть терпелив, потому что на то, чтобы актив сошел со своего логичного и естественного курса, нужно время".

Знать, когда придержать и когда завернуть

"Ключом к моей более поздней теории заключения сделок было их заключение только в базисных точках. Я всегда делал деньги тогда, когда был терпелив и торговал в базисных точках".

"Я также считаю, что большая часть движений акций зачастую происходит в последние две недели игры или около того, и что то же самое применимо и к товарным рынкам. Итак, еще раз, спекулянт должен быть терпелив, занять позицию и ждать, но, в то же время, должен полностью быть начеку и ждать, когда придут вести, плохие или хорошие".

Сигналом опасности, часто сигналом о том, что нужно выходить из сделки, сигналом, который заставлял Ливермора садиться и наблюдать, был однодневный поворот. Это колебание цены, которое часто происходит в конце долгосрочного движения. Однодневный поворот происходит тогда, когда самая высокая точка этого дня выше, чем самая высокая точка предыдущего дня, но уровень закрытия сессии ниже уровня закрытия предыдущего дня и объем торгов текущего дня выше, чем объем предыдущего дня.

Рисунок 11.2 может служить примером тому. На протяжении всего роста акция "Шваб", следуя тренду, линии наименьшего сопротивления, демонстрировала только нормальные реакции. Затем внезапно она отклонилась от нормы - неестественный рост более чем на 15 пунктов за три дня, который перерос в резкий скачок цен. Во время последнего дня подъема, почти в конце дня, началось оживление, и цена упала, закрывшись около самого низкого уровня дня. На следующее утро он открылся и упал дальше. Эти однодневные повороты часто сопровождаются ростом объема заключаемых сделок. Такой сценарий для Ливермора являлся кричащим сигналом тревоги.

Ливермор считал, что если у трейдера было достаточно терпения, чтобы сидеть с активом на руках во время его роста, то после однодневного поворота у трейдера должно хватить мужества для того, чтобы поступить правильно, признать этот сигнал тревоги и рассмотреть возможность продать фонд. Ливермор твердо верил в терпение и смелость.

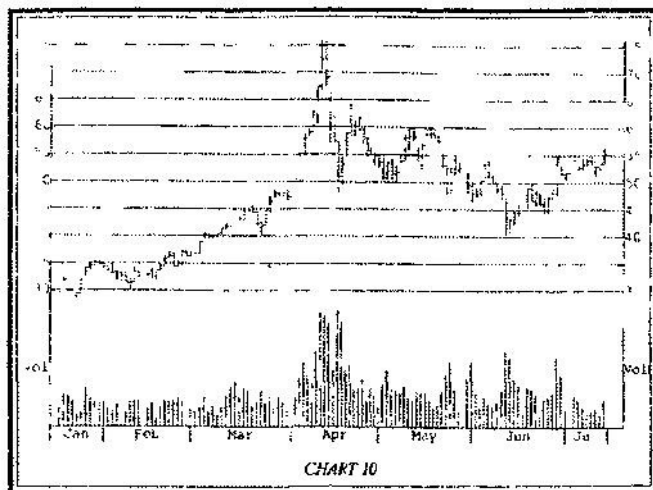

Рис. 11.2. "Щваб Корп." с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

Теория базисных точек позволила Ливермору получить шанс купить точно *вовремя*. Он никогда не хотел покупать по самой низкой цене или продавать по самой высокой. Он хотел покупать и продавать в правильное время.

Требовалось терпение для того, чтобы ждать, когда сформируется наилучший момент для заключения сделки. Его не волновало, если по определенному активу, за которым он следил, не произошло того, что ожидалось, поскольку модель рано или поздно появится в другом активе. Терпение, терпение и еще раз терпение - вот ключ к успеху в выборе сроков.

Ливермор всегда считал время реальным и необходимым элементом заключения сделок. Он часто говорил, что деньги делаются не в раздумьях, а в ожидании.

Это было неправильно интерпретировано многими людьми, считавшими, что Ливермор покупает актив, а затем ждет, когда он двинется. Это не так. Во многих случаях Ливермор ждал, держа свои средства в наличных, почти не имея на руках акций, пока не появлялась правильная ситуация. Он мог терпеливо ждать с деньгами в наличных, пока ему не представится наилучшая

Знать, когда придержать и когда завернуть

возможность. Когда все условия успеха сходились воедино, когда максимальное количество шансов было в его пользу, тогда и только тогда он делал ход.

Покупка в базисной точке обеспечивала ему наилучший шанс вступить в игру именно тогда, когда действие собиралось начаться. И как только он был уверен в своей игре, он не боялся брать на себя обязательства. Теперь его не просто так называли Мальчиком-Игроком.

Его решение всегда было ясным, как он написал в своей книге, опубликованной в 1940 году, *"Как заключать сделки с акциями"*:

"Когда спекулянт может определить Базисную Точку акции и интерпретировать действия в данной точке, он может принимать на себя обязательства, будучи убежденным в своей правоте с самого начала.

Но следует иметь в виду, что когда Базисные Точки используются для того, чтобы предугадать движение, то в случае, если фонд ведет себя не так, как должен, после того, как он пройдет Базисную Точку, это важный сигнал опасности, который должен быть принят во внимание.

Я обнаружил, что изучение Базисных Точек невероятно увлекательно. Здесь можно найти золотую жилу для личных исследований. Получаешь исключительное удовольствие и удовлетворение от успешных сделок, основанных на твоём собственном суждении. Вы обнаружите, что от получаемых таким образом прибылей получаешь намного больше удовольствия, чем от любых других, которые, возможно, могут быть получены с использованием подсказок или под чьим-либо руководством. Если вы совершаете своё собственное открытие, заключаете сделки по-своему, тренируете терпение и отслеживаете опасные сигналы, вы вырабатываете в себе правильное направление мысли.

Каждый раз, когда я терял терпение, не мог дожидаться Базисных Точек и искал легкой прибыли, я терял деньги".

Ливермор знал, что эта теория базисных точек была

Глава 11.

применима и к заключению сделок с товарами. Хотя он не считал этот метод надежным, он был ядром его стратегии заключения сделок.

Он также указывал на то, что, возможно, в будущем использование базисных точек будет значительно усовершенствовано. Он был уверен, что на основе его теории люди разработают лучшие методы заключения сделок. Он обещал, что не будет завидовать их успеху.

Ливермор утверждал, что это замечательно, когда ты можешь предугадать действия рынка или актива, но что трейдеры не должны начинать действовать до тех пор, пока рынок своими действиями не подтвердит, что их суждение верно. Тогда и только тогда они должны делать ход деньгами.

Базисные точки были ключевым подтверждающим сигналом для Ливермора. Позднее он объяснял своим сыновьям, что рынок часто вступал в противоречие с тем, что предсказывали спекулянты. В таких случаях успешные спекулянты должны отказаться от своих предсказаний и следить за действиями рынка. Предусмотрительные спекулянты никогда не спорят с телеграфной лентой. Рынки никогда не ошибаются, а вот мнения часто бывают ошибочны.

Новые высшие точки всегда были для Ливермора хорошей новостью. Для него это означало, что фонд пробился через чрезмерное сопротивление и, скорее всего, продвинется дальше. Ливермор не был поклонником графиков. Он все подсчитывал в числах.

Рисунки 11.3 и 11.4 показывают формирование нескольких новых высших точек, подобных тем, которые регулярно являлись глазам Ливермора. Ливермор работал с ними в числовой форме, но в нашем случае графики использованы для наглядности. Рисунок 11.3 показывает "Бест Бай", розничного продавца электроники, бытовой техники и развлекательного программного обеспечения, вырвавшегося вперед в результате длительной консолидации на уровне в 30 долларов в декабре 1998 года и продолжившего подъем к новым высотам. Рисунок 11.4 показывает, что "Нортерн Телеком", производитель телекоммуникационного оборудования, сформировал сильную

Знать, когда придержать и когда завернуть

обратную базисную точку в 30 долларов в сентябре 1998 года и продолжил рост до новой рекордной высоты в 65 долларов в апреле 1999 года.

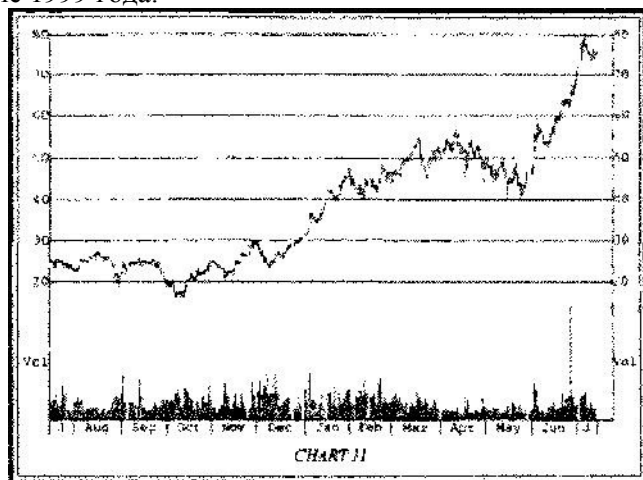

Рисунок 113. "Бест Бай Инк". с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

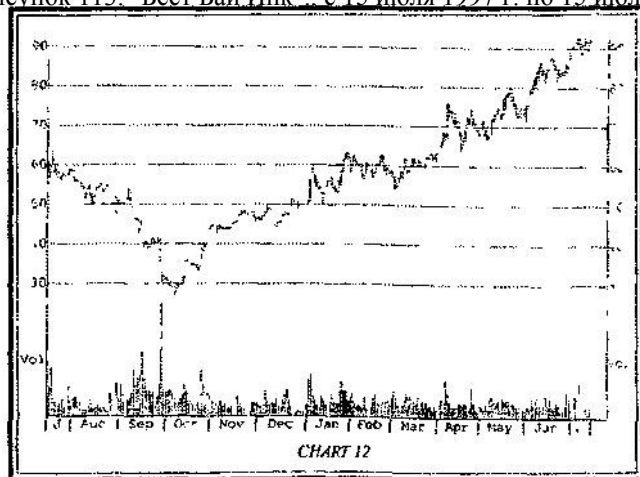

Рисунок 11.4. "Нортерн Телеком", с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

Глава 11.

Фактически неизвестно, почему эти новые образования повторяются. Ливермор в своей книге *"Как заключать сделки с*

акциями" объяснял это человеческой природой: "На протяжении долгих лет люди в основном действовали на рынке одинаково, из-за жадности, страха, невежества и надежды. Именно поэтому числовые структуры и модели постоянно повторяются".

Чтобы получить ключи к определению сроков по всему рынку и отраслевым группам, Ливермор всегда очень внимательно относился к *лидерам рынка*. Он тщательно их

отслеживал, хищно наблюдал за ними через стеклянные панели своего офиса, по мере того, как их наносили на зеленую доску.

Отслеживание лидеров обеспечивало его существенными подсказками по срокам заключения сделок по общему направлению рынка. Заключение сделок с несколькими фондами в каждой из основных ведущих групп также помогало получить подтверждение того, что определенная отраслевая группа теряла свою популярность и меняла направление своего движения - или, напротив, становилась фаворитом.

Лидеры, по мнению Ливермора, также были заменителями индекса Доу-Джонса. Когда эти ведущие группы начинали колебаться, это было предупредительным сигналом, и его внимание к общему направлению рынка усиливалось. Сигнал появлялся, когда лидеры переставали достигать новых вершин и останавливались, часто меняя свое направление до того, как менял направление рынок в целом.

Это было одним из основных ключей к срокам заключения сделок для Ливермора во время крахов 1907 и 1929 годов. Лидеры дрогнули и начали поворачивать в обратном направлении по мере того, как на рынке в целом ширилась активность во вторичных фишках. Конечно, неистовые спекуляции в этих вторичных бумагах о многом говорили Ливермору, поскольку он уже переживал крахи.

Ливермор разработал сложную систему слежения за текущими лидерами. Его интерес к ним был двусторонним. Во-первых, это были единственные фонды, которыми он спекулировал. В своей книге *"Как заключать сделки с акциями"* он писал:

Знать, когда придержать и когда завернуть

Ограничьте свое изучение движений фондового рынка и современных популярных фондов лидерами. Именно здесь происходит действие. Если не можете заработать деньги на ведущих активных акциях, вам не удастся заработать их на фондовом рынке.

Во вторых, это сделает вашу торговую вселенную небольшой и контролируемой, так что вы сможете сфокусироваться и заниматься акциями с самым большим потенциалом. Не позволяйте жадности руководить вашими действиями, не пытайтесь поймать точные высшую и низшую точки.

Ливермор также считал, что выбор времени никогда не должен диктоваться высокими ценами. Высокие цены никогда не были сигналом того, что пришло время продать актив. Он часто говорил, что тот факт, что актив продается по высокой цене, не означает, что он не вырастет.

Ливермор прекрасно себя чувствовал, играя на понижение, если таково было направление тренда - просто потому, что тот факт, что актив упал в цене, не означает, что он не пойдет ниже. Он никогда не покупал акции во время снижения, и никогда не продавал их без покрытия во время оживлений.

Покупка акций тогда, когда они достигают новых высот, и продажа без покрытия, когда они достигают новых низших точек, противоречили общепринятой точке зрения, и они по-прежнему остаются спорными для многих инвесторов.

Ливермор позволял рынку указывать ему, что делать, у него были свои ключи и свои сигналы, выводимые им из того, что говорил ему рынок. Он не предугадывал, он следовал полученному сообщению, которое он получал от телеграфной ленты. Некоторые фонды продолжали достигать новых высот, и их можно было держать в течение очень долгого периода времени, как показано на рисунке 11.5. Акция "Циско Системз", лидера сетевых решений для Интернета, в основном шла вверх в течение пяти лет подряд. 1000 акций в 1994 году стоила бы 2000

Глава 11.

долларов; пять лет спустя, в 1999 году, та же инвестиция стоила бы 70 000 долларов.

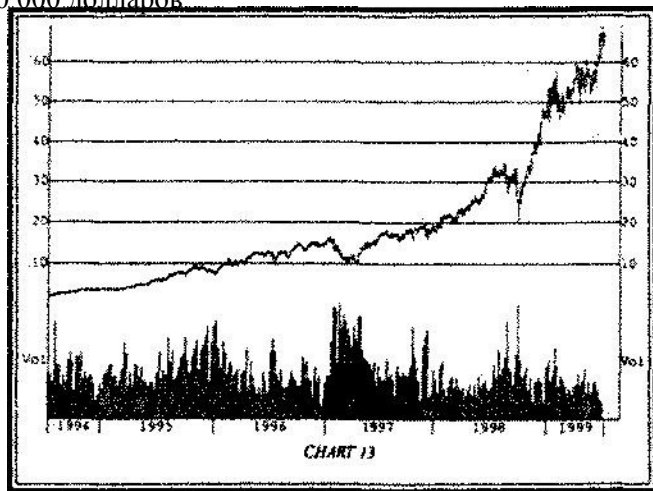

Рисунок 11.5. "Диско Системз" с 15 июля 1997 г. по 15 июля 1999 г.

Ливермор говорил своему сыну, Полу: "Каждый актив - как человек: у него есть личные свойства, черты характера. Он может быть агрессивным, скрытным, энергичным, нервным, неустойчивым, занудным, прямолинейным, логичным, предсказуемым, непредсказуемым. Я часто изучал активы, также как я изучал бы людей; через некоторое время их реакции на определенные обстоятельства становятся более предсказуемыми".

"Я не первый, кто это заметил. Я знаю людей, заработавших уйму денег на фондовом рынке с помощью анализа индивидуальных свойств акции и следования этим свойствам, реакции на них путем его покупки и продажи, согласуясь с её индивидуальными характеристиками. Но будьте осторожны, не часто, но случается, что индивидуальные свойства меняются".

"Я твердо уверен в том, что пока актив функционирует нормально, развиваясь с нормальными реакциями, такими как

Знать, когда придержать и когда завернуть

консолидации и коррекции, и пока он следует в русле тренда, бояться нечего, у спекулянта нет поводов для беспокойства. А тот факт, что фонд продается в области новых высот, должен только поощрять спекулянта".

"С другой стороны, спекулянт никогда не должен становиться до такой степени благодущным или расслабленным, что он может пропустить подсказку, что актив достиг высшей точки и создает *базисную точку*, которая

придаст ему новое направление, возможно, поворот тренда. Мой девиз, сынок: "Всегда будь внимателен к сигналам опасности".

Ливермор заключал сделки, чтобы выиграть, а основной составляющей выигрыша были сроки. Его поиски были нескончаемыми. Все его теории о базисных точках, его подход к новым высшим точкам, его теории отраслевых лидеров и отраслевых групп в то время были абсолютно новыми, и они остаются спорными. Но он питал страсть к интеллектуальному вызову, который они для него представляли.

Но, как и всем, Ливермору также нравилось то, что можно делать с помощью денег. Это было *здорово*, обладать деньгами.

Стоял 1931 год, Полу Ливермору должно было исполниться 8 лет. В качестве сюрприза его родители решили пригласить в поместье Эвермор, занимавшее 13 акров земли, цирк "Барнум энд Бейли".

За ночь были построены навесы и были возведены трибуны. За ночь на грузовиках привезли слонов и других животных. На рассвете приехали артисты, 100 клоунов, акробаты на трапеции, укротители львов, цирковой конферансье, акробаты, дрессировщики лошадей и номер на проволоке. Соседи начали съезжаться к 10 утра. Когда Пол проснулся, все окрестности превратились в огромный действующий цирк.

Он обошел все с широко открытыми от удивления глазами. Ночь превратила его личную уединенную площадку для игр в царство клоунов, забавных машинок, слонов, львов, тигров, обезьян, акробатов на трапеции, красивых лошадей с

Глава 11.

волшебными наездниками и огромных полосатых шатров, в которых повсюду толкались и суеились люди. Он гулял по своим владениям, держа за руки своих родителей.

В полдень началось представление. Машины гостей выстроились на проезде, на всем протяжении подъездной дорожки. Шофер перевозил гостей в трехместном электромобиле Ливермора, который они с мальчиками обычно использовали для того, чтобы объезжать свои владения.

Представление продолжалось весь день, после представления в доме Ливерморов была устроена большая вечеринка с гигантским 6-футовым тортом, а также угощениями и напитками для всех. Этот день навсегда остался в памяти Пола. Это был самый большой день в его жизни.

Позднее, когда он повзрослел, он подумал, что его родители, должно быть, испытывали перед ним чувство вины из-за того внимания, которое они щедро расточали на его брата, Джесси, который был явным любимчиком обоих родителей. Он знал об этом с самого раннего возраста и смог с этим справиться, будучи счастливым в своем собственном мирке.

Оба мальчика редко видели своих родителей. Они учились в школе-интернате зимой и ездили в лагерь летом. Пока они были маленькими, у них всегда были личные няньки, которых сменили горничные, шоферы, частные детективы и внушительное, покровительственное присутствие Гарри Эдгара Даша, их любимчика, который иногда помогал им с математикой, языками, наставлял по жизни.

Все слуги говорили по-французски. Мышка считала, что когда в доме говорят по-французски, это облагораживает. И Джесси, и Пол говорили по-французски. Пол преуспел в этом. Он говорил по-французски безошибочно. Их отец даже не пытался выучить язык; он придерживался английского.

Он был слишком занят рынком.

ГЛАВА 12

Правила управления денежными средствами Ливермора

Правило номер один - не потеряй деньги.

Правило номер два - не забудь правило один.

Уоррен Баффет

Правила управления денежными средствами Ливермора

ОДНАЖДЫ В "БРЭДЛИЗ БИЧ КЛАБ" В ПАЛМ-БИЧ

Ливермор сидел за столиком в зале для азартных игр, играя в бридж по высоким ставкам с Уолтером Крайслером, Эдом Келли, главой "Юнайтед Фрут" и Коулманом Дюпоном. Они прервали игру, чтобы насладиться лобстером, специальным блюдом "Брэдлиз".

Флоридский лобстер отличается от мейнского. Он гораздо больше похож на гигантского лангуста, чем настоящий лобстер. Именно Брэдли привил вкус к этому ракообразному американским богачам. Салат из лобстера был знаменит - большие куски лобстера на подложке из зелени, политые горчичным соусом, точный состав которого был самым драгоценным секретом шеф-повара. Все игроки в бридж заказали одно и то же, две бутылки марочного шампанского "Росерт". Зеленый суп из черепахи, еще одно специальное блюдо заведения, по 1 доллару за тарелку (очень высокая цена для супа для того времени), предварял салат.

"Слышали, что в прошлом году случилось с этими лобстерами?" - спросил Крайслер.

"Что?" - отозвался Келли.

"Брэдли так их любит, что сказал, что купит весь багамский улов. Он не знал, что улов может составить 10 000 лобстеров. Багамцы просто сошли с ума, они рыбачили как

Глава 12.

ненормальные, потому что у них был твердый заказ на их покупку от какого-то сумасшедшего американца".

Крайслер сделал паузу, поскольку им принесли зеленый черепаховый суп и начали разливать его из большой серебряной супницы.

"И?" - спросил Дюпон.

"А когда Брэдли осознал, что он совершил грубую ошибку, он сказал им, что несмотря ни на что купит весь улов - ну, знаете, как он ценит свои обещания - хотя он не знал, что будет делать с таким количеством лобстеров".

"Только не говори, что он продал их Флэглери, отправил в Нью-Йорк и нажил на этом состоянии", - сказал Ливермор.

"Нет, прошлогодний ураган истребил Багамы и ловлю лобстеров, поэтому он смог избежать этой проблемы", - ответил Крайслер.

"Вот это удача!" - сказал Келли с улыбкой. - "У него где-то спрятана счастливая подкова".

Все рассмеялись.

"Прямо как в твоём случае, Джей Эл, во время твоей последней сделки с пшеницей. До меня дошли слухи, которые о тебе ходят на Уолл-Стрит. Расскажи-ка нам об этой сделке, развлеки нас за обедом.

"Ничего интересного. Я просто почувствовал, что спрос на пшеницу в Америке недооценен и цена будет расти. Я дождался того, что я называю *базисной точкой*, и вступил в

игру, купил пять миллионов бушелей пшеницы, стоимостью около семи миллионов".

"После покупки я пристально наблюдал за рынком. Он медлил. Это был скучный рынок, но он никогда не отклонялся ниже того уровня, на котором я его купил. Затем однажды утром рынок начал расти, а через несколько дней рост окреп, сформировав еще одну базисную точку. Он оставался там в течение некоторого времени, а затем однажды поднялся вверх с большим объемом заключаемых сделок".

Правила управления денежными средствами Ливермора

"Это хороший сигнал, поэтому я разместил заказ еще на пять миллионов бушелей. Этот заказ был выполнен по все более высоким ценам. Затем я купил свою заранее намеченную целевую позицию, поэтому я отступил и не спускал глаз с рынка. Сформировался сильный бычий рынок, и он стабильно рос в течение нескольких месяцев".

"Когда пшеница поднялась на 25 центов выше моей средней цены, я обналичился. Это была большая ошибка". Ливермор замолчал, поскольку принесли салат из лобстеров и открыли вторую бутылку шампанского.

"Джей Эл, какого черта ты называешь большой ошибкой получение прибыли в два с половиной миллиона?" - спросил Крайслер.

"Потому, Уолтер, что я сидел и наблюдал за тем, как пшеница выросла в цене еще на 20 центов за три дня".

"Я по-прежнему не понимаю", - сказал Крайслер.

"Почему я струсил? У меня не было серьезных причин для того, чтобы продать пшеницу. Я просто хотел получить свою прибыль".

"Мне по-прежнему это кажется очень хорошей сделкой. Боюсь, я чего-то не понимаю, Джей Эл", - добавил Келли.

"Хорошо, попробую выразиться яснее. Помните ту старую шутку о парне, который идет на ипподром, ставит на дневной дубль и выигрывает, а затем берет все выигранное и ставит на третий забег и выигрывает. Он делает одно и то же на все другие забеги и выигрывает. Затем во время восьмого, и последнего, забега он ставит свои сто тысяч долларов выигрыша на лошадь, и лошадь проигрывает?"

"Да", - кивнул Крайслер.

"Ну вот, он выходит с ипподрома и встречает приятеля, который спрашивает у него: "Как дела?"

"Неплохо", - отвечает он, улыбаясь. - "Я проиграл два бакса".

Они рассмеялись. "Это хорошая история, Джей Эл, но

Глава 12.

какое она имеет отношение к тебе и пшенице?" - спросил Крайслер.

"Все просто. Почему я побоялся потерять деньги? Когда я продавал, я действовал, руководствуясь страхом. Я слишком торопился перевести свою потенциальную прибыль в наличную. У меня не было других причин закрывать сделку по пшенице. Кроме той, что я боялся потерять прибыль, которую получил".

"А что плохого в том, чтобы бояться? Сейчас это кажется верной сделкой", - прокомментировал Дюпон.

"И что же вы сделали, Джей Эл?"

"После того, как я получил свою прибыль по пшенице, я осознал, что сделал большую ошибку. Мне не хватило смелости, довести дело до конца, когда я получил бы сигнал продавать, реальный, определенный сигнал к продаже".

"И?"

"Я вновь вышел на рынок и купил по средней цене на 25 центов выше того уровня, на котором я продал свою изначальную позицию. Рынок вырос еще на 30 центов, а затем дал сигнал об опасности, действительно сильный сигнал об опасности. Я продал все около верхней точки в 2,06 доллара за бушель. Примерно неделю спустя пшеница продавалась по 1,77 доллара за бушель".

"Ну что ж, Джей Эл, у тебя больше мужества, чем у меня, и мне кажется, это выглядит как жадность".

"Это потому, что ты продаешь фрукты, Эд. Так, как ты определяешь состояние рынка фруктов - так же и я предположительно должен знать, как определять состояние фондового и товарных рынков, а фьючерсный рынок пшеницы не показывал никаких признаков слабости, когда я в первый раз продал".

"В следующий раз, когда я продал пшеницу, все было по-другому; я мог видеть определенные симптомы слабости. Это давало мне подсказки, намеки, контрольные признаки того, что рынок достиг высшей точки. Телеграфная лента всегда дает уйму предупредительного времени для того, чтобы сообразительный спекулянт мог насторожиться".

Правила управления денежными средствами Ливермора

"Джей Эл, мне нравится твой рассказ, но иногда мне кажется, что, возможно, у тебя тоже есть набор счастливых подков, прямо как у Брэдли", - вставил Крайслер.

"Уолтер, немного удачи еще никому не повредило", - Ливермор сделал паузу и обвел взглядом собравшихся. - "Я сказал бы, что все из нас некогда получили свою порцию удачи".

И все засмеялись.

Управление денежными средствами было одной из трех частей финансовой мозаики, которая занимала Ливермора: сроки, управление денежными средствами и контроль эмоций. У Ливермора было пять основных правил в управлении собственными денежными средствами. В течение долгого периода он пытался объяснить всю свою теорию заключения сделок своим сыновьям, а управление денежными средствами занимало большую часть этой теории.

Однажды он позвал двух своих сыновей в библиотеку в Эверморе. Он сидел за массивным столом; оба мальчика сели напротив него. Он наклонился вперед и достал из кармана пачку бумажных денег. Он отсчитал по 10 банкнот достоинством в 1 доллар. Он сделал это дважды, затем сложил банкноты и вручил каждому мальчику по 10 долларов.

Мальчики сидели, глядя на него, у каждого в руках были деньги. "Детки, всегда носите свои деньги в сложенном виде в левом кармане. Ну-ка, сделайте это. Вы можете оставить деньги себе".

Мальчики сделали то, что им велел отец, и положили сложенные деньги в левый карман. "Видите ли, карманники всегда пытаются вытащить у человека бумажник, обычно из заднего кармана. Или же они заходят сзади и забираются в ваш правый передний карман, потому что большинство людей "правши". Пока понятно, ребята?" - спросил он.

Мальчики кивнули.

Он продолжил: "Хорошо, поэтому держите свои деньги

Глава 12.

сложенными в левом кармане. Видите, если карманник залезет в ваш левый карман и подберется близко к телу, вы об этом узнаете".

Мальчики переглянулись.

Их отец продолжил: "Никогда не теряйте деньги, ребята. Вот мораль этой истории. Держите их поближе к телу и никому не давайте к ним приблизиться".

У Ливермора было еще несколько советов по управлению деньгами:

Правило 1: Никогда не теряйте деньги.

Не теряйте свою ставку. Спекулянт без денег похож на владельца магазина без товара. Деньги - это ваш товар, ваш спасательный круг, ваш лучший друг. Без денег вы вне игры. Не теряйте свой спасательный круг.

"Неправильно и опасно покупать всю свою позицию целиком по одной цене. Предпочтительнее сначала принять решение о том, сколькими акциями вы хотите торговать. Например, если вы хотите купить полную конечную позицию в 1000 акций, сделайте это так: начните с приобретения 200 акций в базисной точке. Если цена пойдет вверх, купите дополнительно 200 акций, по-прежнему в районе базисной точки. Если цена продолжает расти или корректируется, а затем растет, то можно продолжать покупать и купить последние 400 акций".

"Очень важно заметить, что каждая дополнительная закупка производится по более высокой цене. Те же правила, конечно, применимы и к игре на понижение, только каждая продажа без покрытия должна производиться по более низкой цене, чем предшествовавшая".

"Базовая логика проста и точна: каждая сделка, по мере приближения к полной позиции на 1000 акций, должна всегда показывать прибыль спекулянта. Тот факт, что каждая сделка показывает прибыль спекулянта, является ярким доказательством, твердым свидетельством того, что ваше

Правила управления денежными средствами Ливермора

суждение относительно сделки в основе своей верно. И это все необходимое вам доказательство. Напротив, если вы теряете деньги, вы тут же поймете, что ваше суждение неверно".

"Самое тяжелое для неопытного спекулянта - это платить больше за каждую позицию. Почему? Потому что все хотят выгоды. Задача психологической борьбы заключается в том, чтобы не бороться с фактами, не надеяться, не спорить с телеграфной лентой, поскольку телеграфная лента всегда права. В спекуляции нет места надежде, догадке, страху, жадности, эмоциям. Лента говорит правду, а в человеческую интерпретацию часто закрадывается ложь".

"В конце концов, спекулянт может выбрать иные соотношения для приобретения фонда, чем те, которыми пользуюсь я. Можно, например, приобрести в качестве первой позиции 30 процентов, 30 - в качестве второй, и 40 - в качестве окончательной. Сам спекулянт может решить, какие соотношения срабатывают для него лучше. Я просто схематически очертил модель, которая лучше всего работает для меня. Основное правило гласит, что нельзя размещать всю свою позицию полностью одновременно; нужно дожидаться подтверждения Вашего суждения. Платите больше за каждую покупаемую вами партию. Это противоречит природным инстинктам большинства трейдеров".

"И не забывайте определить для себя общее количество акций, которое вы хотите приобрести, прежде чем начать заключать сделки".

Правило 2: Всегда выбирайте предел.

"Точно так же, как вы должны решить, сколько акций вы хотите приобрести, какую часть своего портфеля вы хотите инвестировать и какой частью можете сыграть, и какова будет общая верхняя целевая цена, у вас всегда должна быть четкая цена, при которой следует продавать, если актив двинется против вас.

"И нужно подчиняться своим правилам, не нужно вводить себя в заблуждение ожиданием! Мое основное правило

Глава 12.

состояло в том, чтобы никогда не допускать потери больше 10 процентов капитала. Чтобы компенсировать себе потери, нужно в два раза больше денег. "Я научился этому в брокерских

конторах, где я работал на 10-процентной марже. Мои фонды автоматически продавались, если потери превосходили 10-процентный барьер. Правило о 10 процентах допустимых потерь стало самым важным правилом. Это также ключевое правило выбора времени".

"Помните, что успешный спекулянт должен установить для себя четкий предел прежде, чем заключать сделку, и никогда не должен допускать потерь более 10 процентов инвестированного капитала. Если вы теряете 50 процентов, вы должны заработать 100 процентов, чтобы свести потери к нулю. Таблица представляет из себя пример этому".

Таблица 10-процентных потерь Ливермора

Начальная позиция	Потерянная сумма	Остатки	Потери, %	Доход, необходимый для покрытия потерь, %
\$1000	\$80	\$920	8,0	8,7
	\$100	\$900	10,0	11,1
	\$200	\$800	20,0	25,0
	\$300	\$700	30,0	42,8
	\$400	\$600	40,0	66,6
	\$500	\$500	50,0	100,0

"Я также понял, что когда ваш брокер вам звонит и говорит, что ему нужны дополнительные деньги из-за требований к марже по активу, который снижается, велите ему продать позицию. Когда вы покупаете актив за пятьдесят, а он опускается до сорока пяти, не покупайте больше, чтобы уравнивать свою цену. Актив не сделал того, что вы предсказывали; это достаточный признак того, что ваше суждение было неверным. Быстрее смиритесь со своими потерями и выходите из игры".

"Помните, никогда не удовлетворяйте требований по марже и никогда не усредняйте убытки".

Правила управления денежными средствами Ливермора

"Много раз я закрывал позицию до того, как переживал 10-процентные потери. Я делал это просто потому, что актив не вел себя правильно с самого начала. Часто мои инстинкты нашептывали мне: "Джей Эл, этот актив болен, он тормозит. Ему просто неможется", - и я в мгновение ока продавал свою позицию".

"Возможно, так работает мой мозг, дистиллируя то, что я видел тысячи раз до этого и, посылая подсознательные сигналы, регистрируя повторяющиеся модели, которые хранились в моей памяти и подсознательно запоминались. Что бы там ни было, с годами я привык, через свой многочисленный опыт работы на рынке, доверять этим инстинктам".

"Я абсолютно уверен в том, что модели ценовых колебаний повторяются и появляются снова и снова, с незначительными изменениями. Это происходит потому, что активами движут люди, а человеческая природа никогда не меняется".

"Много раз я наблюдал, что люди часто становятся невольными инвесторами. Они покупают актив, который идет вниз, и отказываются продать его и принять свои потери. Они предпочитают сохранить акции и надеяться, что в конце концов они окрепнут и снова вырастут. Именно поэтому так важно правило о 10 процентах. Никогда не становитесь невольными инвесторами. Принимайте свои потери быстро. Легко сказать, но сложно сделать".

Правило 3: Держите деньги про запас.

"У успешного спекулянта в запасе всегда должны быть деньги, как у хорошего генерала, который держит войска в запасе до нужного момента, а затем действует с большой убежденностью, вводя в дело резервы для окончательной победы, когда все обстоятельства тому благоприятствуют.

"На фондовом рынке льется нескончаемый поток возможностей и, если упустил хорошую возможность, то следует немного подождать, сохранять терпение, и появится новая. Не пытайтесь догнать сделку, все условия для успешной

Глава 12.

сделки должны быть на вашей стороне. Помните, не нужно находиться на рынке постоянно".

Ливермор использовал в качестве аналогии игру в карты - в его случае, джин, покер и бридж - где действует только свойственное человеку от природы желание играть непрерывно. Это желание всегда быть в игре представляет одну из основных опасностей для спекулянта, и, в конце концов, может принести немало бед, как это несколько раз происходило с Ливермором в начале его карьеры.

"Когда играешь на фондовом рынке, наступает момент, когда деньги должны ждать своего часа, лежа на обочине в наличных, ожидая, когда можно будет вновь ввести их в игру. Время - не деньги - время - это время, а деньги - это деньги".

"Очень часто деньги, которые не используются, могут позднее быть использованы в соответствующей ситуации в соответствующее время и быстро сделать состояние. Терпение - вот ключ к успеху, а не скорость. Время - хитрый лучший друг спекулянта, если пользоваться им с умом".

"Помните, умный спекулянт всегда терпелив и всегда держит деньги про запас".

Правило 4: Позволяйте позиции плыть по течению.

"Пока актив ведет себя нормально, не торопитесь получать от него прибыль. Следует знать, что вы правы в своих основных суждениях, или что вы не получите никакой прибыли. Если ничего отрицательного не предвидится, тогда позвольте ему плыть по течению. Это может обернуться большой прибылью. Пока рынок в целом, и акция, в частности, своими действиями не дают повода для беспокойства, имейте мужество, придерживайтесь своих убеждений".

"Когда я был по сделке в прибыли, я никогда не нервничал. У меня могла быть на кону партия из 100 000 акций, поставленная полностью на одну-единственную биржевую игру, и при этом я мог спать как младенец. Почему? Потому что я был в прибыли по этой сделке. Я просто "пользовался деньгами дома" - то есть использовал деньги фондового рынка. Даже если

Правила управления денежными средствами Ливермора

я терял всю эту прибыль - ну что ж, я просто терял деньги, которых у меня изначально не было".

"Конечно, противоположное также справедливо. Если я покупал актив, а он шел против меня, я немедленно его продавал. Ты не можешь остановиться и попытаться понять, почему актив движется не в том направлении. Суть в том, что он идет в неправильном направлении, и это достаточная причина для опытного спекулянта, чтобы закрыть сделку".

"Прибыли сами о себе позаботятся, а потери - никогда".

"Никогда не путайте этот подход, позволяющий позиции плыть по течению, со стратегией "купи-и-оставь-себе-навсегда". Я никогда не покупаю и не держу, и не покупал и не держал акции вслепую. Как кто-либо может видеть такое далекое будущее? Все меняется: жизнь меняется, состояние здоровья меняется, меняются времена года, меняются люди - почему же тогда не должны меняться обстоятельства, заставившие вас купить акцию? Купить и слепо удерживать актив, основываясь на том, что акция принадлежит замечательной компании или сильной отрасли, или на том, что общеэкономическая ситуация в целом здоровая, с моей точки зрения, на фондовом рынке эквивалентна самоубийству".

"Придерживайтесь выигрышных акций. Позвольте им плыть по течению до тех пор, пока у вас не появится веская причина для продажи".

Правило 5: Забирайте прибыль наличными.

"Я рекомендую откладывать пятьдесят процентов прибылей от успешной сделки, особенно когда сделка удвоила изначальный капитал. Отложите эти деньги, положите их в банк, держите их про запас или запирайте в сейфе".

"Это как выигрыш в казино, это хорошая идея, здесь и сейчас, взять свой выигрыш со стола и перевести его в наличные. Нет времени лучше, чем после большого выигрыша на фондовом рынке. Наличность - это пуля в патроннике; всегда держите деньги про запас".

Глава 12.

"Единственное, о чем я больше всего сожалею за всю свою финансовую жизнь - что я не уделял достаточного внимания этому правилу".

Ливермор соглашался со своим другом Брэдли, азартным игроком. По важности после правильного выбора времени и правильного управления денежными средствами стоят эмоции. Одно дело - знать, что делать; совсем другое - иметь мужество делать это. Это справедливо для фондового рынка. Это правда жизни. Кто лучше Ливермора знал это?

Как он позднее объяснил своим сыновьям: "Я уверен, что очень важно быть достаточно дисциплинированным, чтобы следовать своим же правилам. Без определенных, ясных и проверенных правил у спекулянтов нет ни одного реального шанса на успех. Почему? Потому что спекулянт без плана подобен генералу без стратегии, а, следовательно, без воплотимого в жизнь плана сражения. Спекулянт без единого четкого плана может только действовать и реагировать на удары и стрелы неудач фондового рынка, пока, в конечном итоге, он не потерпит поражения.

"Я сделал вывод, что игра на рынке частично является видом искусства; это не только чистая логика. Если бы это была чистая логика, тогда кто-нибудь полностью просчитал бы ее давным-давно. Именно поэтому я верю в то, что все спекулянты должны анализировать свои эмоции, чтобы выяснить, какой уровень стресса они могут вынести. Любой спекулянт отличается от другого; психика каждого человека уникальна; каждая личность эксклюзивна и имеет отношение только к этому человеку. *Узнайте свои эмоциональные пределы прежде, чем предпринимать попытки спекулировать* — вот мой совет всем, кто когда-либо спрашивал меня о том, что делает спекулянта успешным. Если вы не можете заснуть ночью из-за своей позиции на фондовом рынке, значит, вы зашли слишком далеко. Если дело обстоит так, тогда продайте свою позицию и снизьте ее до такого уровня, чтобы вы смогли спать".

"С другой стороны, я уверен, что любой умный, добросовестный человек, готовый посвятить необходимое время делу, может преуспеть на Уолл-Стрит. Пока человек осознает,

Правила управления денежными средствами Ливермора

что рынок - это такой ж бизнес, как любой другой, у него есть хороший шанс процветать".

"Я верю, что за всеми крупными колебаниями рынка стоят непреодолимые силы. Это должен знать любой преуспевающий спекулянт - просто осознавать наличие таких колебаний и действовать исходя из этого знания. Очень сложно подогнать мировые или текущие события под колебания фондового рынка. Это справедливо, поскольку фондовый рынок опережает мировые события. Фондовый рынок не функционирует в настоящем времени и не отражает его, он функционирует, опираясь на то, что еще только произойдет, на будущее. Рынок часто действует по контрасту с очевидным, со здравым смыслом и событиями в мире, поскольку у него есть свой собственный разум. Помните, он создан для того, чтобы большую часть времени обманывать людей. В конечном итоге появится и настоящая причина того, почему произошло колебание рынка".

Следовательно, глупо пытаться предугадать движение рынка, основываясь на текущих новостях экономики и текущих событиях, на таких показателях как отчет менеджера по закупкам, баланс платежей, индекс потребительских цен и данные по занятости, или даже слухах о вероятности войны, поскольку все это уже является факторами рынка".

"Не то, чтобы я игнорировал эти факты, или они были мне неизвестны; это не так. Правда заключается в том, что я жадно читал все газеты, которые попадали мне в руки, и я делал это с юных лет. Я был в курсе мировых событий, политических и экономических событий. Но эти факты не являлись теми фактами, которыми я мог воспользоваться, чтобы *предсказать* рынок. После того, как рынок двинулся, его движение будет объяснено учеными мужами в нескончаемых "эпитафиях". Позже, когда пыль уляжется, реальные экономические, политические и мировые события попадут в поле зрения историков, которые расскажут нам, почему рынок повел себя так, а не иначе. Но тогда будет уже слишком поздно зарабатывать на этом деньги".

Глава 12.

"Попытки понять *почему*, относительно движения

рынка, всегда вызывают большой эмоциональный раздор.

Простота заключается в том, что рынок всегда *предваряет* экономические новости, а не *реагирует* на них. Компания

публикует хороший отчет о прибылях, а акция продолжает падать в цене. Почему? Потому что рынок уже учел эти прибыли".

"Одной из проблем слишком глубокого копания в экономических новостях является то, что это может породить у вас в голове предположения, а предположения могут быть опасны для вашего эмоционального здоровья на фондовом рынке".

"Однажды я доказал это, играя в гольф со своим старым приятелем, Эдом Келли, главой "Юнайтед Фрут". На выходных мы вдвоем с Уолтером Крайслером играли на поле для гольфа за моим домом в Лейк-Плэсид. Мы всегда играли по ставке в сто-двадцать долларов за лунку".

"Келли лучше играл в гольф, имел серьезное преимущество. На пятнадцатой лунке я сказал Келли: "Эд, ты, безусловно, лучше всех играешь в гольф в нашей группе. Ты когда-нибудь думал о том большом валуне слева от прохода возле семнадцатой!"

"Он ответил: "Почему я должен о нем думать, Джей Эл? Я никогда к нему не приближался. Это ты все время норовишь в него угодить, разве нет?"

"Да, я попадал туда несколько раз, но я думаю, что сегодня твоя очередь в него попасть, Эд".

"Ну, Джей Эл", - рассмеялся он.

"Нет, Эд, предположим, что ты попадешь в нее, и твой шар отлетит в озеро?"

"Невозможно. Тогда я буду совсем как ты", - сказал он.

"Мы продолжили играть в лунку, которая не имела никакого отношения к валуну. Когда мы нанесли первые удары по семнадцатой лунке, я сказал: "Знаешь, Эд я знаменит своими предчувствиями, и у меня предчувствие, что сегодня ты

Правила управления денежными средствами Ливермора

попадешь в этот валун. В самом деле, я хочу заключить пари, что попадешь".

"Джей Эл, не сори деньгами, независимо от того, насколько легко они тебе достались. Хочешь пари, ставлю сотню?" - сказал Келли.

"Нет, Эд, давай поставим триста. Что от валуна шар отскочит в озеро".

"Это твой последний-день, Джей Эл", - сказал Келли.

"Может быть, только не забудь, ты не должен попасть в валун". Я улыбнулся и отошел в сторону. Эд повернулся к мячу и замахнулся. Шар взметнулся дугой и упал прямо на валун, отскочив как сумасшедший бильярдный шар, прямо в озеро.

"Джей Эл, ты меня сглазил", - закричал Келли. - "Ты заставил меня это сделать. Я никогда и близко не приближался к валуну".

"Нет, Эд, это не я", - ответил я. - "Это сила предположения, сила подсознательного заставила тебя сделать это. Я знаю, что ты хорош в бизнесе, Эд, но будь осторожен, если ты когда-нибудь решишь играть на рынке. На рынке так происходит все время, сила предположения проникает в подсознательное. Поверь мне, Эд, тут я специалист. Я много раз разорвался, так ведь?"

"Джей Эл, у меня нет слов".

"Эд, просто скажи мне спасибо за дешевый урок, который я преподавал тебе сегодня".

"Джей Эл, я не собираюсь играть на рынке. Так что спасибо тебе за твой дешевый трехсотдолларовый урок", - сказал Келли. Мы все рассмеялись".

Ливермор говорил своим сыновьям, что он никогда не понимал, почему люди считают, что зарабатывать деньги на рынке легко. "У каждого из нас свое дело. Я никогда не стал бы просить Келли рассказать мне секреты его фруктового бизнеса, или Крайслера - секреты автомобильного бизнеса. Мне это никогда не придет в голову. Поэтому я никогда не понимал,

Глава 12.

почему люди спрашивают меня, как быстро сделать деньги на фондовом рынке".

"Я всегда улыбаюсь и говорю: "Как я могу знать, как вы можете заработать деньги на рынке?" Я всегда уклоняюсь от ответа на этот вопрос; это все равно, что спросить меня, как кто-то может заработать денег, делая операции на головном мозге или выступая защитником в деле об убийстве. Исходя из своего опыта, я могу сказать, что даже попытка ответить на такие вопросы окажет влияние на эмоции человека, потому что он займет жесткую позицию и будет защищать свою точку зрения, а ситуация может измениться на следующий день, в зависимости от условий рынка".

"Но я всегда в полной мере понимал, что я не единственный, кто знает, что фондовый рынок - это самая большая золотая жила в мире, расположенная в нижней части острова Манхэттен. Золотая жила, которая открывает свои двери каждый день и приглашает любого и каждого проникнуть в ее недра и уйти с тачками, груженными золотыми слитками, если все получится - а у меня получилось. Золотая жила действительно там расположена, и каждый день кто-то проникает в ее недра, и когда в конце дня звенит звонок, они все уже прошли путь от нищего до принца, или же превратились из принцев в сверх властелинов, или разорились. И это всегда там есть, и ждет".

"Я уверен, что неконтролируемые основные эмоции являются настоящим смертельным врагом спекулянта; что надежда, страх и жадность всегда присутствуют, сидят в закоулках психики, ждут на обочине, когда можно начать действовать, вступить в игру".

Он говорил своим сыновьям, что это была одна из причин, почему он никогда не пользовался словами *бычий* или *медвежий*. Эти слова не из моего лексикона, потому что я

считаю, что они создают эмоциональный настрой на конкретное направление рынка в голове спекулянта. Слова *бык* и *медведь* заставляют трейдера заикнуться. И есть очень большая вероятность того, что спекулянт будет слепо следовать этому

Правила управления денежными средствами Ливермора

тренду или направлению в течение продолжительного периода времени, даже если обстоятельства изменятся.

"Я обнаружил, что четкие тренды не удерживаются на рынке надолго. Когда люди обращаются ко мне за советом, я говорю, что в настоящее время рынок следует в рамках направленного вверх, вниз или колеблющегося тренда. Или я говорю им, что линия наименьшего сопротивления сейчас направлена вверх или вниз, как, возможно, и обстоит дело, и это все, что я говорю".

"Это оставляет мне возможность изменить свое мнение в зависимости от поведения рынка. Я никогда не пытаюсь предсказать или предугадать рынок. Я лишь пытаюсь реагировать на то, о чем мне своим поведением говорит рынок".

"Я твердо уверен, что всегда есть ключи к тому, что произойдет дальше. Они спрятаны в поведении рынка - в том, как функционирует рынок, здесь и сейчас - а не в том, как он будет действовать согласно предсказаниям. В некотором роде вы должны быть сыщиком - разгадать загадку, используя имеющиеся в наличии факты. Но как хороший сыщик, трейдер всегда должен найти доказательства этих фактов и подтвердить их, если возможно. Это требует анализа без влияния эмоций".

"А я один из немногих спекулянтов, которых никогда не волнует, в каком направлении идет акция. Я просто иду по линии наименьшего сопротивления. Для меня это просто игра на рынке; направление движения акции не имеет значения. На самом деле одной из причин, по которой меня называли Великим Медведем Уолл-Стрит, было то, что так мало других спекулянтов имели достаточно мужества следовать своим убеждениям, чтобы играть на понижение, отрицательную сторону рынка".

"Когда акции резко и стремительно падают, ими руководит страх. Когда они растут, ими движет надежда. Если люди надеются, что акция вырастет, они медлят с продажей. Если они боятся, что акция снизится, они обычно побыстрее сбрасывают этот актив. Поэтому снижения происходят быстрее, они являются более резким действием на рынке. Поэтому

Глава 12.

трейдеры, которые играют на понижение, должны реагировать на более быстрые, более радикальные рыночные модели и условия".

"Я считаю, что не существует хороших или плохих акций; существуют только акции, *на которых можно*

заработать деньги.

Поэтому не существует
хорошего

направления в торговле ценными бумагами, на понижение или на повышение; есть только способ торговли, с помощью которого можно зарабатывать деньги. Я обнаружил, что продажи без покрытия противоречат человеческой природе, которая в основе своей оптимистична. И я уверен, что менее 5 процентов спекулянтов заключают сделки без покрытия. Проблема даже не в том, что продавать без покрытия чрезвычайно опасно, потому что размеры потенциальных потерь безграничны. Заключение сделок на понижение требует серьезного контроля над своими эмоциями".

"Я заметил, что фондовый рынок бурно растет треть времени, раскачивается - треть времени, и падает треть времени. Следовательно, если играть только на бычьей стороне рынка, то ты бездействуешь две трети времени, ожидаешь, надеешься и интересуешься. Хорошо это или плохо, я никогда не был из тех, кто хочет ждать, надеяться и интересоваться. Я хотел участвовать в игре и выигрывать больше, чем проигрывать".

"Я отдаю себе полный отчет в том, что из миллионов людей, которые спекулируют на фондовом рынке, немногие будут проводить все свое время, совершенствуясь в искусстве спекуляции. Тем не менее, что касается меня, я работаю на рынке полный рабочий день, возможно, это даже больше, чем просто работа, это призвание, дело, к которому у многих есть призвание, но в котором лишь единицы добиваются успеха".

"Самым серьезным сражением для спекулянта является обращение с советами. Основной причиной того, что я переехал в верхнюю часть города, на Пятую авеню, было то, что я хотел оказаться вне досягаемости всех тех, кто пытался мне помочь, снабжая меня "точными данными" и "внутренней

Правила управления денежными средствами Ливермора
информацией". Будьте осторожны со всеми советами!"

"Советы приходят из разных источников. Один такой совет был передан мне председателем одной крупной американской корпорации во время ужина в моем доме в Грейт Нек.

"Как дела?" - спросил я его.

"Отлично. Мы усовершенствовали компанию - не то, чтобы она действительно была в беде, но теперь, кажется, мы идем под всеми парусами. На самом деле наши квартальные доходы будут опубликованы на следующей неделе, и они будут необыкновенными".

"Он мне нравился и я ему поверил, поэтому на следующее утро я купил тысячу акций на проверку. Доходы появились в том виде, о котором говорил исполнительный директор. Актив хорошо рос, доходы продолжали расти в течение последующих трех кварталов и акция росла стабильно. Меня убаюкало чувство безопасности, поскольку акция продолжала расти. Затем она остановилась и начала стремительно падать в противоположном направлении, как водопад".

"Я позвонил председателю и сказал: "Меня беспокоит падение цены Вашей акции. Что происходит?"

"Он ответил: "Я знаю, что цена упала, Джей Эл, но мы рассматриваем это как нормальную коррекцию. В конце концов, у нас был чертовски стабильный рост акций в цене уже почти год".

"Как идут дела?" - спросил я.

"Ну, наши продажи слегка упали, и, боюсь, эта информация просочилась за пределы компании. Похоже "медведи" получили эту информацию и сбивают цену фонда. Мы считаем, что это в основном продажи без покрытия, медвежья атака. Мы вытесним их во время следующего оживления, немного их прижмем, а, Джей Эл?"

"Вы продаете что-то из своего пакета?" - спросил я.

Глава 12.

"Вовсе нет! Где я могу вложить свои собственные деньги с большей безопасностью, чем в свою собственную компанию?"

"Конечно, позднее я выяснил, что все люди, имевшие доступ к внутренней информации, были заняты продажами акций с той самой минуты, когда они почувствовали, что бизнес катится вниз. Получив дурные вести, известные только им, они сбросили столько акций, сколько мог взять рынок".

"Я никогда не злился. Это были лишь моя глупость и жадность. Я знал, что все основные исполнительные директора являются лидерами группы поддержки, и что они должны оставаться оптимистами, должны нести только хорошие новости. Они ни при каких обстоятельствах не могли сказать акционерам или конкурентам, что дела обстоят отнюдь не в розовом свете, как кажется. На самом деле, меня всегда забавляло их лицемерие. Их лживые заявления были лишь частью инстинкта самосохранения, ключевой частью их работы в качестве исполнительных лиц на любых уровнях власти".

"Но мне было интересно мое личное самосохранение, а не самосохранение главных лиц и акционеров компаний, где я размещал свои инвестиции. Следовательно, спустя некоторое время - и после значительных потерь денег - я никогда не спрашивал у внутренних источников о том, как идут дела в их компании".

"Зачем тратить время, слушая полу-правду, туманные заявления, неточные планы и просто неприкрытую наглую ложь? Я могу просто посмотреть на поведение акции. Все понятно из её функционирования. В телеграфной ленте заключена правда, доступная для всеобщего обозрения".

"Я бы предложил людям, которые интересуются фондовым рынком, чтобы они повсюду носили с собой маленький блокнот, записывали интересную общую информацию по рынку, и, возможно, разрабатывали свою собственную стратегию заключения сделок на фондовом рынке. Я всегда предлагаю первым делом записать в маленький блокнот следующее: "Остерегайся информации изнутри - *всей* внутренней информации!"

Правила управления денежными средствами Ливермора

"Есть только один способ достичь успеха в спекуляции - усердный труд, непрерывная усердная работа. Если где-то лежат легкие деньги, то никто не собирается отдавать их мне, в этом я уверен. Я всегда получал удовлетворение от победы над рынком, от успешного решения загадки. Деньги были наградой, но не главной причиной, почему я люблю рынок. Фондовый рынок - это самая великая, самая сложная задача, которую когда-либо изобретали - и в ней самый большой Джек-пот".

"Всегда помните: можно выиграть на скачках, но нельзя обыграть скачки. Можно выиграть на акции, но нельзя все время выигрывать на Уолл-Стрит. Никто не может этого".

"Люди всегда говорили о моих инстинктах, особенно после истории с "Юнион Пасифик" и землетрясением в Сан-Франциско. Но я никогда не думал, что мои инстинкты так уж уникальны. Инстинкты опытного спекулянта действительно отличаются от инстинктов такого фермера, как мой отец. На самом деле я считаю фермеров самыми азартными игроками в мире. Они сажают урожай каждый год, играя на цене пшеницы, кукурузы, хлопка или сои. Они выбирают правильную культуру, которую нужно посадить, играют с погодой и насекомыми - вредителями, непредсказуемым спросом - что может быть в большей степени рискованно? Те же самые принципы относятся к любому виду бизнеса. Итак после двадцати, тридцати или сорока лет выращивания пшеницы или кукурузы, скота, производства автомобилей или велосипедов у человека естественным образом вырабатывается шестое чувство, интуиция, предчувствие, основанное на опыте, приобретенном в бизнесе. Я считаю, что в этом я такой же, как все".

"Единственное, чем я, возможно, отличаюсь от большинства спекулянтов - это то, что когда я чувствовал, что я прав, стопроцентно прав, я шел до конца, действовал решительно, как я это сделал во время краха 1929 года, когда у меня была короткая позиция в 1 миллион акций, и каждый рост и падение на один пункт означали для меня миллион долларов. И даже тогда, во время моей самой крупной игры, я никогда не руководствовался исключительно денежными соображениями. Именно игра, решение задачи, победа над рынком смущала и

Глава 12.

путала величайшие умы мира. Для меня страсть, сущность и восторг состоят в том, чтобы выиграть в игре, игре, которая является живой, динамичной загадкой, головоломкой для всех, кто спекулировал на Уолл-Стрит".

"Возможно, это похоже на то, что значит бой для солдата. Это умственная, а также духовная высота. Все твои чувства обостряются до предела".

"Я всегда велел своим сыновьям заниматься тем делом, в котором они хороши, у меня же хорошо получалось спекулировать. С годами я получил на Уолл-Стрит много миллионов долларов, и инвестировал их в землю Флориды, авиакомпании, нефтяные скважины, новые "чудо"-товары, основанные на новых изобретениях. Все они обернулись жалкими провалами, катастрофами. Я потерял каждую копейку, которую я в них вложил".

"Просто помните, что без дисциплины, четкой стратегии и точного плана, спекулянт будет попадать во все эмоциональные ловушки рынка, перебегать от одного актива к другому, слишком долго удерживая проигрышную позицию, слишком рано закрывая выигрышную позицию безо всякой на то причины, кроме страха потерять прибыль. Жадность, страх, нетерпение и надежда - все эти качества будут бороться за доминирование в голове спекулянта. Затем, после нескольких провалов и катастроф, спекулянт может стать деморализованным, подавленным, впасть в депрессию и может бросить рынок, а с ним - и шанс заработать целое состояние".

"Вырабатывайте свою собственную стратегию, работайте над дисциплиной и ищите подходы к рынку. Я предлагаю свое видение на правах того, кто ходил по этой дороге до вас. Возможно, я могу послужить вам проводником и спасти вас от попадания в некоторые из ловушек, в которые я попал сам".

"Но, в конечном итоге, решать все равно вам".

ГЛАВА 13

Удача отворачивается от Ливермора

На войне нет замены победе.

Генерал Дуглас МакАртур

Удача отворачивается Ливермора

У ЛИВЕРМОРОВ СОБРАЛАСЬ ОБЫЧНАЯ ЧЕТВЕРКА

за обычной игрой в бридж по высоким ставкам, устраиваемой в понедельник вечером: Уолтер Крайслер, Альфред Слоан, Эли Калбертсон и Джесси Ливермор. В закрытую дверь библиотеки постучали.

"Войдите", - сказал Ливермор.

В комнату вошел дворецкий, ведущий корову с большим синим бантом вокруг шеи. За ним зашла Дороти и сказала: "Надеюсь, я не помешала".

"Нет, дорогая, конечно же нет, как ты могла подумать, что помешаешь, приведя живую, дышащую корову в библиотеку, где мы играем в бридж?" - отозвался Ливермор.

"Джей Эл, я это сделала не просто так. Вам пора пить кофе, а вы все время жалуетесь, что сливки недостаточно свежие, особенно те, что подаются к завтраку в шесть утра. Я подумала, что корова тут поможет".

Игроки рассмеялись. Дороти и дворецкий вышли после того, как дворецкий накрыл на стол кофе. Корову оставили в библиотеке. Четверка вернулась к игре в бридж и начала играть, не обращая внимания на корову, которая просто стояла и смотрела по сторонам, пока Крайслер не сказал: "Джей Эл, думаю, лучше тебе вывести отсюда эту корову, пока она не

Глава 13.

наделала дел на твой персидский ковер за двадцать тысяч долларов".

Они снова до упаду смеялись, глядя на то, как Ливермор встал и лично проводил корову из библиотеки, подзывая при этом Дороти и дворецкого.

Дороти служила прекрасным контрастом Ливермору. Она была его зеркальным отражением, его идеальной парой, и он это знал. Она была непосредственной, он был сдержанным; она выкладывала все, что приходило ей в голову, но никто не знал, что на уме у Ливермора. Вместе они служили друг другу прекрасным дополнением, и они оба это знали.

Лучшие годы Ливермора, как в личной жизни, так и в его деятельности на рынке, пришлись на 1920 и 1930 годы. Он вступал в 1930-е с великими надеждами, но столкнулся с растущими серьезными личными проблемами. Дороти сильно пила и они постоянно дрались. Мальчиков всегда отсылали в школу или в летний лагерь. Они чувствовали себя отвергнутыми своими родителями и, в результате, избегали их.

Джесси-младший, необыкновенно красивый, подвижный мальчик, становился мужчиной и начал попадать в неприятности. У него были сложности в школе, он дрался с обоими родителями, когда оставался на лето дома.

Самого Ливермора всегда привлекали красивые женщины. Статистики были его ахиллесовой пятой. Благодаря его влиятельности, деньгам и загадочности в нем было нечто таинственное. Женщины тянулись к нему как мотыльки к огню. Статистики и актрисы были для него прекрасным обрамлением. Он мог назначать им свидания, выводить их в свет, прекрасно проводить время, а затем он обычно о них забывал и двигался дальше - к новой связи.

Но его связи на стороне постоянно достигали ушей Дороти. Она это ненавидела. Ей было 18, когда она вышла за него замуж, и у нее не было опыта общения с другими мужчинами, кроме Ливермора. Она была разочарована и обижена. Он был любовью всей ее жизни и она чувствовала, как он от нее отдаляется.

Удача отворачивается Ливермора

Все это аукнулось Ливермору, когда Дороти познакомилась с очень красивым агентом казначейства, специалистом по сухому закону, по имени Дж. Уолтер Лонгкоуп. У нее появился любовник. Лонгкоуп был печально известен своей тайной работой в Нью-Йорке в 1927 году. Красивый, как звезда экрана, он был очень похож на Гари Купера.

Лонгкоуп входил в группу сборщиков налогов, которые выдавали себя за ненасытных студентов, жаждущих веселья. Они схватили с полочки яркую Тексэс Гинан, известную в 1920-х годах женщину, которая держала один из самых больших незаконных баров в Нью-Йорке.

Говорят, Лонгкоуп рассказывал, что его секретная группа потратила 7000 долларов с расходного счета на выпивку и еду, добывая решающие улики для знаменитой облавы, которую он провел в клубе "300", принадлежащем Гинан. После облавы начался широко освещаемый в прессе процесс, на котором Лонгкоуп был свидетелем. Гинан была оправдана. У нее было много друзей в высших кругах.

Дороти в конечном итоге подала на развод и временно переехала в Рено, Невада, со своим новым любовником, агентом Лонгкоупом. В пятницу, 16 сентября 1932 года, она развелась с великим финансистом на основании того, что он оставил семью. Они состояли в браке с 2 декабря 1918 года - 14 лет. Дороти сохранила за собой опеку над мальчиками.

Судья Томас Моран сидел на скамье для слушаний. Для того, чтобы объявить развод действительным, Ливермор должен был сам взойти на трибуну и подтвердить, что он оставил свою жену 15 июля 1931 года. Когда он говорил, он смотрел на Дороти, которая повзрослела, но по-прежнему была красива. Он сказал то, что от него требовалось. Судья Моран вынес решение о расторжении брака.

Ливермор и Дороти покинули зал суда несколько минут спустя, они шли бок о бок, не говоря ни слова. Она в последний раз взглянула на него. Они молча стояли так в вестибюле зала суда, лицом к лицу. Ливермор покачал головой и ушел.

Глава 13.

Дороти немедленно подошла к Лонгкоупу, который стоял в углу. Она взяла его за руку и вернулась в зал суда. Она улыбнулась судье Морану, который ответил ей улыбкой, прежде чем начал церемонию бракосочетания. Позднее она говорила своим сыновьям, что была одинокой женщиной целых двадцать минут.

Это напомнило Ливермору о его первом разводе в Рено - с Нетти Джордан 2 декабря 1918 года, и его свадьбе с Дороти на следующий день - история повторилась.

Ливермор следовал тому же плану выплат, что был у него при первом разводе. Он отдал Дороти все, что она хотела: дом, драгоценности, трастовый фонд на сумму 1 миллион долларов на ее имя и на каждого из мальчиков, а также специально отобранный портфель ценных бумаг на фондовом рынке, стоимостью в 1 миллион долларов.

Ливермор всегда был уверен, что сможет заработать себе еще денег. Все, что ему было нужно, это приличная ставка, чтобы продолжать работать на рынке, так отчего же не дать своим бывшим женам то, что они хотели?

Первым делом после свадьбы с Лонгкоупом Дороти продала портфель акций стоимостью 1 миллион долларов, который выбрал для нее Ливермор. Она купила облигации железной дороги. Она была зла, очень зла. Она стала пить больше. Позднее "надежные" облигации железной дороги стали стоить копейки; дороги стали совсем дешевыми; к 1950-му году акции, которые Ливермор для нее выбрал, выросли в цене до 50 миллионов долларов. Но ей было все равно. Она хотела уничтожить все, напоминающее ей о прошлом. Но он так никогда по-настоящему и не исчезнет из ее жизни. Она говорила о нем по крайней мере один раз в день, каждый - день до конца жизни.

Ливермор уехал из Рено и вернулся в Нью-Йорк. Он сильно упал духом. Он погрузился в глубокую черную депрессию. Та черная туча, которая никогда не отходила от него далеко, теперь его полностью накрыла.

Удача отворачивается Ливермора

Вскоре после развода Ливермор познакомился с Гарриет Метц Ноубл из Омахи, Небраска. Они познакомились в Нью-Йорке по милости Александра Моора, который представил их друг другу во время коктейля в его пентхаусе в Нью-Йорке. Их влекло друг к другу, и они тут же стали вместе проводить вечера, особенно в клубе "Сторк", где Ливермора очень хорошо знали; он был близким другом владельца, Шермана Биллингсли. В клубе "Сторк" каждый уважающий себя человек должен был бывать и там его должны были видеть.

Однажды вечером, когда Гарриет и Ливермор зашли туда поздно вечером, чтобы чего-нибудь выпить, в зал вошел Джорджи Джессел, большой остряк и церемониймейстер. У него всегда про запас была куча сюрпризов. В тот вечер с ним под руку вошла потрясающе красивая негритянка. Она возвышалась над головой Джорджи по меньшей мере на фут. Неписанный закон клуба "Сторк" гласил, что присутствие в нем чернокожих нежелательно. Джессел об этом знал. Тем не менее, он подошел к метрдотелю и спросил, есть ли свободный столик. Метрдотель тут же пошел к Биллингсли и спросил у него, что делать.

Биллингсли встал из-за стола и подошел к Джесселу и его спутнице.

В комнате воцарилась тишина, когда Биллингсли заговорил: "Джорджи, ты заказывал столик? Метрдотель говорит, что нет".

Джессел приобнял свою спутницу и сказал: "Да, Шерман, у меня заказан столик в клубе "Сторк", и он был заказан очень важным лицом очень давно".

"И кто бы это мог быть, Джорджи?" - спросил Биллингсли.

"Авраам Линкольн. Он заказал мне столик".

Компания разразилась смехом. Ливермор встал из-за стола и подошел к Джесселу, которого не раз приглашали на вечеринки в его дом в Грейт Нет.

"Привет, Джорджи", - сказал Ливермор. - "У меня есть место за столиком для тебя и для твоей высокой спутницы, так почему бы вам к нам не присоединиться".

Глава 13.

"С удовольствием, Джей Эл. Всегда приятно присоединиться к джентльмену". Они прошли к столику, и в комнате снова все пришло в норму".

"На следующий день Биллингсли позвонил и поблагодарил Ливермора за помощь в разрешении ситуации прошлым вечером".

Гарриет была зажиточной женщиной, ее семья владела пивоварней "Метц" в Омахе. После того, как они с Ливермором встречались на протяжении шести месяцев, они решили пожениться.

28 марта 1933 года Ливермор и 38-летняя Гарриет поженились в Женеве, Иллинойс. Медового месяца не было.

Это был пятый брак Гарриет. Все четверо ее предыдущих мужей покончили жизнь самоубийством.

Новобрачные немедленно переехали в красивый номер, занимавший целый этаж в гостинице "Шерри Недерлэнд" на Пятой Авеню, напротив Сентрал Парк. Апартаменты состояли из прекрасной гостиной и столовой, библиотеки и двух больших спален.

30 мая 1933 года Конгресс принял Закон о ценных бумагах и биржах. Комиссия по ценным бумагам и биржам была сформирована в 1934 году, во главе с Джозефом Кеннеди, который и составил правила Комиссии по ценным бумагам и биржам. Президент Рузвельт попросил Кеннеди составить законодательную базу, которая могла бы использоваться постоянно и выдержать испытание временем.

Считается, что Рузвельт с улыбкой сказал Кеннеди: "Джо, поскольку ты, вероятно, делал на фондовой бирже все, что только можно для того, чтобы заработать деньги, я считаю, что могу с уверенностью предположить, что ты тот самый человек, который может написать новые правила". В качестве вознаграждения Кеннеди впоследствии был назначен послом в Великобританию, очень престижный пост. Кеннеди был учеником Эндрю Карнеги, великого воровского стального барона, который сказал: "Деньги всегда освящают себя в

Удача отворачивается Ливермора

следующем поколении". Кеннеди хотел начать уже в первом поколении. У него было несколько сыновей, чтобы стать президентами и много грехов, которые следовало замолить.

Эти новые правила изменили характер рынка; теперь компания, выпускающая в обращение акции, должна была действовать в рамках правил. Целью правительства была защита покупателей. Характер рынка на некоторое время поменялся, но человеческая природа не изменилась в мгновение ока. Ливермор изучал новые правила и размышлял над тем, придется ли ему менять свои правила и стратегию, чтобы приспособиться к новым правилам. Позднее он с улыбкой говорил: "Никаких серьезных изменений делать не нужно, несмотря на то, что начали действовать новые правила".

Дороти, бывшая жена Ливермора, поклялась, что после развода она никогда больше не вернется в Эвермор. Она больше не хотела иметь ничего общего с поместьем. Но ее мучили воспоминания. Она все же вернулась туда и прожила там некоторое время. У нее было несколько маленьких собачек. Она отказывалась выводить их на прогулки по обширному поместью. Она ничего не делала для того, чтобы они не мочились и не испражнялись на бесценные персидские ковры. Когда ковры стали слишком грязными, и зловоние стало слишком сильным, она велела свернуть их и выбросить.

Фундамент одной из комнат особняка просел на три дюйма. Комната накренилась в сторону воды. Однажды Дороти и дворецкий зашли в комнату и отцентрировали антикварную мебель, отпилив соответствующие ножки. Под пилу попали ножки стола Луи XIV стоимостью 100 000 долларов, а также несколько других предметов сходной ценности.

В конце концов она собрала некоторые предметы мебели, ковры, произведения искусства и сувениры и перевезла их в свою квартиру в Нью-Йорке.

Когда пришло время платить налоги, она отказалась их выплачивать. Она переслала соответствующее письмо Ливермору и велела ему уплатить их. Он ее проигнорировал. Ее

Глава 13.

известили, что дом с его содержимым будет продан с молотка, если она не оплатит счет по налогам.

"И что? Пусть продают дом, и все, что в нем. Какое мне дело? Сейчас для меня это только дурные воспоминания".

В доме находилась самая замечательная коллекция антикварной мебели, которая когда-либо была собрана в Америке. Ливермор потратил миллионы на то, чтобы ее собрать. Собственность, за исключением мебели, в 1932 году оценивалась в 1,35 миллиона долларов. Ливермор потратил более 150 000 долларов только на ландшафтный дизайн. Столовое серебро было оценено в 100 000 долларов; 309 000 долларов стоила мозаика из жадеита; 10 000 долларов - вышитая гарусом по канве ширма; сделанный на заказ Роллс-Ройс Дороти - 22 000 долларов.

Аукционный молоток опустился 22 июня 1933 года. Дом и собственность были проданы за 168 000 долларов; вышитая гарусом по канве ширма ушла за 800 долларов, а госпожа Гуггенхайм из Нью-Йорка купила черный Роллс-Ройс Дороти с откидным верхом и нанесенными золотом буквами "D.L." на дверях за 4750 долларов. Общая сумма, полученная на аукционе за собственность и всю обстановку, составила 250 000 долларов. Страна находилась на самом дне Великой Депрессии.

На следующий день рано утром, удобно устроившись в кресле в своем офисе, Ливермор в газете прочел об аукционе. Он глубоко вздохнул, сложил газету и выбросил ее в корзину для мусора. Он сидел на стуле без движения, безжизненно, уставившись на зеленые доски и секретные знаки, которые всегда казались ему музыкальным произведением, симфонией, которую он играл только для себя. Сегодня это была просто беспорядочная куча символов.

Он смотрел из окна на просыпающийся Нью-Йорк. На глаза навернулись слезы. Он сделал глубокий вдох, но тут открылась дверь и вошел Гарри Эдгар Даш с первым из ассистентов. Они кивнули начальнику. Ассистент молча надел свой пиджак из шерсти альпаки и наушники. Он взобрался вверх по ступенькам, чтобы наносить на доску показатели на

Удача отворачивается Ливермора

рынках Лондона и Парижа, которые на много часов опережали Нью-Йорк. Ливермор отвернулся от доски, и взгляд его вновь упал на газету в корзине для мусора.

У него по-прежнему были его сыновья, двое прекрасных сыновей.

Вскоре после того, как дом в Грейт Нек был продан с аукциона, Дороти попросила своего друга, наперсника и прислугу Люсьена отвезти ее к входу в апартаменты в Нью-Йорк Сити на ее 16-ти цилиндровом светло-сером Кадиллаке с откидным верхом.

Она села на заднее сидение с корзиной для пикника и несколькими бутылками виски.

"Люсьен, я хочу уехать в Санта-Барбару".

"Это где?" - спросил Люсьен.

"В Калифорнии".

"Когда, мадам?"

"Прямо сейчас, Люсьен. Поехали".

"Зачем?" - спросил он.

"Потому что, насколько я понимаю, это далеко от этого гада, Джесси Ливермора. И я хочу, *чтобы мальчики тоже были далеко от него и от его женщин!*"

Они устроили грязную тяжбу за право опеки над детьми. Ливермор считал, что Дороти слишком сильно пьет, а она считала, что его распушенность в отношениях с женщинами не создает для мальчиков здоровой атмосферы.

"Понятно", - сказал Люсьен. Зная о скандале между бывшими супругами, он включил зажигание и поехал.

"А еще, Люсьен, я слышала от друга, что это центр развлечений для влиятельных жителей Калифорнии", - добавила она.

Люсьен ехал, ехал и ехал до тех пор, пока они не доехали до Санта-Барбары, при этом Дороти почти не сходила с заднего сидения, все время сидя в машине с поднятым верхом,

Глава 13.

наслаждаясь едой и напитками из корзины для пикника на заднем сидении. Когда они доехали до Санта-Барбары, она тут же пошла к агенту по недвижимости и арендовала самый большой меблированный дом, который можно было найти. Она нашла его в Монтесито - большой, вульгарный, отделанный розовым гипсом особняк.

Ливермор получил еще дурные вести. Он узнал через частного детектива, что Бостонский Билли Монаган жаждал отмщения за то, что он считал чрезмерным наказанием. Он считал, что Ливермор и другие влиятельные люди, которых он ограбил, оказали влияние на судью, чтобы тот навечно упрятал его за решетку, чтобы этот случай послужил примером для других.

Ливермор никогда не говорил с судьей. Однако он не был уверен в других богатых людях, которые стали жертвами Монагана.

23 сентября 1933 года в инциденте, на первый взгляд никак не связанном с этим, на борту корабля *"Джоанна Смит"*,

на котором проводились азартные игры, и который стоял на приколе в трех милях от берега Лонг Бич, Калифорния, было совершено убийство. Там разгорелся бурный спор между Бьюэллом Доусоном, молодым, широко известным гангстером и Джеймсом Уолшем, недавно выпущенным заключенным и бывшим сокамерником Бостонского Билли Монагана. Спор разрешился тем, что Уолш вытащил пистолет и насмерть застрелил Доусона. Полиция обнаружила оружие убийства в ванной комнате и провела по этому поводу очную ставку с Уолшем. Также в наличии имелось несколько свидетелей убийства.

Уолш во всем сознался и объяснил полиции, что стрельба была начата в результате жаркого спора между ними на тему, как лучше похитить Ливермора и Догени, зажиточного калифорнийца, занятого в нефтяном бизнесе.

Новости потрясли Ливермора. Это было еще одно, что он абсолютно не хотел пережить.

Удача отворачивается Ливермора

27 октября 1933 года Надя Краснова, потрясающая красавица и актриса, которая долгое время была любовницей Ливермора, подала в Верховный суд Нью-Йорка гражданский иск против Ливермора по поводу нарушения обещания. Иск составлял 250 000 долларов.

Этот иск расстроил его новую жену Гарриет, которая ничего не знала о его длительной любовной связи. Она была властной и ревливой женщиной. Это откровение другой женщины, любовницы ее нового мужа, привело к серьезному разладу в их браке. Они почти каждый день ругались из-за связи с Надей. Гарриет заставила его поклясться, что он будет звонить каждый час, независимо от того, где он находится и что делает. "Ты вышел у меня из доверия! Я сомневаюсь, что когда-либо смогу простить тебя!"

Это был еще один момент, разладившийся в жизни Ливермора. Возможно, более серьезной проблемой было то, почему Ливермору нужна была любовница, несмотря на то, что у него была новая жена. Что исчезло из его жизни?

Плюс ко всему, Ливермор знал, что теряет свои навыки заключения сделок. Его внимательность, дисциплинированность и энергичность разрушались. Его страсть к рынку потухла, и он не понимал, почему? Может быть, из-за развода с Доротей? Или из-за того, что он редко видится с мальчиками? Или его новая жена тянет его вниз? Или его успех во время краха 1929 года привел к тому, что он потерял интерес к рынку? Или повторяется 1907 год, когда он потерял все свое состояние? Откуда появились чернота, отчаяние, пустота? Откуда они всегда появлялись? Неужели ничто не сделает его счастливым? Не успокоит его, не даст ему настоящего удовлетворения?

19 декабря 1933 года Ливермор впал в самую глубокую депрессию в своей жизни. Он уехал из квартиры на Парк Авеню, дом 1100, где теперь жил, в 3 часа дня и не вернулся домой. Гарриет позвонила в полицию: "Обычно он звонит мне каждый час. Боюсь, с ним что-то случилось".

20 декабря в 2:32 ночи по телетайпу была разослана

Глава 13.

конфиденциальная информация о том, что знаменитый финансист пропал. Телетайп был немногословен и не давал никакой информации, кроме краткого описания Ливермора и его возраста, 56 лет. Позднее в полицию сообщили, что в тот день Ливермор не пришел на назначенную встречу с другом в "Уолдорф-Асторию". Его шофер, который ждал на улице, признался полиции, что Ливермор сказал ему, что он может быть свободен, остановил такси и исчез в городской суете.

Новости немедленно распространились в коридорах Уолл-Стрит. Полиция города и штата была поднята на ноги по этому делу. Они рассматривали все возможности: амнезия, самоубийство и похищение. Они были уверены, что если бы это было похищение, то они в любой момент могли получить требование о выкупе. В связи с возможностью похищения к делу подключилось Федеральное Бюро Расследований.

Адвокат Ливермора, Джеймс О'Горман, общался с прессой: "Я провожу свое собственное частное расследование, и, бьюсь об заклад, что господин Ливермор будет дома в течение двадцати четырех часов".

В среду в 6:15 вечера Ливермор вернулся в свою квартиру через вход с Восемьдесят девятой улицы, 26 часов спустя после своего ухода. Журналисты собрались у входа. Ливермор прошел мимо них, не говоря ни слова, и направляясь прямо в свою квартиру. Там находились детективы, которые общались с Гарриет.

Он выглядел бледным и изнуренным. Он присел и заговорил с ними: "Я только что увидел газеты и понял, что вы меня ищете".

"Где ты был?" - спросила Гарриет. - "Я чуть с ума не сошла от беспокойства. Я думала, что тебя похитили".

"Нет, я был в гостинице".

"В какой гостинице?" - спросил капитан детективов Луис Хэмс.

"В гостинице "Пенсильвания"", - ответил Ливермор. Он вручил ключ своей жене, которая передала его полиции.

Удача отворачивается Ливермора

"Как вы туда добрались?" - спросил Хэмс.

"На такси".

"Что случилось?" - потребовала ответа Гарриет.

"Не знаю. Я был как во сне с тех пор, как ушел из дома вчера. Сегодня днем я очнулся с чувством какого-то онемения и путаницы в голове, затем я наконец-то прочитал газету, которую подсунули мне под дверь. Я тут же вернулся".

"Значит, это была амнезия?" - спросил Хэмс.

"Я не знаю. Я как будто потерял сознание".

Позднее капитан Хэмс объяснил прессе, что он не знает, от какого недуга страдает Джесси Ливермор, но этот недуг заставил его исчезнуть. "Ливермор сказал, что не знал, что мы его ищем, и что когда он это выяснил, он немедленно поспешил домой".

Полиция нашла водителя такси Эйба Каммарика и допросила его. Водитель сообщил полиции, что когда Ливермор сел в такси, его тут же вырвало на заднем сидении. Он был весь в поту, и руки его дрожали. Он также сказал, что Ливермор заплатил ему действительно хорошие деньги за то, чтобы тот все убрал.

Полиция провела дальнейшее расследование в гостинице "Пенсильвания". Они обнаружили, что Ливермор останавливался в номере Дж.Л.Лорда, постоянного клиента гостиницы, который бронировал номер для себя на целый год. Полиция попыталась найти Лорда, но безуспешно. Они прекратили дальнейшее расследование, поскольку знали, что Ливермор был в безопасности.

Если бы полиция продолжила свое расследование, то они бы обнаружили, что Дж.Л.Лорд - это вымышленное имя Ливермора, которым он пользовался для того, чтобы снимать номера в гостинице. Он снимал эту комнату долгие годы. Именно эту гостиницу Ливермор использовал для любовных утех в то время, когда был женат на Дороти, включая его долгосрочный роман с красавицей Надей Красновой, похожей на Грету Гарбо.

Глава 13.

Моральные силы покинули Ливермора. Его характер изменился. Даже его друзья начали замечать, что Великий Медведь Уолл-Стрит потерял свои когти. Он был подавлен, холоден, его мысли казались туманными и несвязными. Его всепоглощающий интерес к рынку угасал. Его офис переехал на Бродвей, дом 120 и он отпустил своих ассистентов. Он перестал видаться со своими основными старыми друзьями: Эдом Хаттоном, Уолтером Крайслером, Эдом Келли, Александром Моором и Уильямом Дюраном.

Он перестал играть в бридж в клубе "Метрополитен", что он очень любил делать, а также оставил покер и нарды. Казалось, что он изменился даже внешне - он по-прежнему был опрятно одет, но теперь он одевался несколько старомодно. Большую часть времени у него был отсутствующий взгляд, взгляд куда-то вдаль, который смущал его друзей, которые чувствовали, что он просто сидит, уставившись в пустоту, в то время, когда они с ним разговаривают.

У него также были серьезные проблемы с сыном Джесси-младшим. Он выяснил, что Джесси, красивый юноша, выглядевший старше своих лет, имел сексуальные отношения с некоторыми женщинами, подругами Дороти, на территории Грейт Нек. Он начал свою сексуальную жизнь с этими женщинами, когда ему было 14 лет, и ему нравилось действие алкоголя на его организм.

У молодого Джесси были проблемы в школе, и он ненавидел то, что его мать переехала в Санта-Барбару. "Мне в голову не приходит другое место, расположенное дальше от этого человека", - объяснила она ему и своим друзьям причину своего переезда.

Джесси нравилось жить в Нью-Йорке и быть рядом с отцом, который до безумия его любил, в любое время давал ему все, что ему хотелось. Джесси любил отца, а отец любил его. Не было на свете ничего, что бы Ливермор не сделал бы для Джесси, и это вредило мальчику. Дороти это знала и прилагала все усилия, чтобы помешать Ливермору видаться с мальчиками. Это сработало на руку новой жене Ливермора, Гарриет, которая

Удача отверачивается Ливермора

ненавидела мальчиков, потому что они отвлекали его внимание от нее.

Пол, другой сын Ливермора, нежный и красивый мальчик, обладал темпераментом, отличным от бурного темперамента своего брата Джесси, который был хитрым и озорным. Пол был мягким человеком, спокойным и тихим, ему нравилось оставаться одному в огромном поместье или играть со своим братом Джесси на берегу, напротив "Брейкерз". Он был наделен необычайно творческим умом, много умел делать своими руками, мог что-то починить или построить, как его дед. Пол знал, что все внимание достается Джесси, но не завидовал ему. Он был доволен, будучи самим собой.

На самом деле Пол немного боялся своего брата и удивлялся, как тот может ходить по столь туго натянутой проволоке между родителями, зачастую используя их сильные чувства друг к другу и к нему против них самих, легко ими манипулируя.

Общее состояние дел изменилось для Ливермора в худшую сторону. Его финансовые удачи стремительно покатались вниз. В прессе начали появляться статьи, содержащие судебные решения против них. 10 января 1934 года в *"Нью-Йорк Таймс"* появилась первая статья, обрисовывающая

судебное решение размером в 13 130 долларов в пользу Джона Тирни, члена Нью-йоркской фондовой биржи. Другая появилась 2 февраля, 1934 года, она сообщила о судебном решении размером 90 840 долларов в пользу брокеров "Бенджамин Блок энд Кампани". Бен Блок был другом Ливермора. Ливермор не пытался защититься от исков, и они были проиграны в порядке упрощенного судопроизводства.

5 марта 1934 года Ливермор в конце концов разорился. Он подал в федеральный суд прошение о признании его банкротом. Сэмюэл Гилман, адвокат великого трейдера, сделал заявление для *"Нью-Йорк Таймс"*: "В каждом из трех

предыдущих случаев, когда мой клиент не мог выполнить своих обязательств, он в конечном итоге заплатил по 100 центов на один доллар всем своим кредиторам. Уверяю вас, что господин

Глава 13.

Ливермор снова одержит триумфальную победу над текущими трудностями". Обсуждаемый иск Нади Красновой о нарушении обещания также был включен и удовлетворен в порядке банкротства. Чего никто не знал - так это того, что Ливермор тайно передал ей 5000 долларов через своего друга Александра Моора, чтобы она смогла переехать в Калифорнию.

По совету своего адвоката Ливермор занял 100000 долларов у Гарриет. Займ был гарантирован процентами с трастового фонда размером в 1 миллион долларов - трастового фонда, который был устроен таким нерушимым образом, что с него ни при каких обстоятельствах нельзя было забрать основную сумму. Этот трастовый фонд пережил банкротство.

7 марта 1934 года обанкротившемуся Ливермору было автоматически прекращено членство в Торговой палате Чикаго. Никому так никогда и не удалось узнать, что случилось с огромным состоянием, полученным им во время краха 1929 года, за пять лет до того. Он потерял все.

Ливермор, конечно, находился в состоянии депрессии и был дезориентирован. Он также находился на грани личной трагедии. 1 декабря 1934 года он отправился в путь на итальянском океанском лайнере *"Рекс"*. Уезжая, он сказал *"Нью-Йорк Таймс"*:

"Это запоздавший свадебный подарок мне и моей супруге. Я намерен изучить европейские товарные рынки как основу для своего возвращения".

"Вы думаете, что вам удастся вернуться на этот раз, господин Ливермор?" - спросил журналист.

"Я возвращался и раньше, но на этот раз это займет больше времени, потому что условия на мировом рынке изменились в худшую сторону", - ответил он. На самом деле он имел в виду, что у него уйдет больше времени на то, чтобы снова встать на ноги потому, что он утратил эмоциональное равновесие и он не уверен, сможет ли он когда-нибудь вновь обрести его.

"Чем вы будете заниматься?" - спросили его.

"Я думаю, что буду заниматься пшеницей и другими товарами".

Удача отворачивается Ливермора

О Ливерморе постоянно распространяли различные слухи и истории. Он всегда был интересен для прессы и общей массы людей с Уолл-Стрит. Например, один брокер с Уолл-Стрит распространил историю о "черной кошке". Он сказал, что знает, как Ливермор вызвал крах 1929 года. Брокер утверждал, что он нашел волшебную кошку. Брокер взял кошку домой, и удача повернулась к нему лицом. Он тут же провернул успешную сделку на рынке, и каждый раз, когда у кошки появлялись котята, он звонил Ливермору, который тут же пересматривал свою позицию на рынке - если он играл на повышение, он начинал играть на понижение, и наоборот.

"Эта чертова кошка заработала Ливермору целое состояние", - говорил брокер. - "Затем год назад моя кошка умерла, и это уничтожило Ливермора. Именно поэтому он обанкротился и потерял свое состояние!"

Ливермор также находился под подозрением в том, что он играет на понижение. Его обвиняли в том, что он явился одной из основных причин краха 1929 года. Но он считал это нелепым, потому что был уверен, что ни один человек или группа людей никогда не могли изменить общее направление рынка или даже удерживать внизу один актив в течение длительного периода времени. Он знал, что в конечном итоге только продажи и доходность акции, финансовый костяк компании, могут одержать победу в игре, несмотря на то, что дорога к победе может быть непростой. Тем не менее, люди по-прежнему во всем винили его, иногда даже прилюдно.

"Акции компаний, которые последовательно зарабатывают деньги, последовательно растут", - говорил Ливермор тем, кто хотел услышать.

Для толпы, непрофессиональных биржевых игроков, на рынке всегда присутствовали знаменитые серые "они". "Они" пытались снизить курс "Стил" сегодня. Они всю неделю стояли

за "Дженерал Моторс", добиваясь повышения этих акций. Они предприняли отработанную медвежью атаку на "Стэндэрд Ойл". Они распродавали сейчас акции, потому что они знали, что

рынок выравнился. Их вел за собой этот гад, Ливермор, и его гадкие друзья.

Глава 13.

Толпа верила в существование клуба, возглавляемого влиятельным человеком или группой лиц, который управлял рынком. Предположительно клуб состоял из таких людей, как Ливермор, Джеймс Кин, Джон "Ставлю Миллион" Гейтс, Бернард Барух, Уильям Дюран, Артур Каттен и братья Фишеры. Считалось, что эти люди просто манипулировали рынком по своему желанию. Поэтому маленький трейдер всегда оставался в дураках.

У толпы также было четкое мнение по поводу колебания цен. Любые влияния, способствовавшие росту на рынке, являлись "положительными", а любые влияния, которые заставляли рынок снижаться, были "отрицательными". Это было основано на посылке, что всегда хорошо, когда цены растут, поскольку когда цены растут, то брокеры, клиенты, должностные лица компаний и инвестиционное сообщество были счастливы и богатели. Но любой человек, замешанный в *снижении* цен на фондовом рынке или получающий прибыль от этого снижения, соответственно, являлся чудовищем, и, скорее всего, помимо всего прочего, не был патриотом.

Ливермору это отношение к медведям на рынке казалось нелепым. Это было игнорирование реальности. Ливермор сказал в интервью *"Нью-Йорк Тайме"*: "Люди считают, что эта группа людей из элиты может снизить цену акции до уровня ниже "реальной стоимости", чтобы создать "абсолютно выгодную сделку". Люди ошибочно предполагают, что умные спекулянты не вступят в игру и не скупят её по этим заниженным ценам".

Существовали люди, твердо уверенные в том, что если медведю на фондовом рынке можно было бы вырвать когти и навечно посадить его в клетку, тогда рынки будут двигаться только в одном направлении - вверх, вверх и вверх!

Никто не доказал, что продажи без покрытия вредят рынку. В реальности, среди многих спекулянтов бытует мнение, что крупная короткая позиция на самом деле говорит о наличии большого запаса покупательной способности, поскольку акции должен кто-то купить, чтобы закрыть короткие позиции к какому-то сроку в будущем.

Удача отворачивается Ливермора

Существует также спорная теория, которая гласит, что большинство инвесторов большую часть времени ошибаются в предсказаниях направления фондового рынка или рынка в целом. Поэтому если сумма ценных бумаг, проданных без покрытия, перерастает определенную точку, спекулянты, не идущие вслед за толпой, считают, что это веский сигнал, указывающий на то, что пришло время покупать длинные позиции.

Ливермор был независимым мыслителем. Он считал, что рынок устроен так, чтоб обманывать большинство людей большую часть времени. Конечно, никто не мог постоянно по своей воле менять направление рынка или направление акций. Если бы это было возможно, то этот человек уже был бы самым богатым человеком на планете.

Ливермор верил в систему свободного рынка с ограниченным государственным вмешательством. Он говорил: "В системе свободного рынка цены колеблются. Они никогда не растут постоянно и никогда не опускаются все время. И это хорошо".

Все это не остановило людей от того, чтобы обвинять Ливермора в том, что он является медведем-разрушителем и причиной Великого Краха. Он был готов к поездке в Европу. Она нужна была ему для того, чтобы привести в порядок психику.

Но он не знал, что его самая большая личная трагедия еще впереди.

ГЛАВА 14

Выстрелы в Джесси Ливермора- младшего

Он помнил бедного Джулиана и его романтическое благоговение перед ними. И как он начал рассказ словами:

"Богатые люди сильно отличаются от нас с тобой".

"Да, у них больше денег".

Эрнест Хемингуэй,
"Снега Килиманджаро "

Выстрелы в Джесси Ливермора- младшего

ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ, 29 НОЯБРЯ 1935 ГОДА. Было поздно. Они оба были пьяны.

Джесси -младший, которому было 16 лет, но который выглядел на 20, стоял, высокий и дерзкий, в гостиной, он плохо держался на ногах, слегка покачиваясь от выпитого. Он выглядел крупным в своих желтовато-коричневых слаксах и белой рубашке с небрежно накинутым на плечи белым свитером для тенниса.

Пьяная Дороти сидела на тахте.

В арендованном Дороти особняке из розового гипса в Санта-Барбаре шла вечеринка по поводу Дня Благодарения. В этот дом Дороти переехала на постоянное место жительства после того, как ее дом в Грейт Нек пошел с молотка. В августе она развелась с Джимом Лонгкоупом, агентом казначейства, специалистом по сухому закону, и теперь флиртовала с Д.Б.Невиллом - который, подобно Лонгкоупу, был красив, приятен и очень заинтересован в ее деньгах. Некоторые из ее "спутников" явно у нее воровали.

И Джесси, и Пол на каникулах оставались дома и вскоре должны были вернуться в школу. Пол должен был отправиться назад в "Хотчкисс Скул" на северо-западе Коннектикута, серьезное учебное заведение, где очень строго относились к дисциплине, а Джесси должен был пойти в новую школу,

Глава 14.

эксклюзивную "Лагуна Бьянка", куда он отчаянно не желал идти. В конце концов он ушел из "Чозйт", где каждый ученик, можно сказать, в обязательном порядке должен был владеть лошастью для игры в поло. Спустя много лет оба его родителя повесили на него ярлык неисправимого. Он только посмеивался, когда они просили его исправиться.

Джесси не хотел возвращаться в школу - в любую школу. Он сказал матери, что хочет вместо этого поехать в Европу и развлечься. После вечеринки он уехал на своем 16-цилиндровом "Крайслере" с откидным верхом и с двойной выхлопной трубой, который был оборудован выключателями для того, чтобы глушитель не работал. Когда Джесси был за рулем, а выключатели включены, ошибок не случалось. Его было слышно по всем тихим окрестностям Санта-Барбары. Ливермор позвонил своему старому приятелю, Уолтеру Крайслеру чтобы купить у него этот прообраз спортивного автомобиля и переправить его в Калифорнию для Джесси - для сына ему было ничего не жалко. Джесси водил машину быстро и умело, как в пьяном, так и в трезвом виде.

После вечеринки в честь дня Благодарения Джесси уехал, чтобы встретиться с девушкой и выпить чего-нибудь в гостинице "Билтмор". Впоследствии Джесси высадил девушку и вломился в дом после полуночи, явно пьяным. Его мать находилась в гостиной и выпивала с Невиллом, когда туда вошел Джесси.

Сын посмотрел на нее и ее собеседника в гостиной.

"Ты пил", - сказала она.

"Ты сама пьяна, мама. Так что нечего делать мне замечания".

Джесси подошел к бару и поднял к губам полную бутылку виски. "Я тебе докажу, что мужчина, настоящий мужчина, может выпить больше любой женщины".

Дороти вскочила с тахты и выхватила бутылку у него из рук. "Лучше пусть мой сын умрет, чем я буду смотреть на то, как он спивается".

Выстрелы в Джесси Ливермора- младшего

Ливермор выбежал из комнаты в маленький гостевой домик, находившийся рядом. Он вернулся, размахивая дробовиком. Он вручил дробовик своей матери со словами: "Вот, вперед - застрели меня. Давай!"

Невилл вскочил с тахты и вмешался в происходящее. Он вырвал оружие из рук Дороти и быстро выбежал из комнаты, чтобы спрятать дробовик. Когда он это сделал, Джесси побежал вверх по лестнице и влетел в спальню своего брата.

Пол проснулся и взглянул на своего брата. "Что происходит?" - спросил он.

"Твоя мать хочет меня убить".

"Почему?"

"Не знаю, почему, где ружье?"

"В туалете".

"Патроны?"

"Рядом. Двадцать два длинных", - сказал Пол, глядя на брата. Он увидел, как его брат быстро, профессионально вставил патрон в патронник и защелкнул затвор. Это было ружье на один выстрел со скользящим затвором. Все в семье были меткими стрелками и знали об оружии все.

На выходе из спальни Джесси обернулся: "Попробуй заснуть, Пол. У меня еще остались дела".

Это была не первая театральная пьяная сцена между матерью и братом, свидетелем которой становился Пол. Джесси легким щелчком выключил свет, а Пол перевернулся на другой бок, натянув одеяло на голову.

Джесси бросился вниз по винтовой лестнице с ружьем в руке.

Его мать стояла на первой ступени. Она взглянула на него. Он перевернул ружье и бросил его вперед рукояткой прямо ей в руки. Она была знатоком оружия; ее маленький палец автоматически обхватил курок, а рукоятка уперлась точно в плечо.

Глава 14.

"Твой шанс пришел, мама! Твой шанс убить меня. Но у тебя не хватит силы духа нажать на крючок". Внезапно Джесси дернул ствол на себя, в то время как Дороти держала палец на спусковом крючке. Из дула раздался выстрел. Пуля вошла в грудь на расстоянии одного дюйма от его сердца, прошла через печень и застряла возле позвоночника. Он упал на лестницу и кубарем скатился вниз на пол, весь в крови.

Избавившись от дробовика, Невилл вошел в комнату и увидел мальчика, ссутулившегося у подножья лестницы.

Дороти орала изо всех сил одно и то же, снова и снова: "О, Боже, я застрелила своего сына. Я застрелила своего мальчика, о Боже! Господи! Господи!"

Пол выскочил из кровати на звук выстрела. Он сбежал вниз по лестнице и увидел своего брата, всего в крови. Он побежал искать Люсьена, друга и слугу Дороти, который спал в комнате для гостей. Пол разбудил его и привел его в гостиную. Люсьен немедленно позвонил доктору Невиллу Ашеру, который быстро приехал домой. Когда он приехал, на место происшествия прибыл также помощник шерифа Джек Росс. Дороти по-прежнему кричала "Я застрелила своего мальчика!"

Скорая помощь приехала как раз перед врачом и шерифом. Джесси немедленно доставили в больницу "Коттэдж". Когда скорая увозила его, он прошептал медсестрам: "Все в порядке. Ничего страшного. Мама не виновата".

В больнице он по-прежнему был пьян и у него были ужасные боли, тогда ему дали большую дозу морфина в качестве обезболивающего. Прежде чем он забылся от действия наркотика, он сказал следователям: "Это был несчастный случай. Это все, что я хочу сказать по этому поводу. Я слишком устал, чтобы сейчас о чем-то говорить". А затем он погрузился в забытие.

Ливермор находился в Сан-Луисе, Миссури, с "Ниной", как он звал свою новую жену, Гарриет, когда он узнал о случившемся. Он нанял самолет, чтобы добраться до Лос-Анджелеса. "Форд-Фазтон" с водителем ждал его в аэропорту, чтобы встретить и немедленно доставить в Санта-Барбару.

Выстрелы в Джесси Ливермора- младшего

"Нью-Йорк Таймс" и "Нью-Йорк Дейли Ньюс" подробно освещали это дело. В Лос-Анджелесе он со сжатыми зубами сообщил прессе: "Если с моим мальчиком что-то случится, она за это заплатит!"

Окружной прокурор Санта-Барбары Перси Хекендорф и помощник шерифа Джек Росс допрашивали Дороти в течение двух часов, но обнаружили ее в оцепенелом состоянии и в шоке, ничего не понимающей. Ее разместили в отдельную комнату в больнице и сделали укол, чтобы успокоить и заставить заснуть. Когда она проснулась, ее поместили под арест и доставили в окружную тюрьму для получения показаний.

На следующий день доктор сделал заявление для прессы: "Джесси Ливермор - младший чувствует себя несколько лучше, но в течение нескольких часов мы не ожидаем серьезных перемен в его состоянии".

Окружной прокурор Хекендорф сделал свое собственное заявление: "В зависимости от конечного состояния мальчика, ей будут предъявлены обвинения в попытке преднамеренного убийства". Он имел в виду, что ждет, не умрет ли Джесси. В таком случае они собирались предъявить Дороти обвинение в убийстве.

Когда Ливермор прибыл на место происшествия, он сразу пошел поговорить с врачами и навестить своего сына. Он взглянул на него и сказал: "Не сдавайся, сынок. Пожалуйста, не сдавайся. Я с тобой, мой мальчик".

2 декабря 1935 года, пока Джесси по-прежнему боролся за свою жизнь с начинающимся воспалением легких и шоком, Дороти была привлечена к суду по обвинению в попытке применения смертельного оружия с намерением совершить убийство. Она отрицала свою вину, а на следующий понедельник было назначено предварительное слушание. Был установлен залог в размере 9000 долларов. Власти были убеждены, что она не уедет далеко от своего сына, несмотря на то, что она в него стреляла.

История получила широкую огласку, ее освещали все телеграфные агентства и все важные газеты по всей стране.

Глава 14.

Мальчик-Игрок, Великий Медведь Уолл-Стрит снова был во всех новостях, только на этот раз это была трагедия. Настоящая трагедия.

Ливермор поселился в гостинице "Эль Миразол" в центре Санта-Барбары.

Когда Дороти выпустили из тюрьмы, она тут же поехала в больницу и стала умолять врачей: "Я хочу видеть своего сына, своего мальчика! Я должна его видеть!"

Но хирурги отказали ей.

"На минуточку!" умоляла она.

"Нет, ни на секунду. Его состояние очень нестабильно", - ответили хирурги. Они решили не делать операции, чтобы вытащить пулю оттуда, где она засела возле позвоночника, до тех пор, пока он не окрепнет. Пуля прошла мимо сердца на какие-то дюймы.

Новости распространялись со сверхъестественной быстротой. Дороти получила звонок от Эдварда Дж. Рейли, знаменитого юриста, который защищал Бруно Науптмана в деле о похищении Линдберга, он хотел представлять на процессе ее интересы. Но в итоге предпочтение было отдано Харрисону Райену, вице-председателю Ассоциации адвокатов Калифорнии, а Ливермор заплатил его гонорар. Райен защищал интересы Ливермора во время его развода с Дороти.

Когда Райена спросили, считал ли Ливермор свою жену виновной в попытке убить своего сына, Район тут же обратил внимание общественности, что совершенно очевидно, что господин Ливермор, прибегнув к его услугам, заинтересован в защите своей бывшей жены и принимает в ней активное участие. Это говорит само за себя".

Райен был влиятельным адвокатом в Калифорнии. Он сказал, что они с Ливермором уже разработали схему защиты. "Это защита "незаряженным оружием". Нам с господином Ливермором ясно, что то, что ружье разрядилось, было чистым стечением обстоятельств. Защита докажет, что госпожа Ливермор не произвела этот выстрел намеренно. Госпожа

Выстрелы в Джесси Ливермора- младшего

Ливермор не знала и не подозревала, что ружье заряжено".

Затем терапевты Джесси заявили, что Джесси сказал: "Я не хочу видеть ни мать, ни отца. Я хочу полежать и обдумать все случившееся недельку или около того. И я также не хочу видеть окружного прокурора".

Окружной прокурор продолжил: "Из уважения к просьбе мальчика и с согласия его врача, я согласен отложить допрос. У меня в планах сбор дополнительных подробностей по этому делу в течение следующих нескольких дней".

Ливермор начал действовать. Он отправил самолет, который доставил доктора Джозефа Д'Авиньона эксперта по пулевым ранениям, из Лейк Плэсид. Было также заявлено, что Дороти не будут предъявлены обвинения до окончания рождественских праздников и празднования Дня Нью-Йорка. В окончательном заявлении общественности сообщалось, что Ливермор подал иск о передаче ему опеки над обоими своими сыновьями. Опека над Полом была передана ему немедленно на временной основе.

6 декабря 1935 года в "Нью-Йорк Тайме" появилась статья по поводу выстрела:

"Физическая рана 16-летнего юноши, Джесси Ливермора-младшего - это не единственная его рана. Из рассказов, появившихся на настоящий момент в прессе, стало ясно, что мальчик попал под перекрестный огонь своих несчастных и жестоких родителей. В результате он страдал от сильных душевных мучений.

На Уолл-Стрит жадно читали различные статьи о выстреле.

Затем пришел черед худшего. 16 декабря *"Таймс"* сообщила:

"В больнице "Коттэдж" оценивают состояние Джесси Ливермора-младшего как "весьма тяжелое". Неделью спустя после медленного, но устойчивого

Глава 14.

улучшения и приближения к выздоровлению от пулевого ранения, нанесенного матерью пострадавшего во время ссоры, юноше вчера стало хуже. Сегодня он провел под кислородной маской, в то время как врачи изучали новые рентгеновские снимки и проводили лабораторные исследования жидкости в области раны в нижней части грудной клетки.

Лишь 6 января 1936 года было объявлено, что жизнь Джесси вне опасности. Но в течение месяцев после этого его врачу или ухаживающей за ним медсестре нужно было через день выкачивать жидкость из его груди, чтобы предотвратить инфицирование. Позднее Джесси скажет своей жене Пэт, что врачи и медсестры заходили в его палату, прокалывали рану с помощью антисептика и специальной иглы, а затем откачивали жидкость. Каждый раз он изо всех сил кричал от боли, проклиная стрелявшую в него мать и отца, который всю жизнь не обращал на него внимания. Даже морфин не помогал.

В конце концов, 5 марта 1936 года, Эрнест Вагнер, мировой судья, снял с Дороти все обвинения. Именно судья Вагнер после предварительных слушаний в январе выдвинул против Дороти обвинение в попытке убийства.

Джесси засвидетельствовал, что он принимает на себя всю ответственность за выстрел, последовавший за пьяной ссорой. Доктор Невилл Ашер, который первым приехал на место происшествия и который посещал Джесси в течение его длительного выздоровления, засвидетельствовал, что Дороти находилась под влиянием алкоголя и не могла вспомнить, что она могла сказать в тот момент.

Когда ему задали конкретный вопрос, говорила ли она: "Я застрелила моего мальчика! Я застрелила своего сына!", уважаемый терапевт ответил, что не может вспомнить, чтобы он слышал, как она это говорит.

Месяцы спустя, 25 марта, пуля, застрявшая возле позвоночника Джесси, в конце концов была извлечена в больнице "Пост-Грэдьюйт" в Нью-Йорке. Операцию выполнил

Выстрелы в Джесси Ливермора- младшего

доктор Джон Мурхэд, заведующий хирургическим отделением. Но у Джесси навсегда останется шрам и легкое искривление позвоночника, которые он изо всех сил будет стараться скрыть. Из-за этой раны он также был признан негодным к военной службе во время Второй мировой войны.

Ливермору было передано право опеки над обоими мальчиками.

В 1935 году Ливермор переехал в гостиницу "Шерри Недерлэнд" на Пятой авеню, напротив Сентрал парк. "Шерри Недерлэнд" была первоклассной гостиницей для некоторых наиболее видных людей мира Ливермор занимал там весь верхний этаж. Апартаменты были просторными, они были обставлены любимыми вещами Ливермора и его жены. Там была кухня, гостиная, столовая, кабинет, и две спальни, включая одну спальню для Пола, когда он был дома, что случалось нечасто. Каждый день приходила горничная, чтобы им готовить - и, конечно же, в их распоряжении всегда было обслуживание в номерах, чтобы обеспечить их всем необходимым.

Когда Пол не учился в школе-интернате и не уезжал в летний лагерь, он жил со своим отцом и Гарриет. Пол ненавидел такую жизнь и называл новую жену своего отца "Ведьмой". Он считал ее соседство мрачным и унылым. Он чувствовал ее ненависть к себе и к своему брату. Она хотела безраздельно владеть вниманием его отца.

Однажды днем он играл в футбол на поле "Хотчкисс", своей школы-интерната в Лейквилле, Коннектикут, когда к нему подошел один из его друзей. Он сказал: "Пол, это не твоя мать приехала?" Мальчик указал на черный "Роллс-Ройс", машину его отца. Дороти часто пользовалась "Роллс-Ройсом" Ливермора и его шофером для того, чтобы съездить навестить Пола

Пол подбежал к машине, но из нее вышла Гарриет, его мачеха, решившая сделать ему сюрприз. Она так сильно напугала его, что он с криком убежал через футбольное поле в общежитие.

Позднее ему позвонил отец и извинился за Гарриет. Она очень ревновала отца и настаивала на том, чтобы летом Пол уезжал в лагерь; так чтобы его не было в их квартире на время

Глава 14.

летних каникул. Пол всегда привозил домой на каникулы школьный сленг, чтобы изолировать себя от нее. Ему также нужна была компания на длительные промежутки времени, в противном случае он находился бы в квартире один.

31 июля 1936 года Дороти Ливермор-Лонгкоуп предъявила Ливермору иск в суде Нью-Йорка. Она хотела, чтобы ему отправили судебную повестку, с тем, чтобы она могла получить деньги на оплату медицинских расходов Джесси, возникших вследствие пулевого ранения. Судья отказался выписать повестку и посоветовал ей искать другие средства правовой защиты. Он изъясил дело из судопроизводства. Ливермора проинформировали о ее поступке и ему оставалось только качать от удивления головой.

Когда Джесси поправился, полностью восстановился, Ливермор отправил его в путешествие по Европе, куда он так хотел поехать.

Сам Ливермор остался дома.

Следующей схваткой Ливермора стала война с Налоговым Управлением, после того, как его счет на уплату налогов достиг 800 000 долларов. Он вел переговоры и погасил счет от Налогового Управления в том же году.

К лету он был готов поехать на рыбалку. Он зафрахтовал *"Рейнджера"* - лодку для рыбной ловли в глубоких водах,

которая вышла из Монтаук Пойнт. Рано утром, слегка отойдя от Монтаука в сторону пролива Лонг Айленд, он поймал на крючок крупную рыбу-меч. Привязанный к специальному креслу, он больше часа боролся с рыбой с помощью одной лишь 36-фунтовой лески. Рыба долго и упорно пыталась сорваться с крючка, прыгая, ныряя, но с таким опытным капитаном как Джон Суитинг у штурвала, это была равная борьба между рыбой и человеком.

В конце концов рыбу подняли на борт лодки. Ее вытянули из воды при помощи талей и взвесили в доке. Ее вес составил 486 фунтов, и она остается рекордным уловом как вторая по величине рыба-меч, когда-либо пойманная в Монтаук Пойнт на удочку с катушкой.

Выстрелы в Джесси Ливермора- младшего

Два года спустя, 14 ноября 1937 года, в возрасте 18 лет, Джесси женился на Эвелин Салливан, дочери Хэна Блэтцера, который долгие годы содействовал распространению боев за вознаграждение и управлял баром в Балтиморе. Эвелин сказала, что ей 20 лет; в прессе сообщалось, что за четыре года до свадьбы она уже была замужем. Дороти присутствовала на свадьбе, чтобы дать сыну свое благословение. На самом деле она помогала в получении разрешения на брак и была свидетельницей на свадебной церемонии. Джесси был особенно рад тому, что избежал от гнетущего присутствия суровой и мрачной Гарриет.

Ливермор не пошел на свадьбу. В качестве свадебного подарка он купил своему сыну лицензию на продажу "Пепси-Колы" в Коннектикуте.

В 1938 и 1939 годах Ливермор все глубже и глубже погружался в свою депрессию. Он по-прежнему играл на рынке, но не так, как раньше, когда игра поглощала всю его энергию и страсть, когда ему хотелось начать работу, победить в игре, применить всю свою энергию на фондовом рынке, рынках зерна и рынке в целом.

Славные времена 1920-х и сама радость жизни испарились. Он разрушил все это своими любовными связями, и продолжал в том же духе. Безусловно, Дороти пила, но ситуация обострилась после того, как выявились его любовные связи, после того как он унизил и бросил ее.

Дороти была зеркальным отражением его личности. Он был сдержанным и интеллектуальным; она была общительной и инстинктивной. И она была красива. Чем больше времени проходило, тем больше он по ней скучал. Веселье, радость, смех ушли из его жизни.

У него в первый раз в жизни появились повторяющиеся ночные кошмары.

В конце 1939 года сын Ливермора, Джесси, предложил ему написать книгу о своем опыте и технике заключения сделок на фондовом и товарном рынках. Это вернуло в Ливермора искру жизни: миссия, цель и намерение. Он начал все снова,

Глава 14.

думал, что, возможно, это вновь поднимет его дух. Книга была написана и опубликована издательством "Дуэлл, Слоан энд Пирс" в марте 1940 года. Она называлась *"Как заключать сделки с акциями"*.

Книга продавалась не очень хорошо. Шла мировая война, и общий интерес к фондовому рынку был низким. На тот период его методы по-прежнему были новыми и спорными, и они получили неоднозначную оценку у гуру фондового рынка того времени.

Они по-прежнему остаются спорными и в наши дни.

Ливермор говорил, что его основная теория является лишь началом, поскольку Зигмунд Фрейд и Карл Юнг продолжали изучать человеческий разум. В своей книге он написал: "Я знаю, что люди доведут предложенные мной идеи до новых, более высоких вершин. Не волнуйтесь, я не буду завидовать. Я желаю всем им добра. Я согласен с Вергилием: *"Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor*. Да возникнет из наших костей какой-нибудь мститель".

ГЛАВА 15

Лицом к лицу со смертью

*Есть жнец, окутанный страхом.
Наточенный серп косит одним взмахом,
И падают стебли, и сыплют зерно,
И гибнет меж: ними цветок заодно.*

Лонгфелло, "Жнец и цветы"

В СРЕДУ, 27 НОЯБРЯ 1940 ГОДА, 63-ЛЕТНИЙ

Ливермор со своей женой Гарриет, которую он прозвал "Ниной", сидели в клубе "Сторк", любимом клубе Ливермора. К ним подошел фотограф заведения и попросил разрешения сделать снимок.

"Да, конечно", - сказал Ливермор. - "Но это будет последний снимок, который вы сделаете, поскольку завтра я надолго уезжаю".

Нина была шокирована. Она спросила Ливермора: "Лори, что ты имеешь в виду?"

"Шутка, просто шутка", - улыбнулся он ей.

Сверкнула вспышка. Время от времени к ним подходили люди и Нина станцевала с друзьями пару-тройку раз. Ливермор продолжал смотреть на все отрешенным взглядом. Его еда осталась нетронутой; он давным-давно потерял аппетит. Он выглядел исхудавшим и изнуренным.

На следующий день, 28 ноября, в полдень он ушел из своего офиса в Сквибб Билдинг на Пятой Авеню, дом 745, и вошел в гостиницу "Шерри Недерлэнд". Он остановился, чтобы поздороваться с Юджином Войтом, управляющим. Он долгие годы жил в этой гостинице до того, как переехал на Парк Авеню. Он часто заходил сюда выпить коктейль по дороге домой с работы.

Глава 15.

В 12.30 он в одиночестве пообедал, в этом не было ничего необычного. Сотрудники хорошо его знали, он был любимым постояльцем гостиничных бара и ресторана. Он сидел возле бара и пил свой коктейль, который бармен, не спрашивая, наливал, когда видел, что он входит. Во время обеда он ни с кем не разговаривал. Официанту показалось, что он не в себе и очень напряжен.

Во время обеда он резко выхватывал из кармана свою любимую записную книжку в кожаном переплете, вытаскивал золотую ручку, прикрепленную к цепочке жилета, что-то записывал. Он писал второпях, одновременно на двух страницах, как кто-то, кому нужно много сказать, но кто в настоящий момент может сказать лишь немного. Каждый раз он снова убирал записную книжку в карман. Он проделал это несколько раз в течение обеда. Сидя там, он выкуривал сигарету за сигаретой. В 2:30 он ушел из гостиницы и вернулся в офис.

Он вернулся назад в "Шерри Недерлэнд" в 4:30 вечера и напрямик пошел к своему любимому столику возле бара. Как обычно, ему вручили коктейль, и он присел. Ливермор улыбнулся официанту, но ничего не сказал. Он просидел там час, вынимая свою записную книжку, что-то в ней записывая, а затем кладя ее на место. В течение часа, который он там провел он заказал еще один коктейль.

В конце концов он встал из-за стола и вышел из зала в вестибюль.

Чтобы дойти до мужского туалета в этой гостинице необходимо было войти в вестибюль и пройти около 120 футов, через распашные двери, которые скрывали обзор, на площадку, которая вела в банкетный зал, гардеробную и туалеты.

В 5:33 Ливермор прошел через распашные двери и проник через закрытую дверь в темную гардеробную. Он присел на стул в конце раздевалки, вытащил револьвер "Кольт" 32 калибра, открыл барабан, вставил патрон в патронник. Барабан был полон. Он купил этот пистолет в 1928 году, когда жил в Эверморе.

Он приставил пистолет дулом себе за правым ухом и нажал на курок.

Лицом к лицу со смертью

Пуля пронзила его мозг. Он умер мгновенно.

Несколько минут спустя помощник управляющего, Патрик Мюррей, совершавший свой ежечасный обход гостиницы, открыл дверь в гардеробную. Он увидел Ливермора, сидящего, ссутулившись на стуле. Сначала он подумал, что не нужно его беспокоить, что Ливермор спит. Затем он увидел лужу крови на полу и револьвер.

Он сбегал к администратору и позвонил в полицию. Новость распространилась с невероятной скоростью. Журналисты и газетные фоторепортеры заполнили вестибюль гостиницы. Две машины с радиоприемниками промчались ко входу; четверо патрульных разместились в вестибюле и на входе. Инспектор Патрик Дж.Кенни, который в конечном итоге вел расследование, прибыл на незаметной машине вместе с капитаном Эдвардом Маллинзом из отдела на Восточной шестьдесят седьмой улице. После оценки положения инспектор Кини позвонил в квартиру Ливермора на Парк Авеню, чтобы известить госпожу Ливермор о том, что ее муж застрелился.

"Что? Что вы такое говорите? Он давно болел. Возможно..."

"Простите, мадам, но боюсь, ваш муж умер от пулевого ранения".

На другом конце провода повисла мертвая тишина. Он услышал глухой звук удара об пол. Инспектор Кини был опытным офицером. Он знал, что люди иногда падают в обморок еще до того, как услышат новости. Он послал полицейскую автомашину на место, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Полицейские позвонили Джесси-младшему, чтобы сообщить ему о случившемся. Он приехал на такси в 6:45, он весь дрожал и явно был расстроен. С ним приехал Гарри Эдгар Даш, управляющий офисом Ливермора. Тело Ливермора не трогали. Джесси провели в гардеробную. Он прошел в дальний конец, где сидел, сгорбившись на стуле, его отец, мертвый, а на полу, в луже крови, валялся револьвер. Он опознал труп и упал в обморок, тяжело опустившись на пол в дальнем углу. Полицейский и Даш подняли его на ноги.

Глава 15.

Он не хотел оставлять тело и ждал в вестибюле до 9 часов, пока не приехал судебно-медицинский эксперт, инспектор Рэймонд О.Майлз, который осмотрел место происшествия и разрешил забрать тело. Судебно-медицинский эксперт подтвердил правильность вынесенного полицией заключения о самоубийстве.

Даш немедленно предпринял все, чтобы переместить тело в похоронный зал Кэмпбелла на углу Мэдисон Авеню и Восемьдесят первой улицы.

В 8:30 вечера того же дня Пол Ливермор занимался в своей комнате в школе "Хотчкисс" в Коннектикуте. Раздался стук в дверь. "Пол, тебя просят зайти в кабинет директора", - сказал ему какой-то мальчик.

Пол прошел по длинному коридору в кабинет директора. Он постучал в дверь. "Войдите", - был ответ.

Пол стоял напротив директора. Ему было 17, он был стройным, хорошим спортсменом и учеником, красивым как телезвезда, совсем как его брат. Позднее он действительно станет актером кино и будет сниматься в различных телесериалах. "Да, сэр?" - сказал он.

"Молодой человек, боюсь, мне нужно вам кое-что сообщить, и сделать это мне нелегко". Он вышел из-за стола. "Мне очень жаль, но я должен сказать вам, что сегодня вечером в Нью-Йорке Ваш отец покончил с собой. Он застрелился. Из Нью-Йорка за вами прислали машину с водителем, чтобы доставить вас туда. Машина ждет у входа".

Пол стоял молча несколько секунд, затем он согнулся пополам, как будто его ударили в живот. Он упал на колени, у него внезапно закружилась голова. Он почувствовал, как его охватывает приступ тошноты. Он схватился за край директорского стола. Директор обежал стол и помог ему подняться. Он дал ему стакан холодной воды и через несколько минут проводил его к ожидающему его "Паккарду", в котором сидел Фрэнк, водитель. Водитель был одет в обычную одежду, без формы. Фрэнк помог ему сесть на заднее сидение.

Лицом к лицу со смертью

Пол Ливермор сидел один в темной тишине заднего сидения "Паккарда", а мимо него проносились дорожные огни, уносящие его назад в Нью-Йорк. Он словно оцепенел, у него сильно кружилась голова, он был слишком сбит с толку, чтобы заплакать.

Полиция обнаружила предсмертную записку, написанную от руки на восьми маленьких страничках в личной записной книжке Ливермора. Ее напечатали 20 ноября в *"Нью-Йорк Трибьюн"*.

Пресса хотела знать ее содержание. Полиция ответила кратко. "В кармане господина Ливермора была найдена записная книжка в кожаном переплете. Письмо было адресовано его жене". Специалист по связям с общественностью полиции зачитал ее из записной книжки: "Моя дорогая Нина. Я больше не могу. Все плохо. Я устал бороться. Я больше так не могу. Это единственный выход. Я не стою твоей любви. Я неудачник. Мне действительно жаль, но для меня это единственный выход. Он подписал восьмистраничную записку: "С любовью, Лори", что, по нашему предположению, было прозвищем, возможно, образованным от второго имени, Лористон".

Полиция продолжила объяснять, что эта тема провала, одиночества и отчаяния повторялась во всей книжке, при этом постоянно использовались одни и те же слова. Они сообщили, что это не было бессвязной запиской, просто в ней было много повторений; и, очевидно, она была написана в минуты сильнейшего эмоционального стресса.

Немногим после 10 часов вечера "Паккард" въехал со стороны частного входа и лифта к апартаментам Ливермора на Парк Авеню, дом 1100. Фрэнк позвонил.

"Это ты, Фрэнк?" - спросила Гарриет.

"Да, мэм", - ответил он.

"Пол с тобой?"

"Да, мэм".

"Пусть он войдет. А ты подожди меня. Я спущусь через пару минут", - сказала она по домофону и впустила Пола.

Глава 15.

Когда Пол вошел, он увидел полностью одетую Гарриет, которая быстро ходила по квартире. У двери стояло три бумажных пакета. Они доверху были набиты деньгами, пачками денег в банковской упаковке.

Она увидела, как он вошел. "Здравствуй, Пол", - сказала она, прервав свое движение. В руках у нее были пачки денег.

"Здравствуйте", - сказал он.

"Пол, подойди и присядь на тахту". Он сделал, что она просила. "В школе тебе сказали про отца?"

"Да".

"Слушай, Пол. Я только что говорила со своим другом, юристом, он сказал мне, что полицейские часто расследуют самоубийства так же, как они расследуют убийства. Они уже приходили, офицер в форме и в полицейской машине, проверить, в порядке ли я. Боюсь, они вернутся сюда и устроят обыск, а я не могу объяснить некоторых вещей. Твой отец слишком много денег хранил дома. Поэтому я сегодня вечером уеду. Кроме того, я очень расстроена, а мне нужно попытаться сохранить способность рассуждать трезво. Я должна трезво мыслить. Понимаешь?"

"Конечно".

"Хорошо, я тороплюсь. Они могут приехать в любой момент. Я буду недалеко, в гостинице. Но если они приедут, ты скажешь полиции, что я уехала к подруге, хорошо? Я позову Фрэнка, чтобы он с тобой посидел, он приедет после того, как отвезет меня в гостиницу".

"Со мной все в порядке. Фрэнк мне не нужен".

"Уверен?"

"Да".

"Что ж, хорошо. Мне пора".

Пол ждал, в то время как она подошла к сейфу в гостиной. Он наблюдал, как она одним движением руки сгребла из сейфа все свои драгоценности и сунула их в бумажный пакет для покупок. Она исчезла в спальне. Он слышал, как она

Лицом к лицу со смертью

открывала и закрывала створки бюро, сваливая драгоценности в свой последний пакет. Она вышла оттуда с пакетом, наполовину заполненным драгоценностями, сверху она запихнула в него свитер.

"Слушай, Пол, я взяла эти пакеты, потому что никто даже не заподозрит, что в них", - сказала она. - "Я обо всем позабочусь утром".

Пол проводил ее до дверей, ожидая пока она наденет пальто. Она схватила остальные пакеты с деньгами и ушла. Он наблюдал, как она садится в частный лифт и спускается вниз к ждущему ее шоферу.

Позднее он оценил, что она унесла около 3 миллионов долларов наличными и, по крайней мере, 1 миллион драгоценностями - наследство мальчика. Об этом больше не говорилось ни слова. Пол провел ночь один в 12-комнатной квартире.

На следующее утро, 29 ноября, когда Пол проснулся около 10 часов утра, Гарриет уже вернулась домой.

"Доброе утро", - сказала она Полу. - "Я уведомила Джесси-младшего, Александра Моора и преподобного Кросслэнда, чтобы они нас встретили в полдень в "Кэмпбеллз". Пол просто поднял на нее глаза и кивнул с ошеломленным согласием.

От "Кэмпбеллз" они поехали напрямик в Фернклиффский крематорий в Хартсдейл, Нью-Йорк, где они вошли в маленькую, скромную меблированную комнату. Гроб сняли с катафалка, вкатили в комнату и поставили возле стены, оформленной черными креповыми гардинами от потолка до пола.

Преподобный Эдгар Кросслэнд встал с Библией в руках и сказал краткую речь перед закрытием гроба. Пол и его брат Джесси сели рядом друг с другом на железных стульях возле гроба. Напротив них сидели Гарриет и Моор.

Когда преподобный Кросслэнд закончил свою речь, служитель отдернул черные гардины, за которыми открылась

Глава 15.

железная дверь печи. Дверь открылась и было слышно, как внутри шумят языки пламени. Мальчики были поражены открывшимся зрелищем и переглянулись. Они не знали, чего ждать. Все встали, а двое служителей взялись за ручки гроба и закатали гроб на ролики конвейера, гроб покатился через открытую дверь в пламя.

Когда гроб достиг пламени, они услышали сильный свист. После того, как гроб полностью оказался внутри, железная дверь, клацнув, закрылась. Моор, Джесси и Пол стояли в оцепенении, ошеломленные, в молчаливом недоумении. Великий Волк-Одиночка Уолл-Стрит, Мальчик-Игрок ушел навсегда. Он застрелился всего лишь вчера вечером, а к полудню его тело уже было кремировано, и только четыре человека оплакивали его уход.

Через час, вернувшись в свою квартиру на Парк Авеню, Гарриет заговорила с Полом. "На, Пол, возьми". Она вручила ему купюру в 20 долларов. Он сидел, ошарашенный. "Звонила твоя мать из Бруклина, она хочет, чтобы ты приехал ее навестить. Она хочет, чтобы ты побыл с ней. Думаю, это неплохая мысль, Пол".

"Хорошо", - сказал он.

"Отлично. Тогда решено. Фрэнк ждет тебя внизу, он тебя отвезет".

Она проводила его до двери и попрощалась. Он поехал напрямик к своей матери, Дороти, которая ждала его дома в Бруклине. Ее не пригласили на похороны, точно также как и всех остальных. Он молча бросился в открытые объятия матери. Они вместе разрыдались. Это были первые слезы, которые он пролил.

1 февраля 1941 года имущество Ливермора было распределено; в *"Нью-Йорк Таймс"* было опубликовано об этом

сообщение. Гарриет Метц Ливермор оказалась единственным исполнителем завещания. В целом имущество было оценено в 10 000 долларов в активах и 361 010 долларов в пассивах. Там не упоминалось о личном трастовом фонде Ливермора, размером в 1 миллион долларов, а также ни слова не было сказано о деньгах, которые Гарриет забрала из их квартиры на Парк Авеню.

Лицом к лицу со смертью

Пол поехал заканчивать школу в Хотчкисс. Затем он поступил на службу в Военно-воздушные силы, служил в военное время. Он прекрасно говорил по-французски, поэтому он был приписан к караванным летчикам в "Свободных французских военно-воздушных силах" и летал на "Мустангах Р-51". Когда он закончил службу, Гарриет пригласила его навестить ее. "Это важно", - сказала она.

Когда он приехал, Гарриет предложила оставить ему все свое состояние, если он останется жить с ней в качестве компаньона. "Мне так одиноко", - сказала она ему.

Пол не захотел отказаться таким образом от своей жизни. Вместо этого он поехал в Голливуд, где получил ряд ролей и сыграл в нескольких фильмах и телесериалах. Позднее он уехал на Гавайи, где занимался серфингом и в конечном итоге женился на Маргарет Сили, от которой у него родилось двое сыновей, Чэд и Скотт. Позднее они с Маргарет развелись.

В конечном итоге Пол купил ночной клуб "Эмберз" и ресторан в Гонолулу, где он познакомился с Энн МакКормак, красивой, талантливой певицей, певшей в ночных клубах, которая пела с Фрэнком Синатрой, Тони Беннеттом и во многих крупных коллективах. Они по-прежнему счастливо живут вместе.

Жизнь Джесси - совсем другое дело.

Патрисия Шнайдер Фрайберг была высокой, стройной красавицей-блондинкой, высокообразованным человеком, ведущим светский образ жизни, дочерью видного застройщика в Цинциннати, Огайо.

Когда ее представил Джесси ее друг Тимми Хьюстон, он шепнул ей: "Пэт, Джесси Ливермор - один из самых знаменитых плейбоев Нью-Йорка. Боже тебя сохрани с ним связываться!"

Патрисия не обратила внимания на совет своего друга и получала удовольствие от жизни, в то время как Джесси покорял ее щедрыми романтическими ужинами при свечах в лучших ночных клубах Нью-Йорка, обедами в лучших ресторанах, поездками за город, неожиданными подарками в

Глава 15.

виде одежды и драгоценностей, использованием имени Ливермора, которое по-прежнему позволяло занять лучший столик в таких местах как гостиница "Плаза" и эксклюзивный клуб "Сторк" Шермана Биллингсли.

Их отношения были скреплены печатью, когда черный пудель Патрисии, Хефнер, который сломал ногу и уже не был прежней дружелюбной собакой, сбежал вниз на один лестничный пролет, чтобы встретить и поприветствовать Джесси, который любил животных и имел к ним особый подход. В особенности он любил доберманов, и у него всегда жила, по меньшей мере, одна собака.

Джесси уже развелся со своей первой женой, Эвелин Салливан. У него был от нее сын, Джесси III (Jesse III), который родился 7 декабря 1941 года. Он редко видел сына.

Джесси управлял лицензией на продажу "Пепси-Колы" в Коннектикуте, которую его отец вручил ему по поводу свадьбы. В конце концов ему пришлось ее продать, чтобы избежать банкротства. Затем он убедил Чарльза Ревлона взять его на работу и, в конце концов, он стал менеджером по продвижению товара в "Ревлоне".

Джесси жил в "Метрополитен Клуб", изысканном мужском клубе в центре Манхэттена. Его отец был известным членом клуба. Джесси был основным игроком в нарды и джин и часто играл всю ночь напролет, пил алкогольные напитки и играл в азартные игры по высоким ставкам.

Джесси жил так, как его воспитали в детстве. Он не заботился о деньгах. У него всегда были деньги, и он считал, что всегда будут. Его отец, который обеспечил Джесси самыми лучшими машинами, лучшей одеждой и кучей свободных денег, открыл для него все двери в стране. Однажды Джесси показал отцу свой дневник из Чоэйт, после того, как он плохо написал сочинение по английскому языку.

"Что это, сынок, вот эта плохая оценка за сочинение по английскому языку?" - спросил его отец.

"У меня плохо с орфографией, пап, в этом проблема".

Лицом к лицу со смертью

"Это не проблема, сынок. У тебя всегда будет секретарь. Она будет заниматься за тебя орфографией".

Джесси женился на Патрисии в марте 1965 года. Его развод с Эвелин Салливан стоил ему его квартиры на Парк Авеню и всех денег и активов, которые у него были. Он был фактически разорен, за исключением трастового фонда, которым управляла его мать, "Мышка", как они с отцом ее называли. У него по-прежнему были проблемы с раной от выстрела. Патрисия так никогда и не узнала, были ли это лишь психологические проблемы или реальные. Иногда он жаловался ей на сильную боль в груди и у него по-прежнему был слегка искривлен позвоночник.

Пара переехала в дом 214 по Восточной семьдесят второй улице.

Дороти, мать Джесси, жила на Лонг Айленд в Брайт Уотерз с Уилли Томпсоном, ее четвертым мужем. Томпсон был мафиозной фигурой. Он был напрямую связан с Фрэнком Кастелло, основной фигурой в Нью-Йорке. Когда они продали дом на Лонг Айленде, Дороти позвонила Патрисии и Джесси. Она спросила, не возражают ли они, если они с Томпсоном переедут в соседний дом. Пара согласилась. Вскоре после того, как они переехали в новый дом, Томпсон умер от сердечного приступа.

После того, как они прожили в браке год, Джесси стал больше пить и кутить. Его странные отношения с матерью стали более ярко выраженными. Его мать по-прежнему контролировала трастовый фонд Джесси и выдавала ему деньги тогда и в таких количествах, в которых считала необходимым.

Обычно за обедом, прежде чем просить о деньгах, Джесси часто сначала имитировал боль, хватался за грудь, гримасничал, стонал и сутулился на своем стуле. Джесси так вел себя, чтобы его мать никогда не забывала, что она в него стреляла. Дороти всегда давала ему деньги. Когда наступали особенно сложные времена, она часто отдавала ему какие-то предметы из своей по-прежнему большой коллекции драгоценностей, чтобы он их заложил. Больше эти вещи никто

Глава 15.

не видел. У Дороти с Джесси были сложные взаимоотношения, на грани любви и ненависти. Джесси часто разражался приступом гнева после того, как мать давала ему деньги.

На втором году совместной жизни Джесси начал встречаться с другими женщинами. Он, Дороти и Патрисия также злоупотребляли алкоголем, что лишь усложняло положение. В их доме на Восточной семьдесят второй улице было четыре этажа, со столовой, гостиной и кухней на первом этаже; библиотекой и спальней на втором; двумя спальнями на третьем; и двумя спальнями на четвертом этаже.

Дороти переехала в их дом. Ее спальня расположилась на третьем этаже, прямо над библиотекой. Спальня Патрисии и Джесси также располагалась на третьем этаже, а Уильям, живущий в доме дворецкий, размещался на четвертом этаже. На четвертом этаже была также свободная комната, которая в конце концов стала спальней Джесси для его сексуальных утех.

Положение быстро ухудшалось с тех пор, как романы Джесси вышли на поверхность. Джесси, не предпринимавший никаких попыток для того, чтобы скрыть свои романы, однажды сказал Патрисии: "Если ты не женат - от романов не получаешь никакого удовольствия".

Джесси путался со всеми типами женщин: статистками, женщинами, ведущими светский образ жизни, уличными проститутками и магазинными клерками. В конце концов он начал приводить женщин домой, приглашать их в спальню на четвертом этаже, которая в конце концов стала его постоянной спальней.

"Он как кот, поймавший мышь, таскает сюда этих женщин", - сказала Патрисия Дороти.

Однажды вечером Джесси привел домой одну из своих любимиц, английскую проститутку и частую посетительницу его дома, которую он представил прежде, чем пошел с ней вверх по лестнице на четвертый этаж.

Он сказал: "Это моя английская подруга, Памела. Мы пойдем, сходим наверх".

Лицом к лицу со смертью

Когда он поднимался вверх, его мать закричала: "Я проклинаю своего сына! Я проклинаю своего сына! О, Господи!" - и она разразилась слезами в гостиной.

В конечном итоге дело дошло до насилия и Джесси начал бить Патрисию. Однажды ночью он так сильно ее избил, что соседи вызвали полицию. Они оба были пьяны, когда в дверь постучали полицейские.

Джесси быстро вскочил на ноги. Он сказал полицейским: "Мы оба пили и я просто ее удерживал, чтобы она на меня не набросилась".

"Мадам, вы хотите предъявить обвинение?" - спросили полицейские у Патрисии.

"Нет, я просто хочу уехать домой к сестре".
Полицейские помогли ей добраться до дома сестры.

Все, кто был с ней близок, уговаривали ее бросить его. Но она не могла так поступить. Несмотря ни на что, она его любила.

Джесси все больше обижался на свою мать. Он обижался на то, что она "прошляпила" его настоящее наследство из-за своих глупых поступков, таких как неуплата налогов на собственность; продажа драгоценностей за 10 центов с доллара; перевод своего портфеля акций, тщательно отобранных его отцом, стоимостью в 1 миллион долларов, в железнодорожные облигации, которые потом прогорели; и вообще его раздражало, что она была так эксцентрична и глупа в том, что касается денег. Его также раздражало то, как она выдавала ему его капитал. Трастовые фонды, его и брата, были крепко устроены. Каждый раз, когда Джесси пытался нарушить правила и запустить руки в основной капитал, ему категорически отказывала мать и "Морган Гаранти", компания, управлявшая трастовым фондом строго в соответствии с законами и настаивавшая на четком выполнении инструкций, данных его отцом своим поверенным.

Ярость Джесси выросла, а с ней вместе выросли его пьянство и кутежи. В 1967 году Патрисия бросила пить. Она была уверена, что этим спасла свою жизнь. Однажды Джесси

Глава 15.

пришел домой мертвецки пьяным и нашел Патрисию в ванной. Он набросился на нее, избил ее, а затем двумя руками удерживал ее голову под водой, пока она практически не захлебнулась.

Его подхалимство, самобичевание, когда он был трезв, слезы раскаяния, извинения были произведениями искусства. Он мог быть таким же добрым и обаятельным, как жестоким и бесчувственным. Любовь Патрисии к нему была так велика, что она всегда его прощала.

Когда он был трезв, они прекрасно проводили время. Вечеринки и встречи в библиотеке каждую ночь за коктейлями всегда проходили очень весело, они много смеялись и веселились.

Патрисия называла свою свекровь "Мышкой", по прозвищу. Она считала ее "самой смешной женщиной на планете, которая могла захватить всеобщее внимание на любом ужине или общественном событии. Она могла своим присутствием озарить комнату. И самой большой частью ее шарма было то, что она не знала, что она постоянно смешна".

Однажды ночью Патрисия спросила Джесси, почему его отец покончил с собой.

"Пэт, для моего отца игра была окончена, и он это знал. Изменились игроки, изменились правила Комиссии по ценным бумагам, времена изменились", - он сделал паузу. - "Но, возможно, было что-то большее, возможно, его дух был сломлен. Как с собаками - знаешь, можно сломать дух собаки, и она уже не будет прежней хорошей собакой. Может быть, именно это и произошло. Однажды он сказал мне, что он терял деньги только тогда, когда переставал следовать своим собственным правилам.

"Я думаю, он перестал правильно играть в игру, и это его больше всего волновало. Он был не в форме, он потерял ясность ума. После того, как он развелся с мамой и уехал из Эвермора, для него настали плохие времена. Как будто она была его удачей, и с ее уходом удача от него отвернулась. Ему не к кому и некуда было пойти, у него не было друзей, негде было получить покой".

Лицом к лицу со смертью

"А Нина была потрясающей сволочью. Она душила его, уничтожала его дух отрицанием. Я послал ее к черту через несколько дней совместной жизни с ней, когда мне пришлось у нее жить после самоубийства отца. Это было одной из причин, по которой папа отослал меня в Европу и я женился на Эвелин. Я хотел жить самостоятельно. Она ненавидела нас с Полом; она ненавидела все, что вставало между отцом и ней. Она все дальше и дальше затаскивала его в темноту".

"Что еще?" - спросила Патрисия, помолчав.

"Да, после того, как мама стреляла в меня, я думаю, что он начал думать, что его жизнь была полным провалом. Как так могло произойти, что мать стреляла в своего сына? Как это могло случиться с его женой, прекрасной молодой девушкой, на которой он женился много лет назад, как она могла так низко опуститься, чтобы стрелять в своего собственного сына? Греческая трагедия, в которой он участвовал как главный герой".

"Он был со мной почти все время - держал меня за руку в периоды боли и страданий, когда моя жизнь висела на волоске. Ему нужно было время, чтобы это обдумать. На самом деле это был единственный период, когда он *вообще* был со мной в течение длительного времени".

"И, наконец, я думаю, что он просто был одной из тех темных личностей. В нем всегда существовало что-то недостижимое, некая отчужденность, отстраненность от всего человечества, от всех нас. Он постепенно впал в мрачное состояние, и ничто не могло его оттуда вытащить. Его настоящей страстью был рынок. Когда он потерял свой интерес к рынку, он потерял все".

Патрисия интересовалась астрологией. Она никогда не встречалась с Ливермором, но однажды она прочитала его гороскоп. Ее выводы были ясными. Он был слишком сильным Львом, все его планеты находились в созвездии Льва. Патрисия сделала заключение, что он никогда ничего не делал ради денег; он делал все ради игры; для того, чтобы выигрывать. И он никогда не хотел кого-либо *сломать*. Он хотел всех

усовершенствовать. Он хотел, чтобы мир признал, что он самый лучший, как прекрасный спортсмен, который карабкается на самый

Глава 15.

высокий уровень и получает похвалы от всего мира. Даже, несмотря на то, что он не был хвастливым - на самом деле он был тихим и скрытным - он хотел мирового признания. Он хотел, чтобы мир знал, что он лучший трейдер на фондовом рынке, который когда-либо жил. Но он хотел, чтобы мир пришел к осознанию этого. Он не хотел заниматься саморекламой.

В конце взаимоотношений Патрисии с Джесси, ее отец, австрийский джентльмен, которого она очень любила, позвонил ей из Цинциннати. Он страдал начальной стадией болезни Алцгеймера. Ее родители долгие годы были разведены, но на каждое Рождество он приезжал к обеду.

"Пэт", - сказал он ей. - "Я не хочу, чтобы твоя мать контролировала мою жизнь. Это как раз то, чем она всегда хотела заниматься. Пообещай мне, что не дашь ей контролировать мою жизнь".

"Папа, я сделаю все от меня зависящее", - ответила Патрисия.

Месяц спустя ее отец покончит с собой, застрелившись. Патрисия чувствовала себя опустошенной.

Джесси все больше и больше опускался. У него одновременно жили два добермана. Он и пара соседей ходили на прогулку в Сентрал Парк, чтобы тренировать собак. Однажды в парке они спустили собак с поводков, чтобы те подняли бездомных, группами спавших в парке в то время. Они дошли до конца парка, крича, перебегая с место на место, спотыкаясь друг об друга, в то время как бездомные спасались бегством, преследуемые собаками.

К 1975 году жестокость, злоупотребление спиртными напитками и азартными играми, романы с другими женщинами вышли из-под контроля.

В 1:15 ночи 23 марта 1975 года Джесси позвонил по одной из телефонных линий в доме. Вне ведома Патрисии Джесси пил два дня кряду.

"Привет, Пэт", - сказал он. - "Я хочу, чтобы ты это послушала". - Джесси продолжал несколько минут цитировать

Лицом к лицу со смертью

Шекспира. Пэт не могла понять, пьян ли он. Он говорил четко. Она подумала, возможно, он курил марихуану.

В трубке повисла тишина, а затем он сказал: "Пэт, я собираюсь убить свою собаку, а затем я убью себя".

На другом конце провода воцарилась мертвая тишина, а затем он повесил трубку. Пэт не в первый раз слышала от него угрозы покончить жизнь самоубийством. Телефон снова зазвонил. "Пэт, ты?"

"Да, Джесси. Это я".

"Я так и сделаю. Я убью свою собаку, а затем убью себя". И во второй раз он положил трубку, и в трубке раздались короткие гудки.

В доме раздался два выстрела. Пэт выскочила из кровати и накинула халат. Она как раз завязывала пояс, когда в проходе появился Джесси с дымящимся хромированным револьвером "Кольт" 32 калибра.

"Цезарь мертв. Это ты виновата, что моя собака мертва. Пойдем со мной, приведи мне Элекси".

Патрисия стояла, ошеломленная, не в силах сойти с места от страха. Она взяла своего белого среднего пуделя Элекси на руки. Она была уверена, что в ту ночь они с собакой погибнут. Джесси пошел вперед, слегка пошатываясь, остановился в дверном проходе, глаза его остекленели от выпитого. Несомненно, он был настолько пьян, насколько может быть пьян человек, стоящий на ногах.

"Пойдем со мной. Я был в библиотеке", - сказал он, и пошел вперед, вниз по лестнице. Библиотека занимала второй этаж. Перед библиотекой был балкон, который выходил на большую гостиную внизу. Когда Джесси подошел к двери библиотеки и вошел, Пэт со всех ног бросилась вниз по лестнице на нижний этаж. Она пробежала через кухню и из задней двери, тяжело дыша и прижимая к себе Элекси.

В панике она побежала к соседнему зданию и сунула Элекси, перепуганного пуделя, в руки привратника, который позволил ей воспользоваться телефоном. Она позвонила Роберту Коэну, семейному адвокату.

Глава 15.

"Бобби, это Патрисия. Джесси убил свою собаку и хочет убить меня и Элекси", - выпалила она.

"Ты где?"

"У соседского привратника. Я прячусь в вестибюле. Я боюсь, что он застрелит меня через окно, если увидит, что я здесь".

"Оставайся там. Я позвоню копам и они приедут через несколько минут. Не двигайся!"

Коэн и полиция приехали одновременно. Полицейские приехали из отделения на Шестьдесят седьмой улице. Из отделения прислали отряд быстрого реагирования из 10 сотрудников, возглавляемых лейтенантом Джоном Уиксом. Эти сотрудники специализировались на работе с опасными случаями удержания заложников и случаях самоубийства.

Адвокат Коэн и Патрисия попросили разрешения вернуться в дом вместе с полицией. Полицейские провели их в гостиную и велели не высовываться до тех пор, пока их не позовут.

Лейтенант Уикс и офицер Чарльз Брезный шли впереди. Другие офицеры заняли стратегически важные посты для стрельбы. Уикс и Брезный взобрались по ступеням в библиотеку. Когда они дошли до верха, они разместились по обе стороны от двери в библиотеку. Они увидели Джесси, небрежно сидящего в мягком кресле, его собаку, Цезаря, весившего 85 фунтов, лежащего в луже крови у его ног. У Джесси на коленях лежало два хромированных револьвера "Кольт" 32 калибра.

Патрисия наказала полицейским быть осторожными, потому что Джесси был очень хорошим стрелком. "Должно быть, он очень пьян, так как ему потребовалось два выстрела, чтобы убить собаку", - сказала им она.

Брезный получил знак войти в библиотеку. Когда он проходил через дверь, Джесси произвел выстрел в его направлении. Пуля ударила в стену. Брезный рванулся назад за дверной проем.

Офицеры были хорошо обучены и они не ответили на

Лицом к лицу со смертью

выстрел. Вместо этого они начали с ним разговаривать, уговаривали его в течение часа, пытаясь его успокоить. Он сказал им, что собирается покончить с собой. Он зачитал им свою предсмертную записку.

После целого часа уговоров Брезный сказал: "Я хочу пить. Я мог бы выпить чего-нибудь. Можно, мы выпьем по стаканчику вина?"

"Да, конечно", - ответил Джесси.

Пока он наливал вино, двое полицейских ворвались в комнату, за ними последовали другие.

Джесси смог поднять один из пистолетов с коленей. Он наставил дуло револьвера на грудь лейтенанта Уикса и нажал курок.

Револьвер лишь щелкнул.

На него в тот же момент накнулись полицейские. Они скрутили его. Врезному, 29-летнему полицейскому, в драке сломали кисть руки.

Оба револьвера были изъяты, а Джесси было предъявлено обвинение в покушении на убийство офицера полиции, подвержении окружающих опасности, незаконном хранении оружия, сопротивлении аресту и суицидной попытке.

Он попал в серьезную переделку. Губернатор Нью-Йорка Нельсон Рокфеллер только что подписал закон, предписывающий подвергать пожизненному заключению любого, осужденного за попытку убийства офицера полиции.

Полицейские также объяснили Патрисии, что люди, которые совершают попытку самоубийства, зачастую хотят, чтобы их убили полицейские, поэтому они провоцируют полицию на применение оружия. Так и не было получено разъяснений по поводу того, был ли заряжен второй револьвер, револьвер, который заклинило, когда Джесси направил его на грудь лейтенанта Уикса.

У Патрисии не осталось нерешенных вопросов. Она была уверена, что Джесси на самом деле не обладал достаточным мужеством, чтобы покончить с собой, и он

Глава 15.

намеревался спровоцировать полицейских, чтобы те сделали дело за него. Он был очень умен.

Дороти вышла из своей комнаты на третьем этаже над библиотекой после того, как Джесси увезли. "Что случилось, Пэт?" - спросила она, поскольку притворялась спокойно спящей во время происшествия.

На следующий день она уехала в Лонг Боут Ки, Флорида, поскольку не могла найти в себе сил справиться с ситуацией.

Джесси привлекли к суду и отказали ему в поручительстве. Его отвезли в "Рикерз Айленд", где держали в камере-одиночке. Его тюремщики были уверены, что его необузданное высокомерие быстро убьет его, если позволить ему сидеть рядом с общей массой заключенных в общей тюрьме.

Перед полицией стояла дилемма: если с Джесси что-то случится, пока он находится в заключении, это попадет на первые страницы газет. Поэтому они выступили с идеей выпустить его под залог при условии, что он покинет Нью-Йорк и будет жить во Флориде. "Пусть он убьет полицейского в Палм-Бич - уберите его из Нью-Йорка!" - таким было их отношение. Он мог предстать перед судом во Флориде.

После 54 дней заключения они его выпустили. Он выглядел ужасно. Вместо 155 фунтов он теперь весил 125. Когда его арестовали, более 200 людей позвонили для того, чтобы узнать, в каком он состоянии. Когда его отпустили из "Рикерз", позвонили только двое. После того, как его выпустили, он немедленно начал пить.

Одним из условий его выпуска под поручительство было то, что за две недели он должен был собрать вещи и уехать во Флориду. Пэт, продолжавшая опасаться за свою жизнь, уехала из дома и оставалась жить у подруги в Плезант Вэллей, Нью-Йорк, до тех пор, пока он не уехал.

Он поехал в Палм-Бич один. По условиям его выпуска, он должен был получить психиатрическую помощь. Его мать

Лицом к лицу со смертью

позвонила ему и сказала, чтобы он не беспокоился, что у него все в порядке.

"Тебе не нужен психиатр, сынок, тебе просто нужно немного отдохнуть".

Патрисия была уверена в том, что Дороти сказала это своему сыну по эгоистическим соображениям, не желая, чтобы он вновь пурежил выстрел, который она нанесла ему в Санта-Барбаре по мере того, как он все глубже занимался своим лечением.

Однако лечение было условием его поручительства, и он стал посещать врача в Палм-Бич. Врач сделал все от него зависящее, поставил Джесси диагноз: маниакально-депрессивный, параноидальный, суицидальный алкоголизм. Но он имел дело с непреклонным пациентом.

Судебный процесс откладывался каждый раз, когда Джесси приезжал в Нью-Йорк. Его адвокат сказал ему, что ему удастся добиться оправдательного приговора, но он в это не верил. За день до начала процесса Джесси позвонил Патрисии из Палм-Бич. "Я не могу сесть в тюрьму, Пэт. Просто не могу".

"Джесси, твой адвокат говорит, что у тебя есть шанс выиграть".

"Я не верю этому идиоту. Я не могу сесть в тюрьму", - сказал он и повесил трубку.

Он поехал к друзьям в Палм-Бич, Сент-Джону и Алретте Террелл и одолжил у них дробовик. Но он не смог им воспользоваться.

Вместо этого он открыл духовку и включил газ. Он принял пригоршню таблеток и упал в обморок. Его нашли мертвым на следующий день.

Пэт в тот же вечер немедленно прилетела в Палм-Бич. На следующий день тело Джесси было доставлено в крематорий в Палм-Бич. Священник сказал несколько слов, а затем тело Джесси превратилось в прах. При этом никто не присутствовал, кроме Патрисии и священника.

Много позже Патрисии стало ясно, насколько Джесси на

Глава 15.

самом деле боялся своей матери. Он оставался зависимым от нее: от ее общества и из-за денег. Его мать знала, что он так и не преодолел в себе последствия того, что она в него стреляла, и, независимо от того, что она делала, она не могла загладить своей вины перед ним. Они были каким-то образом привязаны друг к другу, соединены кармической пуповиной, которая невероятно запуталась, когда она сделала тот выстрел ему в грудь.

"Какая трагедия! Три жизни было разрушено одним выстрелом. Что с нами происходит?" - подумала про себя Пэт.

После смерти Джесси Дороти жила некоторое время с Патрисией, но в конечном итоге переехала на Санибель Айленд, Флорида.

В 1985 году Дороти заболела и позвонила, чтобы ее сын Пол с женой Энн приехали ее навестить. Энн и Пол приехали на Санибель и обнаружили, что их ждет сиделка.

"Ваша мама попросила меня прийти сюда, к дому, и ждать вас", - сказала она.

"А где мама?" - спросил Пол.

"Она уехала в больницу два дня назад, и, мне очень жаль, но она в тот же день скончалась", - сказала сиделка.

"Где она сейчас?" - спросила Энн.

"Боюсь, она в морге". - Сиделка сделала паузу. "Она оставила особые распоряжения, чтобы ее кремировали завтра без проведения панихиды".

В этот момент в гостиную зашел Цезарь, кот Дороти, и стал тереться у ног Энн. Она взяла кота, который был очень старым и любимым членом семьи, на руки. Кот был очень близок Дороти. Энн стала играть с ним, когда он уселся у нее на коленях.

"Госпожа Ливермор, я на вашем месте не стала бы очень сильно привязываться к этому коту", - сказала сиделка.

"Почему?" - спросила Энн.

Лицом к лицу со смертью

"Госпожа Ливермор оставила очень четкие распоряжения, что кота следует положить в гроб и кремировать вместе с ней".

Энн от изумления открыла рот и прижала кота к себе. "Пол?" - сказала она, глазами умоляя его оставить кота. Пол тоже хотел оставить кота, но он чувствовал себя обязанным почтить волю матери.

Она оставила все в идеальном порядке - свое завещание, банковские книжки, ключи от машины на столе, письменные распоряжения относительно того, как распорядиться ее имуществом, распоряжения относительно ее похорон. Такая организованность была так не похожа на Дороти; на самом деле она была знаменита своей неорганизованностью и беспечностью. Позднее, когда они подошли к туалетному столику, они нашли золотую цепочку и красивые часы, которые упали на пол.

"Она никогда не следила за своими драгоценностями", - сказал Пол.

"Ты имеешь в виду, за тем, что у нее осталось", - сказала Энн.

За долгие годы Дороти отдала более 500 000 долларов драгоценностями своему сыну Джесси, который все их заложил.

На следующий день они отвезли кота к ветеринару и усыпили его. Они приехали в крематорий и положили кота в гроб.

Дороти "Мышка" Ливермор вступила в пламя вечности вместе с котом Цезарем, чтобы воссоединиться со своими мужем и сыном.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Законы и секреты заключения биржевых сделок Ливермора

Знать - значит думать!

Сократ

УСПЕШНЫЙ СПЕКУЛЯНТ ПОСТОЯННО УЧИТСЯ ТРЕМ

вещам:

- *Выбору правильного времени на рынке.* Следует научиться, когда выходить на рынок, а когда уходить с рынка - когда придержать, а когда завернуть, как, бывало, говорил Эд Брэдли.
- *Управлению денежными средствами.* Не потеряйте деньги, не потеряйте свою ставку. Спекулянт без денег похож на владельца магазина без товара. Деньги - это товар спекулянта, его спасательный трос и его лучший друг. Без них вы выпадаете из дела. Не потеряйте свой трос!
- *Контролю над эмоциями.* Прежде, чем вы сможете успешно

играть на рынке, у вас должна быть ясная, четкая стратегия, которой вы должны придерживаться. Прежде, чем начать спекулировать на фондовом рынке, каждый спекулянт должен разработать умные планы сражений, подогнанные точно под его эмоциональное устройство. Самое большое, что нужно контролировать спекулянтам - это их эмоции. Помните, разум, логика и экономика в чистом виде не управляет фондовым рынком. Им управляет человеческая природа, которая никогда не меняется. Да и как она может измениться? Это же наша природа.

Невозможно определить, правильной ли была ваша оценка рынка до тех пор, пока вы не сделаете ставку, не приобретете актив.

Приложение

Если вы не кладете деньги на стол, вы никогда не сможете проверить свои эмоции. Ливермор считал, что эмоции, а не разум, диктуют направление фондового рынка, точно так же, как в самом важном в жизни: любви, браке, детях, войне, сексе, преступлении, страсти, религии. Очень редко людьми управляет разум.

Нельзя сказать, что продажи, прибыли, общемировые условия, политика и технология не играют роли в конечной цене акции. Эти факторы в конце концов оказывают свое влияние, и цена фондового рынка и отдельных акций может отражать эти факторы, но именно *эмоции* всегда доводят их до крайностей.

Ливермор верил в цикличность, жизненные и рыночные циклы. Они часто бывают крайностями, очень редко сбалансированными. Циклы подобны океанским волнам, они дают сильный прилив, когда все идет хорошо, и спадают, когда условия идут на убыль. Эти циклы наступают неожиданно, их невозможно предугадать. Хорошо это или плохо, их следует пережить сдержанно и терпеливо. Помните, умелый спекулянт знает, что деньги можно делать независимо от того, каковы рыночные условия, если спекулянт хочет играть на обеих сторонах рынка.

Ливермор рано понял, что фондовый рынок никогда не бывает самоочевидным. Он создан для того, чтобы большую часть времени обманывать большинство людей.

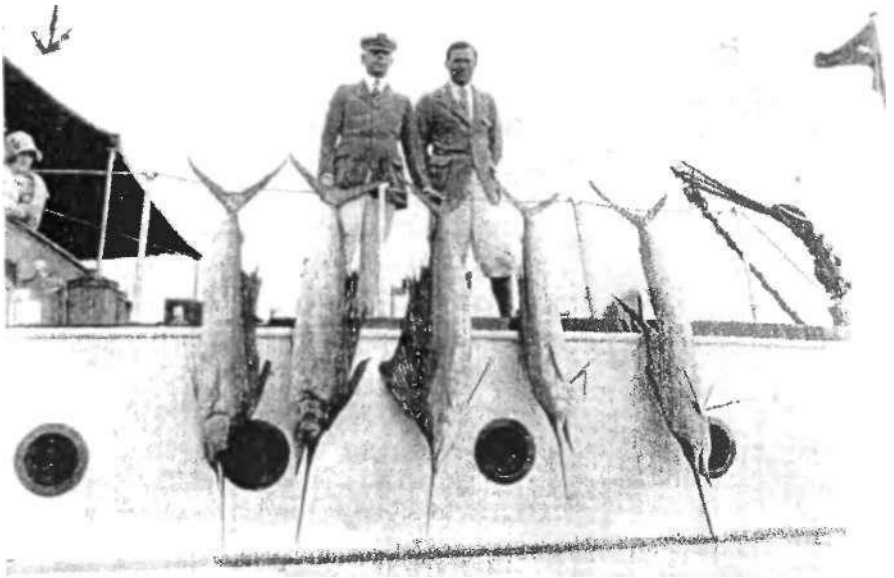
Правила Ливермора зачастую основываются на рассуждениях, противоречащих обычной логике:

- Быстро принимайте свои потери.
- Обязательно получите подтверждение правильности своего суждения, прежде чем приобретете всю позицию.
- Позволяйте своим прибылям плыть по течению, если у вас нет серьезных причин для закрытия позиции.
- Действуйте на уровне ведущих фишек, которые изменяются с каждой новой сессией на рынке.
- Ограничьте количество акций, за которыми вы следите, чтобы иметь возможность сфокусироваться.

*Рисованный портрет
Дороти Ливермор,
статистики Зигфельда,
заказанный ее мужем
Джесси до того, как ей
исполнилось 20 лет.
Жемчуг, оцениваемый в
80 000 долларов, был
украден во время
ограбления их особняка
бандой Бостонского
Билли..*

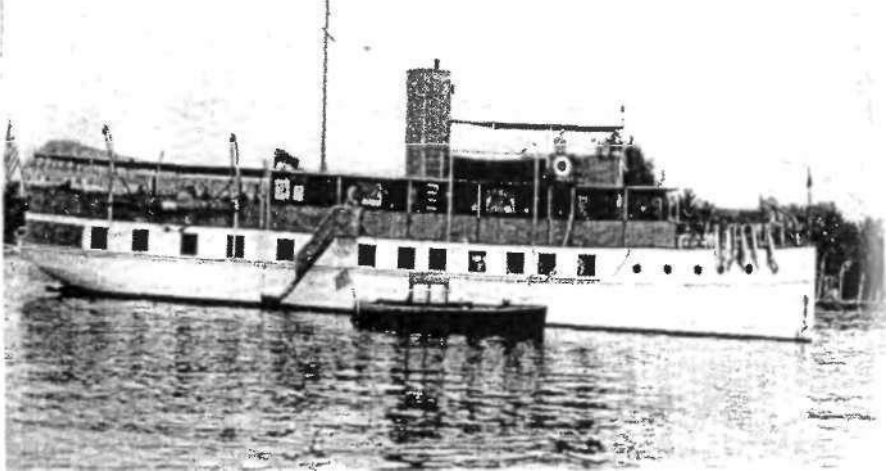
*Джесси Ливермор,
легендарный Мальчик-Игрок
и Великий Медведь
Уолл-Стрит в своем офисе
в 1929 году, сразу после
Великого Краха, когда он
стал продавать короткие
позиции и заработал более
100 миллионов долларов.
Его навыки были на пике.
С этого момента его
жизнь покатила по
наклонной; 10 лет спустя
он совершит
самоубийство.*

Джесси Ливермор с другом, Эдом Келли, президентом "Юнайтед Фрут", на яхте

Ливермора после однодневной рыбалки. Ливермор страстно любил воду и рыбалку.

На океане ему часто приходили в голову великие рыночные идеи.

Первая "Анита Венициан" с 40-футовым катером, пришвартованным

вдоль борта

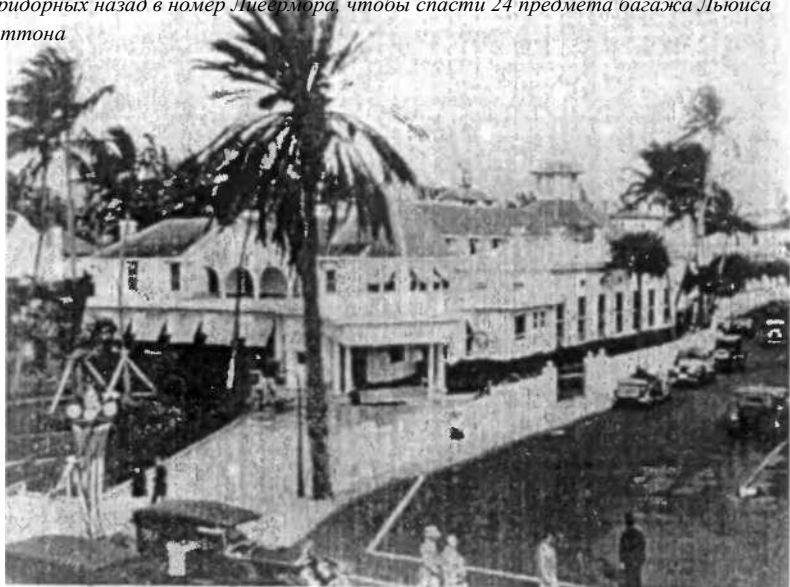
Всего было три "Анита Венишиан"; последняя составляла 300 футов в длину.

Джесси Ливермор со своей женой Дороти, 3 марта 1926 года, одетые для участия в костюмированном бале в Эверморе. Дороти обожала устраивать богатые вечеринки на 100 и более человек.

18 марта 1925 года. Пожар в гостинице "Брейкерз" в Палм-Бич. Дороти отослала коридорных назад в номер Лиеермора, чтобы спасти 24 предмета багажа Люиса Виттона

'Палм-Бич Клуб' Эда 'Брэдли. Он Был самым крупным должжителем среди нелегальных, казино в истории Ямерики. Брэдли, самый великий азартный изрок Америки был приятелем Ливермора, величайшего спекулянта на фондовом рынке.

Особняк Ливермора в Кингз Пойнт, Лонг Айленд. За обеденным столом могло разместиться

46 человек, в цокольном этаже располагался ж и в ш и й тут же парикмахер. 300-футовая яхта

Ливермора была пришвартована сзади. Эвермор был местом проведения огромного числа

вечеринок до тех пор, пока его, в конце концов не продали с аукциона 27 июня 1933 года.

Франтоватый клан Ливерморов: Пол, Дороти и Джесси Младший позируют на фоне Эвермора

m m

Джесси Ливермор в галерее гостиницы "Брейкерз", где каждую зиму он снимал большие апартаменты. Он доезжал до гостиницы в своем личном железнодорожном вагоне, а его яхта шла в Палм-Бич впереди него.

Джесси и Дороти Ливермор с друзьями во время отпуска Ливермора дома в Лейк, Плэвид, Нью-Йорк. Там Ливермор охотился и играл в гольф

Дороти Ливермор с подругой в белом плетеном педальном такси на территории гостиницы счастливый период своей жизни по пути на "Брейкерз". Это был обычный способ передвижения в гостинице в 1920-е-1930-е годы.

Патрисия и Джесси Ливермор-младший в Гавайи.

*Джесси Ливермор со своей третьей женой Гарриет, во время вечеринки
на 80*

человек в своей 10-комнатной квартире на Парк Авеню в Нью-Йорке. Ливермор любил красивых женщин, что вредило его бракам.

*Рекламная фотография Пола
Ливермора,
самого младшего сына Джесси. До
переезда на
Гавайи он снимался в кино- и
телевизионных,
сериалах.*

*Энн Ливермор, жена Пола,
певица,
работавшая с крупными оркестрами и
такими певцами, как Тони Беннетт и
Фрэнк Синатра.*

Джесси Лиеермор, и его жена Гарриет и Пол приезжают в Нью-Йорк 8 декабря 1935 года,

оставив в постели Джесси-младшего, в которого стреляла его собственная мать.

После того, как Дороти Лиеермор стреляла в своего сына Джесси, она предстала

перед судом в

*Санта-Барбаре, Калифорния, по обвинению в угрозе оружием с целью совершения
преднамеренного убийства. Судьей был Эрнест Вагнер.*

Помошник, шериф Джек Росс, окружной прокурор Перси Хекендорф и шериф Джеймс Росс осматривают место, где, по их мнению, Дороти Ливермор стреляла в своего сына, Джесси, в ее доме Монтесито, Калифорния. На самом деле она стреляла в него на лестнице.

Джесси Ливермор сидит у третейского судьи по делам о несостоятельности 15 мая 1934

года.Ливермор

всегда возвращал свои долги людям, кредитовавшим его до банкротства, когда он вставал на ноги, несмотря на то, что с юридической точки зрения он не был обязан это делать.

Джесси Ливермор, бывший Мальчик-Игрок, Уолл-Стрит, со своей женой Гарриет отправляется в Европу на "ЭсЭс.Рекс" после своего банкротства в 1934 году. Прежде чем сесть

на борт, Ливермор сказал: "Я надеюсь несколько развеяться и избавить свою голову от некоторых проблем".

Джесси Ливермор со своей женой Гарриет 27 ноября 1940 года в "Сторк Клуб",

любимом ночном клубе. Он
выглядит отрешенным и измученным за день до своего самоубийства.

*Джесси Ливермор младший 28 ноября 1940 года, по приезде в гостиницу "Шерри
"Недерланд" в*

'Нью-Йорке, куда он прибыл на опознание тела своего отца.

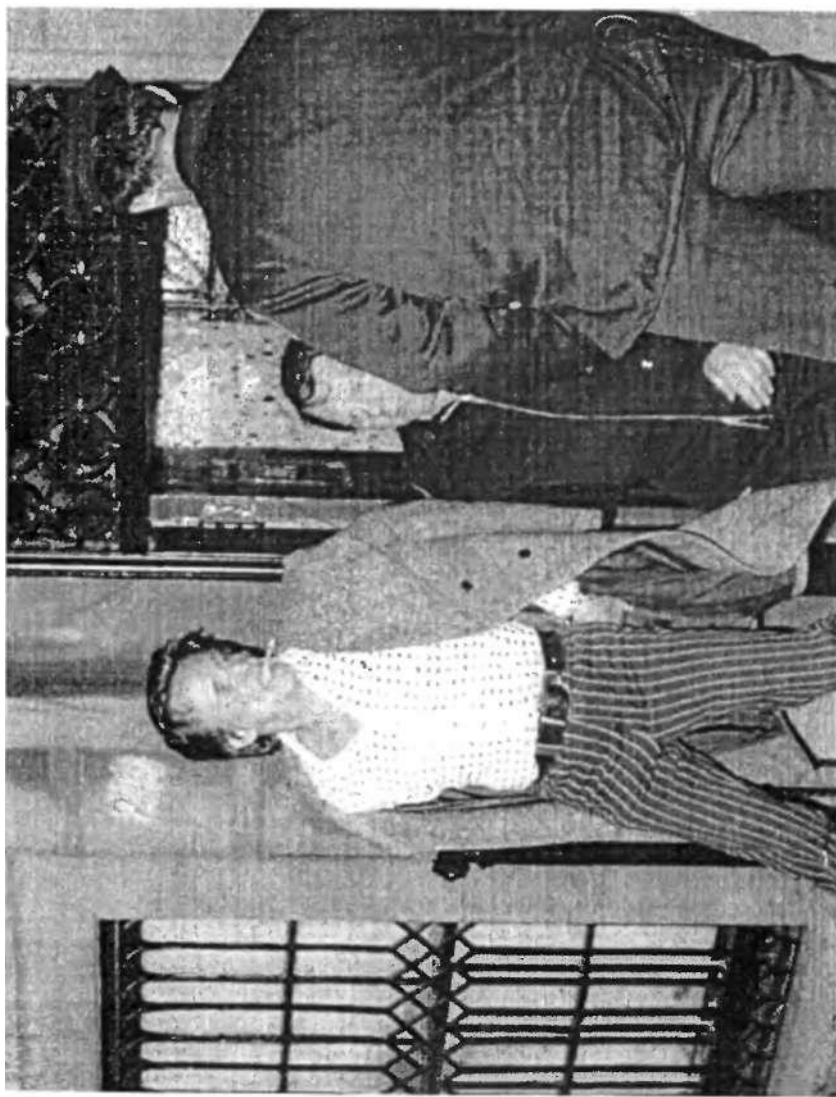
Всю свою взрослую жизнь, во время успехов и провалов Джесси Ливермор был подвержен глубоким черным депрессиям. Этот снимок был сделан 26 ноября 1940 года, за два дня до того, как, Великий Медведь Уолл-Стрит покончит жизнь

самоубийством.

Джесси Лиеермор был сильной личностью, хранившей секреты и защищавшей свою частную

ЖИЗНЬ.

Джесси Ливермор младший 23 марта 1975 года. Его ведут из дома к полицейской машине после того, как он застрелил свою собаку, пытался убить свою жену Патрисию, навел ружье на грудь нью-йоркского полицейского и спустил курок.

Приложение

- Новые непревзойденные вершины следует штурмовать в переломные моменты.
- Дешевые акции часто кажутся выгодной покупкой после большого падения. Они часто продолжают падать, или не обладают большим потенциалом для роста цены. Не трогайте их!
- Используйте базисные точки для того, чтобы обнаружить изменения в трендах и подтверждения трендов.
- Не сражайтесь с телеграфной лентой!

Фондовый рынок представляет из себя изучение циклов; когда он меняет направление, он остается в этом новом тренде до тех пор, пока не ослабнет инерция - тело, находящееся в движении, имеет тенденцию оставаться в движении. Помните, не пытайтесь идти против тренда. Не сражайтесь с телеграфной лентой.

В системе свободного рынка цены колеблются. Они никогда не растут постоянно и никогда не снижаются постоянно. Это благоприятствует бдительному спекулянту, поскольку можно играть на любой стороне рынка.

ПРАВИЛА ВЫБОРА ВРЕМЕНИ НА РЫНКЕ

Никогда не допускайте потери более 10 процентов своего инвестируемого капитала. Ливермор научился этому в брокерских конторах, где он работал на 10-процентной марже, и где его акции автоматически продавались, если его потери превышали этот предел. Это тоже правило управления денежными средствами.

Большие деньги рождаются в *ожидании*, а не *раздумьях*. Как только позиция куплена, самое сложное, что надо сделать - сохранять терпение и ждать, когда ход сыграет свою роль. Очень сильно искушение получить быструю прибыль или закрыть сделку исключительно из страха потерять прибыль во

Приложение

время корректировки. Эта ошибка стоила миллионам спекулянтов миллионов долларов. Следует иметь серьезную вескую причину, чтобы вступить в сделку, а также серьезную и вескую причину для того, чтобы закрыть сделку. Именно резкие колебания зарабатывают для вас большие деньги.

Играйте на рынке только тогда, когда все факторы в вашу пользу. Никто не может все время играть на рынке и выигрывать. Иногда случаются периоды, когда следует полностью уходить с рынка.

Спекулянт должен знать общий тренд рынка - линию наименьшего сопротивления - прежде, чем заключать сделку. Убедитесь в том, что вы знаете, направлена ли линия наименьшего сопротивления вверх или вниз. Основное, что вам нужно знать, прежде чем заключать сделку - это то, в каком направлении идет рынок в целом: вверх, вниз или вперед-назад. Вам следует определиться с этим прежде, чем заключать сделку. Если общий тренд рынка не в вашу пользу, вы играете себе в убыток. Помните: нужно двигаться вместе с потоком, плыть по течению, не плевать против ветра - и, прежде всего - не спорить с телеграфной лентой!

Единственный выход из положения, когда вы неправы, поступить правильно, прекратить ошибаться. Быстро, без колебаний покрывайте свои убытки. Не тратьте время понапрасну, когда актив движется ниже избранной вами точки, немедленно его продавайте.

Акции часто ведут себя как люди, отражая в себе различные черты характера: агрессивность, сдержанность, энергичность, возбудимость, прямоту, логичность, предсказуемость, непредсказуемость. Изучайте акции так, как вы изучали бы человека; через некоторое время их реакции на определенные обстоятельства станут предсказуемыми, полезными для определения сроков колебаний цены.

Акции никогда не бывают в слишком высокой точке, чтобы начать покупать, или в слишком низкой, чтобы начать продавать без покрытия.

Если вы не воспользуетесь возможностью избавиться от

Приложение

большой неликвидной позиции, когда вам представится такая возможность, это может дорого вам стоить.

Если вы не воспользуетесь преимуществом счастливого поворота судьбы на фондовом рынке, то вы совершите ошибку.

При рынке, движущемся вперед-назад в узком канале, где цены акции по существу не меняются, в попытке предсказать или предугадать, *когда и в каком направлении*

совершит движение рынок, заключена большая опасность. Следует дожидаться, когда рынок или акция вырвется из этого канала в любом направлении. Не пытайтесь его предугадать! Дождитесь подтверждения! Никогда не спорьте с телеграфной лентой. Следуйте по пути наименьшего сопротивления.

Не тратьте много времени, пытаясь вычислить, что именно движет ценой определенного фонда. Лучше изучайте телеграфную ленту. Ответ лежит в том, *что* говорит телеграфная лента, а не в

попытках определить, *почему* она это говорит. За всеми крупными колебаниями на фондовом рынке стоит непреодолимая сила, которая, скорее всего, будет обнаружена позже. Это все, что нужно знать успешному спекулянту.

Фондовый рынок движется вниз, вверх или раскачивается вперед-назад. Зарабатывать деньги можно и вверх, и вниз - можно покупать длинные позиции или продавать короткие. Для вас не должно иметь никакого значения, на какой стороне рынка вы находитесь. Вам следует быть объективным. Когда рынок движется вперед-назад и вы запутались, возьмите отпуск.

Сигнал об опасности, за появлением которого следует следить - *однодневный поворот*, когда самая высокая точка дня

выше самой высокой точки предыдущего дня, но рынок закрылся ниже самого низкого уровня предыдущего дня и объем заключенных сделок текущего дня выше объема предыдущего дня. Берегитесь!

Если актив, которым вы торговали, идет в направлении, противоположном тому, которое вы ожидали, быстро его продавайте. Это значит, что ваше суждение было ложным.

Сокращайте свои потери.

Приложение

Ждите, будьте терпеливы до тех пор, пока как можно больше условий не сойдутся в вашу пользу. Именно терпение делает деньги.

Изучайте поведение актива, который внезапно сильно упал в цене, его отвесное падение. Если актив быстро не отрикошетил, он, скорее всего, будет падать дальше. В этом активе заключена врожденная слабость; причина которой будет выявлена позднее.

Рынок работает в будущем времени. Текущие события, как правило, уже включены в него.

Именно начало глобального колебания, *базисной точки*, изменение тренда указывает, что следует делать: продавать или покупать. Именно это изменение тренда, если его уловить, приносит самую большую награду.

Существует два типа базисных точек. *Обратная*
базисная

точка определяется как наиболее благоприятное, с психологической точки зрения, время в начале крупного скачка рынка, изменение в основном тренде. Не имеет значения, будь то самая низшая или самая высшая точка долгосрочного движения тренда.

Вторая базисная точка называется базисной точкой *продолжения*. Обратная базисная точка отмечает определенное изменение направления; базисная точка продолжения его подтверждает.

Но будьте внимательны - крупные базисные точки часто сопровождаются сильным увеличением количества заключаемых сделок.

Базисные точки представляют из себя весьма ценный инструмент для определения правильного времени на рынке, спусковой крючок, который показывает, когда выходить на рынок, и когда уходить с него,

В конце бычьего рынка можно наблюдать *неистовство капитализации* - когда хорошие акции продаются в 30, 40, 50 или 60 раз выше своих годовых доходов. Это будут те же самые акции, которые раньше продавались с гораздо более низким коэффициентам.

Приложение

Будьте осторожны с неистово-спекулятивными акциями, которые начинают расти без видимой на то причины, за исключением того, что они являются модными в настоящее время, и рынок им благоволит.

Новые вершины

очень важны для правильного выбора

времени. Новая непревзойденная вершина может означать, что актив прорвался через общее предложение акций и линия наименьшего сопротивления будет направлена резко вверх. Многие люди, когда видят, что актив достиг новой высоты, немедленно его продают, а затем отправляются искать более дешевый актив.

Групповые действия

являются ключевыми для

определения сроков действий. Акции, когда совершают движения, не совершают их в одиночку. Если акция "Ю.Эс.Стил" растет или падает в цене, тогда рано или поздно, "Бетлхем Рипаблик" и "Крусибл" последуют за ней. Предпосылка проста: если существуют какие-либо веские причины, почему акция "Ю.Эс.Стил" должна стать популярной или перестать быть популярной на фондовом рынке, тогда вся стальная группа должна последовать за ней по тем же причинам.

Заключайте сделки с ведущими фишками в ведущих группах. В промышленной группе выбирайте акции лидера на рынке.

Наблюдайте за *лидерами рынка*,

акциями, которые вели

цену вверх на бычьем рынке. Когда эти фонды дрогнут и не смогут взять новых высот, зачастую это сигнал того, что рынок поворачивается. По мере того, как изменяют направление лидеры, изменяет направление и весь рынок.

Ограничьте свои исследования колебаний фондового рынка колебаниями известных лидеров текущего времени. Если вы не можете зарабатывать деньги на ведущих активных акциях, вам не удастся заработать на фондовом рынке. Именно здесь разворачиваются основные действия и делаются деньги. Это также ограничивает ваш мир акций, делает его сфокусированным и легче контролируемым.

У вас должна быть четкая целевая цена, по которой

Приложение

следует продавать, если актив двинется против вас, твердая остановка. И вам следует подчиняться своим правилам!

Успешный на рынке трейдер должен играть только там, где есть наибольшие шансы на успех. Покупайте маленькие позиции, делайте пробные шаги, чтобы проверить свое суждение прежде, чем фиксировать большую позицию. Не покупайте всю свою позицию целиком за один раз. Используйте пробы, чтобы подтвердить свое суждение и найти линию наименьшего сопротивления.

Трейдер должен быстро реагировать на неожиданности. Если это неожиданный счастливый поворот судьбы, хватайте его. Если это дурные вести - удирайте без колебаний и, не оглядываясь, продавайте позицию.

Берегитесь, когда количество заключаемых сделок становится слишком большим, и акции начинают разворачиваться после длительного направленного вверх тренда. Это ключ, предупреждение, что приближается конец колебания. Это показатель того, что фонды переходят из сильных в слабые руки, от профессионалов к общей массе людей. Общая масса людей зачастую рассматривает этот большой объем заключаемых сделок как показатель энергичного, здорового рынка, проходящего через нормальную коррекцию, а не верхнюю или нижнюю точку.

Общество обычно верит, что люди, обладающие внутренней информацией, сбывают свой актив во время роста вверх. Они часто ошибаются. Им часто сбывают большую часть акций пула или обладающих внутренней информацией людей после того, как актив достиг новых вершин и перевалил через них, разворачиваясь в начале своего снижения. Это время самых высоких объемов заключаемых сделок. Это зачастую является причиной того, почему актив не может достичь новой высоты - на рынке просто слишком велико предложение. Это распродажа - которая обычно идет не от людей, обладающих внутренней информацией, а от крупных акционеров, таких как совместные фонды на сегодняшнем рынке.

ПРАВИЛА УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Установите для себя остановки. У вас должна быть четкая целевая цена, на уровне которой следует продавать, если акция двинется против вас. И вы должны подчиняться своим же правилам! Никогда не допускайте потери более 10 процентов инвестированного капитала. Потери бывает в два раза сложнее и дороже компенсировать - если вы теряете 50 процентов, вы должны заработать 100 процентов, чтобы ситуация выровнялась (смотри таблицу в 12 главе). Это также ключевое правило выбора времени.

Никогда не отзывайтесь на требования по марже и никогда не пытайтесь усреднить свои покупки по цене.

Время от времени переводите свои потенциальные прибыли в реальные деньги. Забирайте определенный процент от своего выигрыша и откладываете его в безопасное место, такое как банк, облигации или страхование. Наличные были, есть и всегда будут царить в экономике. Всегда держите наличные про запас. Обналичивайте свои запасы. Самой большой ошибкой Ливермора было то, что он часто не следовал этому правилу.

Изучайте и пытайтесь понять параметр времени: время - это не деньги, потому что случаются моменты, когда не следует быть активным. Время есть время, а деньги есть деньги. Успешный инвестор не все время держит свои средства инвестированными. Во многих случаях вам следует полностью держать средства в наличных. Зачастую деньги, которые не работают, могут дожидаться своего часа и ими можно будет воспользоваться в соответствующей ситуации, как только она представится. Если вы не уверены в направлении рынка, просто воздержитесь от участия в нем, ждите подтверждения следующего хода. Так можно заработать целое состояние. Терпение, терпение и еще раз терпение - вот ключ к успеху. Не торопитесь.

Снимите с игрового стола что-то из выигранного после завершения успешной сделки.

Приложение

Пользуйтесь пробными закупками для того, чтобы купить позицию целиком. После изначальной пробной закупки не делайте второго шага до тех пор, пока первая пробная закупка не покажет своей прибыльности. Не покупайте всю позицию целиком - дождитесь, когда ваши первые сделки, ранние пробы, продемонстрируют свою прибыльность, а затем - вперед, покупайте полную позицию.

Выражаясь точнее: сначала купите 20 процентов от запланированной позиции во время первой покупки, 20 процентов во время второй и 20 процентов - во время третьей. Дождитесь подтверждения своего суждения, а затем осуществите конечную покупку оставшихся 40 процентов.

Каждая из этих покупок, или проб, является критическим фактором для покупки всей позиции в целом. Если в любой момент времени актив начнет двигаться против вас, закройте все свои позиции, никогда не допускайте потери более 10 процентов инвестированного капитала.

Продавайте проигрывающие акции; позволяйте выигрывающим акциям плыть по течению, при условии, что все факторы складываются в вашу пользу.

ПРАВИЛА КОНТРОЛЯ НАД ЭМОЦИЯМИ

Эмоциональный контроль - самый существенный фактор при игре на рынке.

Не пытайтесь предугадать события! Дождитесь, когда рынок сам даст вам подсказку, сигнал, намек, прежде, чем вы сделаете ход! Прогноз - это убийца. Не принимайте решений, основываясь на прогнозе. Рынок всегда дает вам время. Если вы дождетесь подсказки, останется еще много времени для того, чтобы сделать ход.

Не тратьте много времени, пытаясь вычислить, *почему* цена какого-то определенного фонда изменяется. Лучше изучайте сами факты. Разгадка лежит в том, что *говорит* телеграфная лента, а не в попытках выяснить, почему она это делает. И самое важное - никогда не спорьте с телеграфной лентой. Она вас не слышит.

Приложение

Биржевых трейдеров можно убедить отказаться от своих убеждений, заставляя их слушать советы других трейдеров, убежденных в том, что их суждения могут быть ошибочны. Или, в случае, приносящем меньше вреда, то, что они слушают других, может привести к нерешительности или к неправильному суждению. Эта нерешительность может вызвать у трейдера потерю уверенности в себе, что, в свою очередь, может означать потерю денег.

"Подсказки приходят из самых разнообразных источников - от родственников, любимых, друзей, которые только что сами сделали серьезные капиталовложения и хотят поделиться своей удачей с другими. Советы поступают от маклеров и преступников. Помните: все советы опасны. Нельзя следовать ни одному из них".

Уберите из своего торгового лексикона слово *"надежда"*. Надежда на то, что актив что-то сделает - это

азартная игра. Если у вас нет серьезных, веских причин для того, чтобы держать позицию на фондовом рынке, тогда займитесь каким-либо другим, более логичным видом торговли. Желание, чтобы актив пошел вверх или вниз приводило к падению спекулянтов на фондовом рынке не единожды. Надежда идет рука об руку с жадностью".

Всегда отдавайте себе полный отчет в своих эмоциях. Не становитесь слишком самоуверенными по мере накопления своих побед, не впадайте в депрессию из-за потерь.

Ничто никогда не меняется на рынке. Единственное, что меняется - это игроки, а у новых игроков нет финансовых воспоминаний о прошлых основных циклах - как во время паники 1907 года или краха 1929 года - потому что они не испытали их на себе. Возможно, для спекулянта это что-то новое, но это не новость для рынка.

Всегда имейте при себе метод спекулирования, план атаки. И всегда придерживайтесь своего плана. Не меняйте его постоянно. Найдите метод, который подходит вам с эмоциональной точки зрения, и придерживайтесь его. Придерживайтесь своей игры.

Приложение

Спекулянты - это не инвесторы. Их цель состоит не в том, чтобы обеспечить стабильный доход на свои деньги в течение продолжительного периода времени. Спекулянт должен получать прибыль на подъеме или падении цены того, чем он спекулирует.

Играйте в одиночку. Самостоятельно принимайте решения относительно своих собственных денег. Будьте скрытным и молчаливым во время работы на бирже. Никому не открывайте своих выигрышных и проигрышных позиций.

Успешный инвестор не держит свои средства инвестированными все время. Существует множество случаев, когда следует держать все свои средства в наличных. Если вы не уверены в направлении рынка, ждите.

Никогда не теряйте контроля над своими эмоциями, когда рынок движется против вас. И никогда не ликуйте от своих успехов до такой степени, чтобы начать считать, что рынок - это легкий способ зарабатывания денег. Никогда не воюйте с телеграфной лентой: телеграфная лента - это истина. Ищите гармонии с ней.

Занимайтесь тем, что у вас хорошо получается.

Чтобы быть лучшим на рынке трейдером, нужно обладать четырьмя сильными свойствами ума:

- *Наблюдательностью* - способностью наблюдать за фактами без предубеждения.
- *Памятью* - способностью правильно и объективно помнить ключевые события.
- *Математическими способностями* - способностью легко производить подсчеты; комфортно чувствовать себя с цифрами.
- *Опытом* - способностью учиться, сохранять знания, полученные опытным путем, способностью воспроизводить в памяти эти знания усилием воли.

Интуитивные сигналы, очевидные импульсы, есть ничто иное, как общение со своим подсознательным, когда человек вызывает в памяти годы, наполненные торговыми событиями. В

Приложение

некоторых случаях Ливермор разрешал своему внутреннему голосу вести себя за собой, даже если в тот момент он не знал тому причины. Он был согласен с Аристотелем: "Мы - общий итог нашего опыта".

Прежде, чем станет возможной успешная спекуляция, нужно понять и обуздать свои эмоции.

- *Жадность* - человеческое чувство, характерное для всех

людей, которое словарь Вебстера определяет как чрезмерное желание приобретения или обладания; желание большего, чем человеку необходимо, или чем он того заслуживает. Мы не знаем, откуда берется жадность, единственное, что мы знаем, это то, что она существует в каждом человеке.

- *Страх* готов появиться в мгновение ока, и когда он

появляется, он деформирует разум. Рассудительные люди действуют неразумно, когда они боятся. А пугаются они каждый раз, когда начинают терять деньги. Их суждения становятся замедленными и ослабленными.

- *Надежда* идет рука об руку с жадностью, когда речь идет о фондовом рынке. Как только сделка заключена, оживают ростки надежды. Человеку по природе свойственно надеяться, мыслить позитивно, надеяться на лучшее. Надежда важна для выживания человеческого вида. Но надежда, также как ее кузины на фондовом рынке - невежество, жадность и страх - деформирует разум. Надежда скрывает факты, а фондовый рынок имеет дело только с фактами. Это похоже на вращение колеса рулетки - исход решает маленький черный шарик, а не жадность, не страх и не надежда. Результат объективен и окончателен и обжалованию не подлежит.

Остерегайтесь невежества. Рынок следует изучать и ему нужно учиться, и делать это необходимо не небрежно, а серьезно и глубоко. Фондовый рынок со своим очарованием легких денег и быстрых действий, как ничто другое толкает людей на иррациональное и глупое обращение со своими

собственными деньгами. Обратной стороной невежества

Приложение

является знание, а знание - сила.

Фондовый рынок никогда не бывает самоочевидным. Он создан так, чтобы большую часть времени обманывать большую часть людей. Эти правила зачастую основаны на нетрадиционном мышлении.

Вам не нужно быть на рынке все время. Существуют периоды, когда следует уходить с рынка по эмоциональным, а также по экономическим причинам.

Когда телеграфная лента не согласна с вашим решением продавать или покупать, дождитесь, пока она согласится.

Никогда не пытайтесь объяснить свою позицию тем, что говорит телеграфная лента.

Не давайте и не принимайте советов; помните: на бычьем рынке акции идут вверх, на медвежьем - вниз. Это все, что нужно знать любому человеку на рынке и все, что вам следует им рассказывать.

Спекулянты на фондовом рынке иногда совершают ошибки и знают, что они их совершают, но, тем не менее, продолжают их совершать, лишь для того, чтобы позднее ругать себя за нарушение своих собственных правил. Не нарушайте свои правила.

Никогда не становитесь невольным инвестором, удерживая снижающийся актив.

Никогда не помышляйте о том, чтобы купить акции во время изменения курсов или играть на понижение акций во время оживления.

Не пользуйтесь словами "бычий" и "медвежий". Эти слова жестко фиксируют направление рынка в вашей голове на длительный период времени. Вместо них используйте термины "направленный вверх тренд" и "направленный вниз тренд", когда вас спрашивают о том, в каком направлении, по вашему мнению идет рынок. Просто скажите: линия наименьшего сопротивления направлена в настоящий момент вверх, или вниз.

Спекуляция - это бизнес, и как в любом бизнесе, для того, чтобы преуспеть, следует усердно и прилежно трудиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На Уолл-Стрит и в спекуляциях на фондовом рынке нет ничего нового. То, что происходило в прошлом, будет происходить снова, снова и снова. Так происходит потому, что человеческая природа не меняется, а человеческие эмоции всегда стоят на пути у человеческого разума.

Джесси Ливермор

И С Т О Ч Н И К И

Большая часть информации, содержащейся в этой книге, была получена из долгих бесед с Полом Ливермором, младшим сыном Джесси Ливермора, и Патрисией Ливермор, женой Джесси Ливермора-младшего. Информация, полученная от них из первых рук, их знание Джесси Ливермора, является неотъемлемой частью этой книги. Именно эти сведения оказали неоценимую помощь в открытии многих новых аспектов методов заключения сделок и секретов Ливермора, а также в раскрытии Ливермора как человека.

«Нечто необычайное. Я начал ее читать, когда мы вылетели из аэропорта «Кимбо» по направлению в Германию. К моменту, когда мы долетели до Новосибирска... я закончил ее читать. Я просто не мог оторваться! Это не только хороший урок инвестирования и заключения сделок, это еще и завораживающее психологическое исследование тех факторов, которые составляют расчет великого спекулянта. Вознесение и падение великого спекулянта, а также вознесение и падение его семьи – это увлекательнейшее чтение. Тот факт, что книга основана на беседах с потомками Ливермора и свидетелями описываемых событий, делают ее еще более интересной. Прекрасно написано».

- Марк Мобиус, директор, «Темплтон Эссет Менеджмент».

«Как один из самых умных трейдеров всех времен, Джесси Ливермор продемонстрировал, как важна дисциплина, когда заключаешь сделки на рынке. Смиттен повествует о том, как Ливермор создал свои правила, а также комментирует уроки, полученные Ливермором на пути разработки своей стратегии».

- Уильям Дж. О'Нейл, издатель, «Инвестор'з Бизнес Дэйли».

«Классика фондового рынка! Одна из самых увлекательных и информативных книг о рынке, которую мне посчастливилось прочесть за последние двадцать лет. Ее обязательно нужно прочесть студентам, изучающим фондовый рынок, хотя она будет чрезвычайно интересна даже тем, кто ничего не знает о рынке. Захватывает ваше внимание с самого начала и не отпускает до самой последней страницы. Замечательная книга!»

- Дэн Салливан, издатель, «Чартист», Руководитель фонда и консультант по капиталовложениям.

«После прочтения этой изумительной биографии, мне в голову пришли две японские пословицы: «Смелым сопутствует удача» и «Беда ходит рядом». Смиттен показывает, как удача и беда стали неотъемлемой частью жизни Ливермора. В книге вы найдете интригу, характерную для детективного романа и уроки магистра торговли. Чего еще желать? Я настоятельно рекомендую эту книгу всем, кто интересуется историей, рынком и психологией заключения сделок».

- Стив Нисон, автор книги «Японские свечи: графический анализ финансовых рынков».

